

С. Е. ФЕДОРОВ

КОРОЛЕВСКАЯ
СЕМЬЯ
И ЦЕРЕМОНИАЛЬНОЕ
ПРОСТРАНСТВО
РАННЕСТИУАРТОВСКОЙ
МОНАРХИИ

С. Е. ФЕДОРОВ

КОРОЛЕВСКАЯ
СЕМЬЯ
И ЦЕРЕМОНИАЛЬНОЕ
ПРОСТРАНСТВО
РАННЕСТИЮАРТОВСКОЙ
МОНАРХИИ

УДК 94(410).06
ББК 63.3(4Вел)51
Ф 333

Ответственные редакторы:

Н.А. Хачатурян, А.А. Паламарчук

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *Т.Л. Лабутина*
кандидат исторических наук, доцент *Е.А. Терентьева*

Федоров С. Е.

Королевская семья и церемониальное пространство
раннестюартовской монархии / С. Е. Федоров.

Издание рассматривает церемониальное пространство английского королевского двора при Якове I в контексте династического строительства первых Стюартов и становления композитарной монархии. Анализ структуры церемониального взаимодействия между членами королевского семейства рассматривается как ключ к пониманию фундаментальных принципов организации власти в Англии раннего Нового времени.

Издание ориентировано на историков, социологов и широкий круг читателей, интересующихся историей Англии.

СОДЕРЖАНИЕ

	Двор династии Стюартов: взгляд из Петербурга (предисловие)	7
I.	«Restored to the whole Empire & name of great Briteigne»: композиционная монархия и ее границы при первых Стюартах	17
II.	«Domus regis» и «familia regis» в раннее Новое время	52
III.	Титулованная знать и высшие государственные чины в дискурсе официальных протоколов и регламентов	75
IV.	Семантика инсталляционных инсигний	105
V.	«И увидела царица Савская всю мудрость Соломона и дом, который он построил»: Анна Датская и финальный эпизод шотландских королевских свадеб	128
VI.	«Making her the mair wilful»: Анна Датская и ее придворное окружение (1590–1593)	157
VII.	В поисках сценария: Анна Датская и ее последний путь	176
VIII.	«Альтернативный» двор в раннестюартовской Англии: принц Уэльский и его окружение в 1605–1612 гг.	202
IX.	Вторая коронация Карла I Стюарта: шотландская версия сценария	217
X.	Посмертные изображения монарха в раннестюартовской Англии	247

IACOBI VI. ANGLIAE SCOTIAE FRANCIAE ET HIBERNIAE REGIS

INCOMPARABILIS

Nemo est nisi mirari que virtute utat ex uno

Scriptor vultus DIVE IACOBI suus

ANNAE FRIDERICI II. DANORVM QVONDAM REGIS FILIAE

IACOBI VI. SERENISS. ANGLORVM REGIS CONTIGES

Oras atq. Regis Regi post nuptia marito.

Nunc Reges pario, tota Britannia tibi

Двор династии Стюартов: взгляд из Петербурга

Феномен королевского двора — не уникальное, но исключительное по яркости и смысловой содержательности и репрезентативности явление, ставшее открытием для научного сообщества и исторической науки в середине и второй половине XX столетия. Будучи особо значимой темой в условиях монархической формы политической организации социума, на этапе убедительной победы республиканизма двор был забыт как объект научного изучения и интереса в Европе XIX — начала XX века, став неактуальной и даже «запретной» темой в условиях «официального» марксизма в отечественной медиевистике. Потребовались значительные усилия научного сообщества по оформлению новой философии истории и обновлению исторического знания, которые сломали эту традицию, изменив оценки фактора сознания в историческом процессе и обеспечив более гибкое понимание соотношения объективного и субъективного начал в последнем. Это позволило увидеть и оценить исключительные эвристические возможности королевского двора как объекта исследования, значительно обогатив и углубив не только картину средневековой истории, но понимание таких вневременных явлений, как феномен политической власти, формы властвования в контексте социологического анализа, его роль в оформлении института государственности, и, более того, выход темы за рамки только политической истории в разнообразный и креативный характер

исторического процесса в целом. В их ряду такая проблема как придворная «матрица» средневековой государственности в виде *seigneurie banale*, ставшей королевской курией и далее — политическим центром социума, с последующей исключительной ролью в институционализации и усложнении государственного строительства; любопытная перекличка организационной структуры двора и государственного механизма в процессе трансформации патримониальной природы политической организации социума в публично-правовое государство. Двор конституировал социальную реальность, позволяя понять формирование социальной базы власти, в частности значимость личностного компонента в качестве средства властвования. И, наконец, казалось бы, существует совершенно неожиданный вывод темы двора как культурно-исторического феномена. В этом последнем случае содержательное наполнение процедур репрезентации власти, организатором которых выступил двор, оказывались не только знаком причудливого симбиоза символических и секуляризированных форм средневекового сознания, но средствами властвования, которые решали двойную задачу — демонстрации великолепия, недостигаемости и вечности власти с одной стороны, и с другой — готовности власти (весьма условную) к диалогу с обществом.

Российские медиевисты включились в процесс придворных исследований сравнительно недавно. Перспективы, которые открывались для российских историков в сфере изучения потестарных отношений и структур, этими отношениями формируемых, впервые были освещены в работе «Достижения, потери и перспективы отечественной медиевистики»¹, вышедшей в свет в 1995 году. Статья стала своего рода манифестом рабочей группы «Власть и общество». Целью группы, которая плодотворно работает и сегодня, было не только догнать главного конкурента — сильно опережавшие российскую ме-

¹ Хачатурян Н. А. Достижения, потери и перспективы отечественной медиевистики (по материалам направления политической истории западноевропейского Средневековья) // Бюллетень Всероссийской Ассоциации медиевистов и историков раннего Нового времени. 1995. №6. С. 5-10.

медиевистику западноевропейские потестарные исследования, но и перенести на изучение властных — в том числе и придворных штудий ту научную стилистику, которая является характерной для традиций советской и российской исторической школы в целом. Речь идет, прежде всего, о стремлении к постановке фундаментальных проблем и обобщений, которые в перспективе позволяют реконструировать закономерности экономического, социального и культурного развития; словом, об элементе метафизики в отечественной науке.

В составе группы «Власть и общество», призванной объединить ученых из разных регионов России, тем не менее, ведущими были и остаются московская и петербургская школы медиевистов. Благодаря публикациям С. Е. Федорова петербургской школе, базирующейся на кафедре истории Средних веков Института истории СПбГУ, удалось перехватить у москвичей пальму хронологического первенства: в 1996 году две статьи («Альтернативный» двор в раннестюартовской Англии: принц Уэльский и его окружение в 1605–1612 гг.»² и «Бытовое поведение стюартовской аристократии»³) стали первыми в российской медиевистике работами, разрабатывавшими конкретные сюжеты функционирования придворного общества. В 1997 году в коллективной монографии «Англия XVII века: социoproфессиональные группы и общество»⁴ придворные рассматривались как социoproфессиональная группа, становление которой было во многом аналогично становлению социoproфессиональных сообществ юристов, врачей, духовенства и т. д. Невозможно не отметить и тот факт, что петербургские придворные исследования с самого момента своего зарождения сохраняют яркий и устойчи-

² Федоров С. Е. Альтернативный» двор в раннестюартовской Англии: принц Уэльский и его окружение в 1605–1612 гг. // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. 1996. №1. С. 89–99.

³ Федоров С. Е. Бытовое поведение стюартовской аристократии // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1996. №10. С. 130.

⁴ Англия XVII века: социoproфессиональные группы и общество / С. Е. Федоров, С. В. Кондратьев, Г. Н. Питулько; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб.: Образование, 1997.

вый английский акцент, в то время как медиевисты столицы более охотно обращаются к истории континентальных (французского, бургундского, имперского) дворов.

В 2001 году публикация коллективной монографии «Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда»⁵ обозначила первые промежуточные итоги работы петербургских, московских и региональных «двористов» и выявила впечатляюще широкий круг сюжетов, которые отечественные ученые успели освоить за неполные пять лет. Исследованиям по истории европейских дворов отведено значительное место и в коллективных монографиях, публиковавшихся по результатам конференций группы «Власть и общество», в 2004⁶, 2006⁷, 2008⁸ годах. Помимо совместной работы с МГУ и ИВИ РАН петербургские медиевисты плодотворно занимались строительством собственной «придворной» школы. Ряд парных докладов докладов С. Е. Федорова и А. Ю. Прокопьева о церемониале жизненного цикла английских монархов и немецких князей на кафедре истории Средних веков СПбГУ, конференция петербургских историков «Нобилитет в истории старой Европы»⁹, по результатам которой в 2010 году был издан сборник статей — все это стимулировало развитие среди петербуржцев интереса к освоению новых горизонтов в микрокосме королевского двора. Наконец, публикация монографии «Королевский двор в Англии XV–XVII веков»¹⁰ в 2011 году стала неоспоримым свидетельством того, что под руко-

⁵ Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда. СПб.: Алетей, 2001.

⁶ Королевский двор в политической культуре средневековой Европы: Теория. Символика. Церемониал / под ред. Н. А. Хачатурян. М.: Наука, 2004.

⁷ Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти / под ред. Н. А. Хачатурян. М.: Наука, 2006.

⁸ Власть, общество, индивид в Средние века и раннее Новое время / под ред. Н. А. Хачатурян. М.: Наука, 2008.

⁹ Нобилитет в истории старой Европы / под ред. С. Е. Федорова и А. Ю. Прокопьева. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2010.

¹⁰ Королевский двор в Англии XV–XVII веков / под ред. С. Е. Федорова. Труды исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Том 7. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011.

водством С. Е. Федорова в Санкт-Петербурге выросла полноценная школа исследователей английского двора; интересы ее участников распространяются не только на двор первых Стюартов, но на более широкий хронологический отрезок: от двора поздних Ланкастеров в XV столетии вплоть до начала Великого Мятежа. Под научным руководством С. Е. Федорова было защищено восемь кандидатских диссертаций на придворную тематику: это диссертации В. С. Ковина «Королевские слуги и яковитский двор в Англии 1603–1625 гг.» (СПб., 1999); Н. А. Журавель «Граф Лестер и католическая оппозиция при Елизавете I Тюдор» (СПб., 2000); М. А. Буланакowej «Знатная женщина и стюартовское общество в Англии XVII в.» (СПб., 2002); Е. И. Эциной «Идейно-политические основы раннестюартовской монархии» (СПб., 2006); В. А. Ковалева «Королевский церемониал ранних Стюартов» (СПб., 2006); С. В. Бурова «Королевский двор и политическая борьба в Англии во второй половине двадцатых — тридцатых годов XVII века» (СПб., 2009); И. Г. Моиссева «Орден Подвязки в конце XVI — начале XVII века» (СПб., 2011); Е. А. Бакадиной «Английский королевский двор при Эдуарде IV. Институты, слуги, церемониал» (СПб., 2011). Самое молодое поколение «двористов» представляет С. С. Меднис, которая успешно изучает коронационный церемониал Елизаветы Тюдор.

Настоящее издание было инициировано и подготовлено группой учеников С. Е. Федорова — аспирантами Института истории СПбГУ К. В. Перепечкиным, Ф. Е. Левиным, к. и. н. Б. И. Ключко, д. и. н. А. А. Паламарчук и магистрантом Института истории Е. Г. Тишуниним. Хотя в этом году С. Е. Федорову исполнилось 55 лет, издание не планировалось в качестве юбилейного. В статьях разных лет, охватывающих более чем двадцатилетний период и впервые собранных под одной обложкой, мы старались, с одной стороны, отразить различные этапы становления ученого, с другой — продемонстрировать разнообразие подходов к осмыслению придворной тематики. Эта книга является также благодарностью за многолетнее научное руководство и человеческое наставничество.

Многоплановость исследований вообще является характерной особенностью авторского научного почерка Сергея Егоровича. На первом этапе изучение придворной темы в ее конкретных изменениях проходило под влиянием тех методов, которые были предложены его оксфордским наставником проф. Дж. Эйлмером. Речь шла о рассмотрении раннестюартовского придворного общества как зеркала более общих социальных трансформаций, зеркала эпохи, в которой социально значимые приоритеты, ценности и структуры в конечном счете определяли вектор изменения механизмов государственного управления. В преимущественно социальном ключе чуть позднее была осмыслена и проблематика гендерного (феномен «мужского» и «женского» двора, взаимоотношения между супругами как условно «политический» фактор и т.д.): частное пространство семьи первых двух Стюартов оказывалось тем измерением, в котором наиболее эффективно разрешились в том числе и политические проблемы, стоящие перед верховной властью. Ученики С. Е. Федорова прекрасно помнят, какой огромный инетерс вызвало обсуждение на «Тюдоро-стюартовском семинаре» методологии дискурс-анализа, в самом начале XXI столетия еще достаточно мало известного для отечественного научного сообщества. Изучение антикварного дискурса с использованием богатейшего лексикографического материала эпохи ранних Стюартов позволило рассматривать двор и придворное общество не только как место диалога между властью и элитами, но как место формирования специфического языка власти, как литературного, так и изобразительного. Наконец, оригинальным этапом в творчестве С. Е. Федорова стало рассмотрение придворной тематики в контексте становления композитарной монархии.

Формирование устойчивой и постоянно пополняющей свои ряды группы петербургских двористов-англоведов стало возможным не только благодаря очевидной притягательности и востребованности «придворных» сюжетов, но и благодаря той черте, которую неизменно отмечают ученики С. Е. Федорова — исследо-

вательской щедрости их научного руководителя. Открытие нового комплекса источников, новаторского подхода или неожиданной темы легко может заронить в душу ученого искушение навечно закрепить ее за собой и остаться бессменным монополистом. Сергей Егорович в этом отношении остается человеком, который щедро делится с учениками всех возрастов своими открытиями и, постоянно открывая новое для себя, немедленно вовлекает младших коллег в освоение все более заманчивых перспектив. Вне всякого сомнения, самые интересные методологические находки у С. Е. Федорова и его учеников впереди, а созданная им школа будет и далее плодотворно сохранять баланс между самыми актуальными новациями Запада и традициями российской медиевистики.

IACOBVS ET ANNA, REX ET REGINA ANGLIÆ, FRANCIÆ, SCOTIÆ ET HIBERNIÆ.

SCHEERVELD, P. & A. ENVELSEN, WATTEL, DE, DE BONTJES.

The high and mightie prince James by the
grace of god King of England Scotland Fraunce
and Ireland defendor of the faith

Laurence Johnson fecit 1607

Op deze manier Reede de Koningen van Engelandt In het Parlement.

James koning van Engelandt Scotlandt En yreland

«RESTORED TO THE WHOLE EMPIRE & NAME OF GREAT BRITAIN»: КОМПОЗИТАРНАЯ МОНАРХИЯ И ЕЕ ГРАНИЦЫ ПРИ ПЕРВЫХ СТЮАРТАХ

Формирование раннестюартовской композитарной монархии¹ стало результатом длительных процессов, характеризовавших историю Британских островов на протяжении почти тысячелетия. Берущее свои истоки в политических коллизиях англо-саксонских королевств, периоде правления Нормандской династии, имперских амбициях XIII–XV столетий², с одной стороны, и затяжном англо-шотландском противостоянии — с другой, составное британское государство обретает свои окончательные границы с воцарением Стюартов. Именно тогда неотъемлемой частью британского государства становится Шотландия, территориальное соперничество двух соседствующих композитарных монархий теряет былой смысл, а некогда непримиримые имперские притязания унифицируются. Складывается тот тип государственного объединения, о котором мечтала еще тудоровская пропаганда³. Раннестюартовская композитарная монархия⁴ была, таким образом, прямым воплощением по-

* Оригинальная публикация: Федоров С. Е. «Restored to the Whole Empire & Name of Great Britain»: композитарная монархия и ее границы при первых Стюартах // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / отв. ред. и сост. Н. А. Хачатурян. М., 2011. С. 202–225.

пулярной со времен Генриха VIII гальфридианской идеи, а ее территориально-административное устройство напрямую реализовывало контуры восходящего к XII столетию мифа⁵.

Материализация гальфридианской идеи определялась, с одной стороны, вполне объяснимой коллизией между имперским и монархическим концептами в осознании процессов государственного строительства. С другой — очевидной ограниченностью инструментальной базы тех интеллектуальных групп, которые, как представляется, были нацелены на преодоление этой коллизии.

Несмотря на то, что уже Фома Аквинский воспринимал понятие «*regnum*» как синоним справедливого единоличного правления, идущая от него традиция предпочитала подчеркивать, что для любого легитимного монархического строя важнейшим, если не единственным, принципом остается не столько сама организация верховной власти, сколько ее пространственная «протяженность» или «экстенсивность» власти. При этом в толковании основного смысла «*imperium*» хотя и присутствовали пространственно-географические элементы, на первый план выдвигались идеи, подчеркивавшие его статус, как особого достоинства, трансформируемого не столько на межличностном, сколько на трансперсональном уровне. В этом смысле доминировало представление об отсутствовавшей в первом варианте своеобразной «интенсивности» верховной власти.

Трансперсональный характер основного значения «*imperium*» сочетался, как правило, с определенной миссией, которой наделенный таким особым достоинством народ облачал, помимо прочих обязанностей, своих государей. Так имперское достоинство, изменяя в очередной раз своего носителя, персонифицировалось. В подобных трансформациях различались две фазы, означавшие фактическую и правовую (юридическую) стадии такого процесса, но только вариант *de jure* считался полноценным.

Реализация особой миссии предполагала экспансионистский элемент во внешней политике такого политического образования. При этом степень самой экспансии оправдывалась характером такой миссии и зависела от восприятия этнополитической, религиозной и культурной специфики ее объекта. Осваиваемые территории, расширяя исходные границы такого государства, видоизменяли пространственную «протяженность» верховной власти правителя.

Особое достоинство, которым наделялся опять-таки особый народ, предполагало наличие других, менее исключительных по своим качествам и отличающихся между собой народов. Степень этнополитических, религиозных и культурных различий обуславливала формы их ассимиляции в рамках расширяющегося государства. В том варианте, когда новые земли и народы, включаясь в состав такого политического образования, теряли свою территориальную самостоятельность, «протяженность» верховной власти завоевателя расширялась. Когда же граница между основной и приобретаемой таким образом территорией оставалась неподвижной, очевидно, происходила «интенсификация» верховной власти, усиливавшая в очередной раз исходное исключительное достоинство завоевателей.

Переплетение имперского и монархического концептов в обосновании политических процессов, протекавших на Британских островах и в Западной Европе — в целом, обуславливало отсутствие, в конечном счете, четкого разграничения между тем, чем следовало руководствоваться при определении этих двух форм политических образований. Попытки некоторых исследователей увидеть в теоретических конструкциях авторов XIV–XVII веков подобие современного представления, разграничивающего два элемента политической системы — форму правления (монархия) и форму государственного устройства (империя) — навряд ли могут оказаться оправданными. Хотя стремление разделять сумму определений, обозначавших «интенсивность» верховной власти и ее «протяженность», несомненно, приближали европейскую мысль этого времени к открытию их современных значений.

Ограниченность инструментальной базы подобных построений определялась не только отсутствием оригинальных решений, сближающим тем самым аргументацию позднесредневековых авторов с античной (греко-римской), но и отношением к самому предмету полемики. Речь идет о том, что в подавляющем всякую вариативность рассуждений контексте политическая организация средневековых обществ по-прежнему отождествлялась современниками со спецификой организации верховной власти. При этом позднесредневековых интеллектуалов, не выделявших еще собственно институциональной природы любого типа политических образований, прежде всего, интересовали этические, а затем правовые аспекты функционирования властных отношений. В этом смысле предметом многочисленных спекуляций оказывались персонифицированные в личности правителя добродетели (позитивный аспект полемики) и недостатки (негативный аспект полемики), а также рассуждения вокруг легитимности самого правления.

Этическая природа верховной власти подразумевала наличие или отсутствие трансформированных христианством, но уже известных греко-римской культуре добродетелей и достоинств. Легитимность правления напрямую увязывалась либо с античной политической традицией, либо с ее уже средневековыми преемниками; определенное значение сохраняли сугубо династические связи. Используемые доказательства как этического, так и правового характера в своих исходных значениях, повторяя цицероновские, а позднее — аристотелевские формулы и определения, оказывались насквозь имперскими.

Вплоть до появления знаменитых сочинений Данте («О монархии» и «Пир») интеллектуальные ресурсы имперской тематики, оставаясь первичными, превосходили потенциал монархической полемики. Под влиянием идей Данте монархический дискурс постепенно начинает осваивать систему доказательств имперской полемики, а их значение в политических дискуссиях XIV–XVII веков сначала медленно выравнивается, а затем наблюдается повторная, но отличная от позднесредневековой дифференциация каждого из понятий.

На этапе сближения двух полемических дискурсов происходит своеобразный обмен базовыми концептами. Имперский дискурс, сохраняя свои исходные контуры, активно впитывает в себе характерную для монархического дискурса идею «протяженности» верховной власти⁶, а монархическая тематика осваивает «интенсифицирующие» королевскую власть компоненты. На этом фоне возникают, как представляется, два взаимосвязанных феномена.

С одной стороны, постепенно оформляются представления о существовании оснований для возрождения своеобразного политического гегемона — всемирной светской монархии, претендующей на исключительный статус и миссию не только в известном к тому времени «круге земель», но и на вновь открываемых территориях⁷. Право на «мировое» господство начинают последовательно оспаривать сначала Священная империя (очень непродолжительный период при Карле V), затем испанская (при Филиппе II и его преемниках) и только потом — французская монархии (наиболее последовательно при Людовике XIV). С другой стороны — окончательно укореняются идеи о существовании иного рода самодостаточных политических образований, главы которых в пределах собственных территорий по определению обладают достаточными основаниями для реализации властных полномочий.

Формирующееся таким образом противостояние универсалистских и — условно — партикуляристских тенденций в политическом развитии западноевропейских государств начинает оказывать стимулирующее воздействие на процесс оформления правовой базы, сначала ограничивающей, а затем и регулирующей внешнюю политику династий в пределах известных к тому времени морских путей. Впоследствии международное морское право закладывает основы для постепенно расширяющегося представления о границах географического пространства, в пределах которого реализуется вся полнота верховной власти того или иного суверена.

«Обновленные» пространства уже не совпадают ни с широко известными пределами «римского мира», на преемственность с ко-

торыми претендует универалистский вариант монархии, ни с исторически известными границами отделившихся от него в свое время частей и провинций, континуитет с которыми оставался желательным для всех остальных монархий. Основанная на таких формах преимущественности идентичность перестает быть достаточной. Во многих своих проявлениях она продолжает питать самосознание западноевропейских монархий XVI–XVII веков, но уже в совокупности с иными концептами.

Претензии⁸ на универалистский статус верховной власти покоились на лишенном какого-либо мистифицирующего оттенка представлении о социальном теле⁹, не только императивно распространяющем за своими исходными пределами определенный превосходящий все иные формы «гражданственности» тип политической культуры, но и воспринимающем «преображенные» таким образом территории в качестве государств-клиентел, объединенных между собой испанской монархией.

Уже в римском варианте «империи-монархии»¹⁰, к которому, прежде всего, апеллировали сторонники универсализма¹¹, конституирующим такое социальное тело элементом было покоящееся в его исходных началах рациональное основание, организующее его корпоративную сущность, воплощаемую, как известно, в особой форме, близкой по своему значению с гражданским сообществом. Таким основанием считалось универсальное право. Созданное человеческим разумом на основании естественных законов, оно было, прежде всего, рукотворным человеческим правом.

Известно, что для римлян единственно возможный вариант гражданского корпоративного сосуществования был связан с определенными формами городской жизни. Только городская жизнь регулировалась законами, обязывающими людей к особому типу поведения, только она закладывала и постоянно поддерживала опреде-

ленные формы гражданских достоинств и добродетелей, формируя возможный спектр духовно-физического превосходства человека над всеми иными особями. Очевидно, что избранная римлянами форма сосуществования была результатом их коллективной познавательно-созерцательной деятельности и по этой причине воплощала определенный тип человеческой мудрости — основание, давшее в свое время повод для Августина отнести именно римский вариант социального сообщества к разряду совершенного («perfecta communitas»). Такая мудрость — универсальное знание, соединенное в нормах гражданского права и «моноцентричной» политической культуры, оно, успешно распространяясь за его пределами, несло на себе важнейшую функцию, конституируя и укрепляя растапливающееся тело римской государственности.

Заложенное в этом сообществе стремление к распространению накопленных знаний во многом зависело от отношения к римскому опыту как универсальному источнику знаний. Уже у Полибия сам термин «*orbis terrarum*» используется для обозначения той части мирового пространства, в которой процветают знания. В этом своем исключительном качестве «римский мир» противопоставляется всем народам, живущим за его пределами. Насколько можно судить, такие народы отличались от римлян, прежде всего, отсутствием в их социальной практике рационального начала.

Еще у греков, очевидно, под влиянием Аристотеля сложилось мнение о существовании так называемого естественного рабства, означавшего, как известно, состояние человека, производное от его неспособности совершать обдуманные, целенаправленные действия и, следовательно, обрекавшее его на принудительный труд в пользу свободных в своем выборе людей. Аристотель затруднялся в идентификации этого аномального человеческого состояния, но, как представляется, был близок к мысли о том, что оно оставалось характерным для варваров и было, что самое важное, практически необратимым. Несмотря на то, что римляне придерживались сходных взглядов, их правовая практика допускала отсутствовавшие в греческом варианте производные состояния.

Социальные возможности римской правовой культуры, допускавшие различные варианты инкорпорации инородных, главным образом, варварских элементов в состав «римского мира» усиливали отношение к ней как исключительной и обладающей универсалистским предназначением. Латий не только считался тем самым местом, где, по образному выражению Вергилия, «дикие расы» некогда были объединены Сатурном. Образовавшаяся в результате этого человеческая раса — «единое сообщество людей и богов» была обречена на преуспевание. Очевидно, заложенный в самой идее вечного города концепт, обеспечивая ему особую консолидирующую такую расу функцию, подразумевал, что успехи процветающей в нем культуры потенциально должны разделять и другие народы. Отказ Термина, как известно, защищавшего пограничные сигнальные маяки, присутствовать на церемонии в честь основания Рима, должно быть, символизировал заведомо predetermined перспективы.

Изменяющееся за счет инкорпорации новых народов социальное тело римской государственности, сохраняя свою исходную самодостаточность, не только разрушало границы между «миром людей» и варваров, но и приобщало обновленную часть образующегося таким образом «круга земель» к идеям и принципам справедливого правления. По образному выражению Сенеки, только империя представляла собой единственное основание — своеобразную «цепь», способную скрепить в единое целое членов различных по своей исходной природе политических сообществ¹².

Христианская культура, составлявшая второй важнейший конструкт, формировавший представления сторонников универсализма, претендуя на преемственность с римской культурой в охвате «круга земель», иначе представляла себе источники и формы универсального знания, скрепляющие ее исходное единство, но весьма схожим образом понимала их социальную функцию. Независимо от приверженности к расставляемым акцентам, христианское сообщество осознавалось христианской мыслью не только как своеобразное мистическое тело, пребывающее в умиротворенном гар-

монизированном состоянии, но и как определенное устройство, в котором мирское начало, так или иначе, сосуществует с духовным в «республике верующих»¹³.

Гармония и внутренняя целостность такого сообщества обеспечивались единством христианской мудрости, источники которой неизменно определялись откровением. Его единственными хранителями и толкователями считались преемники апостола Петра, и в этом смысле только папство по определению располагало реальными средствами и орудием для управления всей ойкуменой. Распространяющаяся до последних пределов мира «республика верующих» преумножала, прежде всего, авторитет папства, а не светских государей, обращая неверующих и сокрушая непримиримых врагов христианства, организовывала жизнь на новых территориях в соответствии с нормами, прежде всего, церковного, а только потом светского права.

Казалось бы, в отличие от римской традиции, рассматривавшей единство духовного и материального начал в качестве основы человеческого общежития, христианство предпочитало их субординацию. При этом, неизбежно подчиняя светскую власть духовной, христианская «метафизика государства» все-таки допускала известную двусмысленность в понимании разделяющих обе власти границ.

Уже сам факт сосуществования двух форм властей — их в той или иной степени признаваемый дуализм мог означать различные, а по сути, противоположные последствия для образующих христианскую ойкумену сообществ. Для церкви с ее аксиомой о превосходстве духовного начала над мирским он лишь усиливал концепты папской теократии. При этом светские государи, включая самого императора, могли претендовать на обратное, используя дуализм властей для укрепления собственных позиций.

В подавляющем большинстве определений само представление о «республике верующих» не совпадало с тем, что обычно понималось под церковью, как таковой. «Республика верующих», объединявшая в единое целое клир и мирян, оказывалась значительно шире самой церкви, и в этом смысле власть светских государей и, прежде

всего, императора имела достаточные основания для того, чтобы, не оспаривая духовный авторитет папства, стремиться к реализации своей автономной, а затем и самодостаточной сущности.

Положение о неоспоримости вероучительного примата папства сосуществовало с интерпретациями, допускающими двойственность представлений о территориальных пределах его общего верховенства. В зависимости от того, ограничивалось ли единство двух властей верховных понтификов границами Папского государства или же распространялось на территорию всей ойкумены, сокращались или расширялись реальные размеры папской теократии и, как следствие, определялись иерархия и компетенции всех прочих властей.

Практическое господство папства над сферой мирского, как известно, определялось доктринальным подчинением философии теологии. Лежавшее в основе представлений об иерархическом единстве христианской мудрости, оно, тем не менее, строилось на весьма тонком и на практике почти неразличимом видении двух различных состояний близости с основным познавательным идеалом. Философия, как известно, развиваясь, возвышалась до рассмотрения Бога, а теология, осваивая ее знания, непосредственно касалась наивысшего. Возникающее при этом ощущение самодостаточного характера философских знаний и опыта без последующих теологических обобщений могло вполне не подразумевать обратного. Потенциально возможный, а, в конечном счете, неизбежный разрыв единства христианской мудрости предопределял последующее разрушение иерархического строения «республики верующих».

Подобные противоречия, заложенные в представлениях о границах светской и духовной власти, с одной стороны, способствовали постепенной девальвации христианского учения о государстве с его трехуровневой системой властных отношений. С другой — на фоне сближения имперского и монархического дискурсов определяли закономерную концептуализацию идеи светского государства во всех ее мыслимых вариантах: универсалистском, национальном и, наконец, в интересующем нас — композитарном.

На исходе Средневековья представления об имперской власти по-прежнему ограничивались характером и объемом ее верховной юрисдикции. Используемые для этих целей определения и оценки, по большей части, восходили к наследию глоссаторов XI–XII века и, оставаясь явлением достаточно поздним, были лишены последовательной систематизации.

Исходными в определении объема имперской юрисдикции, как правило, считались две фразы Ульпиана (Dig. 1.IV.1; Dig. 1.III.31), обраставшие в последующих комментариях многочисленными смысловыми интерполяциями и уточнениями. Одна из них: «то, что решил принцепс, имеет силу закона», характеризуя роль императора в созидании потенциально возможной системы права, вызывала ассоциации с более поздним пониманием фундаментальной власти (сначала «imperium», а затем «auctoritas»). Другая: «принцепс свободен от соблюдения законов», конкретизируя его положение в уже действующей системе законодательства, увязывалась с обычно парным и в позднейших комментариях менее значительным по компетенциям определением «potestas».

Отталкиваясь от подобных ассоциаций средневековые глоссаторы (Плацентин и в особенности Аккурсий) с самого начала модифицируют свойственные римскому праву представления о верховной власти императора¹⁴. Продолжая разделять характерное для римских юристов мнение о делегированной природе имперских полномочий, они минимизируют возможные условия их отзыва до чрезвычайных. Соглашаясь с римской идеей превосходства имперского суверенитета над властью территориальных государей, они, тем не менее, проявляют завидный интерес к ограничивающим его моделям. Наконец, не возражая против сакрализирующих имперскую власть концептов, они не без влияния теории двух мечей ограничивают природу светской власти вторичными по отношению к духовной признаками¹⁵.

Модификация классических римских представлений о верховенстве императорской власти, представленная глоссаторами, на деле оборачивалась ее более или менее последовательной лимитацией. При этом соседствовавшая с глоссаторами школа канонического права, инкорпорируя взгляды римских юристов в рамки церковного учения о государстве, напротив, активно способствовала расширению представлений о верховенстве папства в духовных и светских вопросах. Оставаясь на протяжении XII–XIII веков практически автономной сферой, каноническое право активно использовало наследие глоссаторов, особенно в тех случаях, когда духовная власть последовательно противопоставлялась светским авторитетам. И в этом смысле вплоть до начала XIV века теория папского верховенства по своим интеллектуальным ресурсам во многом превосходила своего основного контрагента¹⁶. Затем не без влияния известных политических процессов диалог между легистами и канонистами приобрел не только конструктивный оттенок, но и взаимообогащающий характер. Куда более разнообразные формулы и определения, используемые для характеристики всеобщего верховенства пап, стали активно осваиваться и для демонстрации соответствующих компетенций императорской власти¹⁷.

Начало разработки идей папского верховенства в каноническом праве было связано с поиском емких по смыслу, известных глоссаторам, но не используемых ими понятий. Очевидно, именно этим обстоятельством можно объяснить появление впоследствии широко известной триады определений «plenitudo potestatis» — «plena potestas»¹⁸ — «libera potestas». Первый элемент триады означал полноту власти римского папы в церковных вопросах, второй, чисто технически отличаясь от первого, мыслился как «полная власть», но с оттенком — власть делегированная. Наконец, третий элемент, оставаясь производным от второго, означал «власть неограниченную», т.е. состояние, наступавшее, очевидно, в ходе реализации делегированного властного мандата.

Понятие «plenitudo potestatis» уходило своими корнями в богословскую полемику раннего Средневековья, но со временем, утратив известную актуальность, вышло из оборота и оставалось не востребуемым вплоть до расцвета канонического права в начале XII века. Первоначально его использование не ограничивалось определениями папского авторитета и распространялось на характеристику особого состояния архиепископа, который после получения палия обретал «полноту» своего должностного положения (plenitudo pontificalis officii). Начиная с конца XV века, исходная двойственность этого определения будет активно эксплуатироваться в полемике между императорами и территориальными государями¹⁹.

Определение «plena potestas» было заимствовано из римского публичного права, где под ним разумеалась определенная форма делегированных полномочий, которыми наделялись лицо или группа лиц, представляющих интересы клиента в тех или иных общественно значимых ситуациях. «Libera potestas» применялся для обозначения особых полномочий прокураторов и имперских наместников и, подобно, «plena potestas» характеризовал положение, при котором «избранный» не связывался в своих действиях определенными полномочиями по каждому конкретному вопросу²⁰.

Используемые в совокупности, эти определения обозначали различные аспекты папского верховенства, но только термин «plenitudo potestatis» применялся для характеристики папской власти в целом. Первые попытки более или менее исчерпывающего объяснения значения этого термина были связаны с сопоставлением властного авторитета пап и епископов, причем в той мере и степени, в какой в позднейших версиях выстраивались схемы противопоставления императорских и королевских компетенций. Власть папы по определению являлась неограниченной и распространялась внутри границ вселенской церкви в то время, как власть епископов по умолчанию была ограничена территорией диоцеза. В таких сопоставлениях канонисты признавали любое решение пап обязательным не только для всех стоящих ниже его иерархов, но и самой церкви в целом.

Ответственность за такие решения лежала исключительно на совести верховных понтификов, при этом ответственность епископов оставалась неизменно субсидиарной. В отличие от епископов папа олицетворял собой критерий справедливости, оставаясь несменяемыми судьей всех и вся (*iudex ordinarius omnium*), его возвышали до уровня «живого права» (*lex animata*), называя верховным законодателем, сохраняющим все мыслимые законы у себя в груди, возможно, в сердце или подле него (*omne ius habet in pectore suo*)²¹.

Дальнейшее усовершенствование смысловых оттенков, характеризовавших «plenitudo potestatis» римских пап, было связано с именем Генриха Созо, который значительно расширил представления о их верховной юрисдикции, предложив к использованию формулу «*suppletio defectum*»²², обозначающую дополнительную компетенцию по исправлению несовершенных законов и последствий, связанных с их неправомерным использованием²³. Содержание этой формулы во многом зависело от характерного для канонического права разграничения двух форм власти — абсолютной и упорядочивающей. *Potestas ordinata* наделяла пап способностью законотворчества в сфере позитивного права, а *potestas absoluta* — исключительными полномочиями в корректировке действующего законодательства. Позднее юристы начали использовать оба понятия для обозначения известного состояния, когда созидаящий право верховный законодатель в момент его последующего применения оказывается в позиции «над» результатом его деятельности²⁴.

Очевидная тенденция к своеобразному наращиванию определений папского верховенства далеко не всегда отражала действительность и соответствовала реальным политическим процессам. Прямое вмешательство пап во внутренние дела светских государств носило по большей части эпизодический характер, оставаясь конкретным ситуативно обусловленным явлением. В свою очередь критика Константинова дара с ее выраженной направленностью на сокращение территориальных пределов папской юрисдикции и растущими опасениями по поводу незаконности переданных пап-

скому престолу земель формировала основу для на деле ограничивающих полноту верховной власти моделей. При таком стечении обстоятельств окончательная материализация идеи о всеобщем верховенстве римских понтификов могла состояться исключительно в пределах Папского государства.

Представления о верховной власти территориальных государей во многом зависели от отношения писавших на эту тему юристов к природе сначала — папского, а затем и имперского верховенства. В том случае, когда универсалистские претензии средневековых императоров полностью отрицались, вся перспектива возможных построений ограничивалась формулой «*rex qui superiorem non recognoscit*», очевидно, восходившей к декреталии Иннокентия III «*Per Venerabilem*». Когда же права на «всемирное» господство императоров не оспаривались, аналогичную функцию выполняла формула «*rex in regno suo est imperator regni sui*», впервые использованная Ацо²⁵.

Несмотря на безусловное различие в исходных тезисах, лежавшие в основе обеих формул доказательства, в конечном счете, оправдывали характерную для средневековой Западной Европы территориальную дисперсию властных отношений²⁶, открывая перспективы для последующих модификаций теории властного суверенитета. По мере ослабления империи, уже в конфессиональную эпоху конструктивная сторона каждой из формул, заметно усиливаясь, давала почву для появления культурно-исторических вариантов, характеризовавших их «национальную» идентификацию. Формула «*rex in regno suo est imperator regni sui*» составила основу для теорий верховенства в землях, которые никогда не входили в состав имперских владений. Другая же — «*rex qui superiorem non recognoscit*» — использовалась, как правило, государями, которые когда-либо реально соприкасались с территориальной юрисдикцией германских импе-

раторов. Очевидно, что только политический опыт Франции и итальянских городов-республик²⁷ мог претендовать в такой перспективе на исключительную связь с последствиями применения обеих формул.

Позиция Иннокентия III в отношении территориальной верховной власти была еще далека от более жестких и открытых для универсального использования формулировок ее последующих комментаторов, расширявших содержащиеся в папской декреталии положения о политической автономии французской монархии до ее суверенного, приравненного к имперскому статуса²⁸. Уже Ольдрад из Понте, отстаивая претензии Роберта Мудрого на верховенство в подвластных ему территориях, использовал формулу «*ex qui superiore non recognoscit*» для полного отрицания универсалистского характера имперской власти²⁹. Согласно его утверждениям, сицилийское королевство всегда располагалось за пределами империи и, являясь фьефом римских пап, подразумевало иной тип политической субординации. При этом такой тип вассалитета не отражался на светских прерогативах ни предшественников, ни преемников Роберта Мудрого, поскольку их обязательства перед папством носили исключительно духовный характер и предполагали только вероучительный примат римского престола над сицилийским.

Признавая такой тип субординации в качестве альтернативы внутриимперской иерархии властей, Ольдрад и его последователи подвергали сомнению, казалось бы, непреложный факт о соподчиненности «круга земель» имперскому владычеству. Оказывалось, что идея «всемирной» державы могла оспариваться не только куда более перспективными, хотя и небесспорными, формами вассалитета, не умалявшими суверенного статуса территориальных государей, но и самим фактом существования таких политических объединений.

Очевидная уязвимость определений, подчеркивавших духовный характер вассалитета сицилийских монархов по отношению к папству, интенсифицировала поиск возможных аргументов, доказывающих изначально иной, отличный от отдающего приоритет

имперскому порядку вещей. Оказывается, что с точки зрения естественного права — весьма популярного и чтимого среди юристов основания — территориальные государства (собственно королевства или царства) предшествовали образованиям имперского типа³⁰. В этой связи терялся исходный смысл универалистских претензий римского народа, а самое главное — лишались легитимных оснований все декларируемые с ним формы преемства.

Поскольку естественный порядок ограничивал начальные формы политических объединений исключительно территориальными королевствами, империя могла возникнуть лишь в результате завоевания и насильственного объединения некогда независимых государств. Такая форма «неестественного» фактического господства противопоставлялась покоящейся на легитимных началах власти территориальных государей. Римский император, таким образом, лишался *de jure* оснований на мировое господство, а римский народ оказывался неспособным трансформировать производное от этого права достоинство своим государям³¹. Любая последующая «трансляция» имперской идеи по умолчанию превращалась в бесосновательную и нелегитимную.

Для той части юристов, которые в той или иной степени признавали универалистский характер имперской власти — другая формула «*rex in regno suo est imperator regni sui*» означала, что любой монарх, подобно императору, имеет все необходимые основания для верховенства в подвластных ему территориях. При этом весь известный к тому времени мир состоял из свободных королевств, среди которых империя, являя собой пример лишь наиболее крупного по своим размерам территориального образования, была лишена каких бы то ни было первенствующих позиций, а ее доминирование воспринималось в качестве временного, случайного и, безусловно, преодолеваемого состояния³².

В любом случае разделявшие эту позицию юристы отдавали должное потенциально возможным переменам: «политическая» картина мира могла изменяться как в сторону появления новых тер-

риториальных государств, так и в сторону образования неизвестных ранее государственных объединений. Наличие «старой» империи среди такого рода образований не исключало возникновения иной территориальной доминанты и связанной с нею обновленной имперской идентичности. Подобного рода идентичности во многом определяли размежевание политических сил на исходе Средневековья.

Как известно, после появления знаменитого Ограничительного акта 1533 года в политическом лексиконе англичан прочно укоренились представления, идентифицирующие тудоровскую монархию с империей, согласно формуле «*rex in regno suo est imperator regni sui*». Во главе такой монархии — своеобразного «политического тела», состоявшего из людей различного положения и достоинства, стоял второй после самого Господа владыка, облаченный имперским титулом и короной государь³³. Акт не только содержал характеризующие имперское сознание Тюдоров элементы, но и определял потенциально возможные ассоциации. Речь идет о том, что на фоне отсутствующих упоминаний о посреднической роли церкви могли возникать известные параллели с римской практикой государственного церковного строительства, предполагавшей особую форму подчинения духовной сферы светской власти³⁴. Отождествление монархии с «политическим телом», способным не менять своей конфигурации во времени и пространстве, могло вызывать закономерные ассоциации с представлениями о «мистическом» теле монархии, оказывавшими влияние на ее более последовательную сакрализацию. Уровень обобщения, допускавший такие взаимосвязанные отождествления, не только раскрывал, но и превращал параллель с политико-правовыми атрибутами средневековой корпорации в одну из наиболее очевидных³⁵.

Среди всех мыслимых ассоциаций возможная связь с корпоративной теорией была наиболее принципиальной, поскольку скры-

тые в ней возможности облегчали восприятие постоянно меняющих свою направленность процессов самоорганизации средневекового общества.³⁶ Первоначально корпорация (*universitas*) отождествлялась с формирующими подобную общность людьми³⁷. Затем, по мере усложнения исходных представлений, складывались предпосылки для постепенного разграничения входящих в подобные объединения физических лиц и собственно самой формы корпоративной организации. Последняя, очевидно, приобретая черты универсальной формы самоорганизации общества, осмысливается как обобщающая этот опыт самодостаточная абстракция. Постигаемая исключительно посредством человеческого разума, она выводится за рамки брэнного существования в сферу категорий естественного права и наделяется правосубъектностью. Как юридическое лицо корпорация затем повторно материализуется в коллективном лице составляющих ее членов, но при этом остается независимой от них, т.е. самоуправляемой организацией³⁸.

Уже в трудах Бартоло³⁹, а затем и Бальдуса итальянские города-республики начинают отождествляться с корпорациями, регулирующими свою внутреннюю жизнь при помощи обычного и статутного права, источники которого определяются коллективным согласием живущих на их территории народов. При этом покоящиеся на всеобщем волеизъявлении обычаи и статуты не требуют иных высочайших санкций⁴⁰. Функционирующая в таких городах-корпорациях избираемая или назначаемая народом верховная власть приобретает самодостаточный, и фактически независимый от внешних авторитетов характер⁴¹.

Влияние корпоративной теории не ограничивалось представлениями о формах самоорганизации итальянских городских республик. Оно подпитывало куда более общие рассуждения итальянских и французских юристов о генезисе и природе территориальных государственных объединений⁴². Солидаризирующим позицию этих юристов моментами являлись, с одной стороны, признание «очевидной реальности» универсалистского характера верховной

власти императора и осознание «очевидной условности» ее территориальных пределов — с другой. Меняющиеся размеры и границы имперских владений (от римлян — к грекам и от греков — к германцам) способствовали появлению *de facto* самостоятельных государств. Такие государства могли признавать верховную юрисдикцию «римских» императоров, и в этом случае баланс сил и авторитетов сохранялся. Когда образовавшиеся государства оспаривали верховенство имперской власти, она *de jure* сохраняя свои полномочия, уже *de facto* обретала конкурентов.

Такие конкурирующие с империей государства в силу сложившейся практики и обычаев могли избирать верховных правителей и превращались в фактически самостоятельные политические образования, во многом напоминавшие самоуправляемые городские корпорации. Фактическая самостоятельность и правовая самостоятельность подобных корпораций подразумевали физически отсутствовавшего среди ее членов «римского» императора. В этом смысле такая корпорация, затем городская коммуна и, наконец, территориальное государство, компенсируя недостающее звено в иерархическом единстве, либо как бы «замещали» принцепса (*vice principis*), либо, возлагая на себя его полномочия, становились таковым (*sibi princeps*): грань между *de facto* и *de jure* границами заметно ослабевала. Формирующаяся на этом фоне иерархия властей, формально сохраняя приоритет имперского верховенства, скорее, тяготела к тому, чтобы стать иерархией самостоятельных территориальных государственных образований.

Конфигурация «политического тела» английской композитарной монархии определялась наличием трех территориальных моделей. Первая модель характеризовала отношения, которые складывались между Англией и Уэльсом, была унитарной и в силу своей специфики не создавала видимых проблем для правящей династии.

Эти отношения характеризовались единой правовой системой, одним парламентом, одной церковью, одним Тайным советом и единой судебной системой. Все на что Уэльс мог в реальности претендовать, оставляя в памяти англичан свое некогда независимое существование, был учрежденный при Генрихе VIII Совет по делам Уэльса, регулировавший не столько культурно-историческую автономию этой части британской государственности, сколько осуществлявший фискально-административную и военную централизацию образованных в то же время валлийских графств.

Вторая модель определяла отношения между Англией и Ирландией⁴³. Положение зеленого острова в этой связке было специфичным, поскольку Ирландия далеко не сразу стала восприниматься англичанами как их собственная колония, но и тогда, когда это произошло, отношения усложнялись наличием автономных ирландских институтов, таких как Тайный совет, парламент, правовая и законодательные системы. Несмотря на то, что Ирландия в этих отношениях занимала явно подчиненное по отношению к Англии положение, она все-таки оставалась полусамостоятельным или автономным образованием. Кстати, накануне заключения англо-шотландской унии 1603 года соотечественники Якова I опасались того, что именно такая модель может стать образцовой для отношений между Англией и Шотландией. При этом их заботило то, что Шотландия, отношения которой с Англией определяли контуры третьей модели⁴⁴ территориально-политического объединения, может лишиться своего главного преимущества. Шотландия сохраняла практически независимую судебную-административную систему и законодательство, а шотландская церковь была на деле более близкой к реформационным идеалам и, следовательно, лучшей в сравнении с английской. Соотечественники Якова I тем не менее оставались реалистами, понимая, что униатские отношения между Лондоном и Эдинбургом будут складываться именно под эгидой Англии, поскольку Шотландия уступала ей и в территориальном, и в материально-экономическом плане.

Если к концу XVI века англо-британский вариант подчинения Шотландии оставался нереализованным, то отношения Англии и Ирландии в рамках композитарной монархии были реальностью. Многие из того, что лежало в основе этих отношений обладало своей спецификой, хотя и обнаруживающей известные параллели с проектом англо-шотландского объединения.

В начале XVII века отношения между двумя композитами по-прежнему регулировались двумя актами, история появления которых уходит своими корнями еще в тюдоровское законодательство. В 1541 году Генрих VIII был вынужден изменить статус Ирландии, отказавшись от титула «лорд» в пользу монаршего сана. Согласно этому акту, король Англии получал «... титул и достоинство короля Ирландии». Это означало, что никто другой, а именно английский монарх мог быть королем Ирландии. Два композита объявлялись равными в том смысле, что новый титул приносил вместе с собой «все прерогативы, достоинства и другие возможные обстоятельства, связанные с титулом короля как императорским...»⁴⁵. Ирландская корона, подобно английской, объявлялась имперской, но только с той разницей, что подразумевала объединение с короной английской.

Вторым важнейшим актом, определявшим политическое устройство и статус Ирландии как имперского композита, был закон Пойнингса (1494)⁴⁶. Учитывая расстояние, разделявшее два острова, закон признавал необходимым организацию на острове отдельной системы исполнительных институтов, действие которых, однако, не оспаривало несомненного превосходства монарха во всех вопросах внутренней и внешней политики острова. Акт напрямую не касался законодательного процесса, но при этом содержал ограничения, налагавшиеся на местную исполнительную власть в плане ее возможного влияния на законодательный процесс и подразумевавшие почти неограниченный контроль со стороны короля над всей законотворческой деятельностью на острове. Исполни-

тельная власть в Ирландии получала право созывать парламент только при условии наличия разрешения со стороны монарха. При этом все подлежавшие обсуждению в парламенте законопроекты должны были иметь предварительное одобрение со стороны короля и его, естественно, английского совета, а на завершающей фазе заверены Большой королевской печатью.

В 1557 году закон Пойнинга был существенно изменен, после чего английский Тайный совет был фактически отстранен от участия в процессе одобрения законопроектов. При этом монарх по-прежнему скреплял принятый ирландским парламентом акт Большой королевской печатью. В таком виде закон подчеркивал неразрывную связь двух композитов и восходящий еще к акту 1541 года принцип инкорпорации двух регионов под эгидой англо-ирландской короны. При этом весьма существенным оставалась связь, которая предоставляла право ирландским подданным обращаться за правосудием непосредственно к самому королю, который в свою очередь, осуществляя правосудие, мог консультироваться с членами Тайного совета и английскими судьями⁴⁷.

Судя по всему, преобразования в административно-судебной системе зеленого острова 1497–1557 годов способствовали формированию среди местного населения (главным образом англо-ирландской знати) весьма положительного отношения к политике, проводимой короной в отношении ее островного композита. Несмотря на то, что с 1543 по 1613 год ирландский парламент собирався всего четыре раза, его решений хватало для того, чтобы регулировать должным образом внутреннее положение острова. В том случае, если исполнительная власть на острове испытывала необходимость в принятии новых дополнительных решений, Тюдоры относились к этому с пониманием и нисхождением. Так или иначе, но эта сторона преобразований оставалась в рамках, очевидно, одобряемых местным населением.

Часть намеченной программы имела негативные для англо-ирландских отношений последствия. Это касалось в первую очередь

«кадровой» политики короны и инициированной все тем же Сомерсетом компании по распространению протестантизма среди местного населения. Подобные преобразования не только провоцировали конфликты между местной исполнительной властью и главами католических кланов и семейств, но разжигали вражду между различными частями ирландского общества и даже, как полагают исследователи, определяли флуктуацию групповых идентичностей. Даже с учетом того, что елизаветинское правительство изменило акценты, сместив прежний исключительно вероисповедный принцип, заменив его идеей разносторонней цивилизаторской политики, где внедрение протестантизма среди местного населения считалось одним из ее аспектов — конфессионализация острова к концу XVI века была значительной. При этом лояльность к базовым принципам англо-ирландской монархии, тем не менее, оставалась незыблемой.

В этом плане весьма показательны требования католической оппозиции, сформулированные графом Тироном в 1599 году. Напомню, что, не подвергая сомнению установленные Генрихом VIII принципы государственного устройства, он тем не менее полагал, что ирландские католики должны подчиняться непосредственно папе, а принадлежавшие им земли, конфискованные во время реформации в пользу англичан, следует вернуть обратно. Определяя этнический состав высших должностных лиц Ирландии, он настаивал на том, что все они, за исключением прямого представителя монарха, должны быть ирландцами, но при этом — не обязательно католиками⁴⁸.

Известно, что программа, выдвинутая Тироном, имела еще один важный аспект, связанный с этнокультурной перспективой зеленого острова. Уже тогда, даже на фоне явно педалируемой Тюдорами «цивилизаторской» политики, среди разнородного и в этническом, и в конфессиональном отношении населения Ирландии просматривались весьма определенного рода предпочтения, определяющие этнокультурную идентичность островитян. При всем притом, что конфессиональные размежевания местного населения строились

по принципу традиционного противостояния католиков и протестантов, религиозный аспект терял свою исходную актуальность в том случае, если английская сторона не подвергала сомнению политическую автономию Ирландии в том варианте, в котором она сложилась с конца XV по середину XVI века. Тогда над шкалой, демонстрирующей традиционные религиозные предпочтения ирландцев, выстраивалась дополнительная система координат, объединявшая в единое целое предпочтения англичан (так называемых «старых англичан»), заселивших остров в конце XII века, англо-ирландцев, франко-ирландцев, шотландцев и даже в некоторых случаях гаэльскую часть населения острова. Такая композиция этнокультурных групп не исключала распространение среди них не только собственно английской или, точнее, англоговорящей идентичности, но и ставшей впоследствии особенно актуальной британской лояльности.

Поскольку политическая автономия острова при Тюдорах постоянно подвергалась испытанию, главным образом из-за угрозы внешнего вторжения, устойчивость подобной системы идентичности и лояльности оказывалась подвижной. В этом смысле решение Тюдоров приступить к повторной колонизации острова диктовалось в основном реальностью внешней угрозы. Превратившись в объект очередной колонизации уже при Стюартах, Ирландия продолжала сохранять за собой уникальный статус, но, оставаясь частью империи, британским композитом, она приобретала статус колонии. Обозначая ее как колонию, англичане, тем не менее, подчеркивали ее существенное отличие от своих североамериканских колоний⁴⁹. Она не являлась заново открытой землей, и процесс земельных трансформаций протекал в ней иначе, чем в американских колониях. В большинстве случаев передача земли осуществлялась согласно актам ирландского парламента и, следовательно, во внимание принималась в основном региональная перспектива. При этом основой вторичного земельного рынка, как правило, служили земли, конфискованные у местных лидеров после принятия билля об измене все тем же ирландским парламентом. Многие из тех, кто получи-

ли новые земли, были ирландцами. Статус джентри был достаточно распространенным среди местного, в то время как коренные жители североамериканского континента были лишены подобных возможностей. Точно также как и в Англии одни владельцы сменяли других, в Ирландии одни колонисты получали земли за счет других. На практике это обстоятельство имело один неконструктивный элемент: как правило, процесс земельного перераспределения сопровождался вытеснением католически настроенных владельцев, имевших староанглийские корни, протестантами. При этом обретшие новые земли англичане и шотландцы становились в свою очередь жертвами колонизаторской политики как Тюдоров, так и Стюартов. Так, например, когда Томас Уэнтворт пытался осуществить план по устройству Коннота, то среди жертв новой политики наместника оказался Ричард Бойл, граф Корк, пожалуй, один из самых успешных английских колонистов, а также его ближайший приятель сэр Хардресс Уоллер. Уоллер, известный пуританин, кстати, один из немногих подписавших смертный приговор Карлу, пытался противостоять планам Уэнтворта, объединившись с соседями-католиками. Тем не менее все они оставались лояльными подданными вплоть до того, как восстание 1641 года неизбежно поляризовало общество.

Шотландия к моменту объединения корон уже была составной монархией, границы которой, тем не менее, оставались подвижными вплоть до 1620-х годов⁵⁰. Западные острова или Внешние Гибриды перешли во владение шотландской короны от норвежской монархии в 1266 году. Там, по существу, сложилось унитарное государство во главе с лордами Островов МакДональдами, передававшими власть внутри рода от отца к старшему сыну уже к концу XIII столетия. Наличие на северо-западной периферии сильного и независимого наследника всегда волновало шотландскую корону, но политика полного подчинения островов увенчалась первым значительным

успехом только в 1493 году, когда МакДональды по существу признали вассалитет в отношении шотландского королевского дома. Корона, хотя и распространила свое влияние на территорию островов, сопротивление со стороны местных островных кланов, лишившихся былой опоры, было окончательно сломлено только в 1545 году. Яков IV только дважды в 1493 и в 1495 годах снаряжал для борьбы с повстанцами военные экспедиции, но без особого успеха. Только после военных рейдов графов Аргайла и Хантли 1504 и 1506 годов соответственно ситуацию на островах удалось нормализовать. При Якове V очередная военная экспедиция на острова (1540), помимо общих задач по усмирению местного населения, выполняла ставшую в последствии весьма показательной для имперской политики шотландской короны цивилизаторскую функцию «по усмирению непокорного духа островитян с тем, чтобы они подчинялись законам». Расширение и укрепление границ владений шотландской короны через цивилизаторскую политику на фоне более или менее регулярно организуемых военных рейдов, возглавляемых самим монархом, превратилось в форму традиционного для самой короны утверждения территориальных пределов своего империя. Только Яков VI, несмотря на свои многократные намерения (1596, 1598, 1600), стал первым шотландским королем, отказавшимся от непосредственного присутствия на островах. При этом он весьма последовательно проводил цивилизаторскую политику, желая тем самым снизить напряженность среди самого гаэльского населения островов и в отношении к ним со стороны шотландцев. Уже в конце XVI века он активно отстаивал идею создания своеобразной этнокультурной параллели, которая, по его мнению, могла противостоять не только гаэльским союзам на территории самой шотландской монархии-империи, но и даже в самой Ирландии.

Он полагал, что такой альтернативой могла бы стать некая новая общность, именуемая им британской⁵¹, основу которой должны составить английский язык, протестантская церковь и лояльность идеям шотландско-британской короне. Любопытно, что первые не-

санкционированные миграции шотландцев в ирландский Ольстер также оправдывались подобными благими намерениями шотландской короны. Известно, что Яков VI, наставляя своего наследника в делах праведных, рекомендовал ему, что тот, «организуя колонии среди островитян посредством послушных подданных, в кратчайшие сроки сможет изменить и воспитать наиболее достойных из них, искореняя или выселяя наиболее строптивых и упрямых, развивая культуру в их жилищах». Две известные попытки (1598–1600 и 1605–1606 гг.) колонизации острова Льюиса жителями южных областей Шотландии провалились, и только тогда корона приступила к более решительным действиям. В 1608–1609 гг. две экспедиции — одна под руководством Эндрю Стюарта, лорда Очилтри, другая — Эндрю Нокса, епископа Островов, завершились уже более успешно. Очилтри, как известно, пленил вождей кланов и заменил их эмиссарами, в обязанности которых входила организация цивилизаторской политики в отношении местного населения.

Иколкилские статуты (1609) распространили влияние протестантской церкви, поощряли гостеприимство среди местных жителей, осуждали идолопоклонство, бродяжничество, пьянство, запрещали держать огнестрельное оружие. При этом в отличие от англичан Яков I никогда не запрещал браки между англоговорящими шотландцами и гаэльской частью населения, полагая, что смешанные браки будут благоприятствовать повсеместному распространению протестантски ориентированной культуры.

Уния корон между Англией и Шотландией (1603) вдохнула новые силы в политику «окультурирования» гаэльского населения Шотландии и Ирландии. Яков I Стюарт еще с большим старанием приступил к внутренней колонизации территорий и более чем кто-либо из его предшественников настаивал на необходимости формировать новую британскую общность как на островах, так и в подвластной Ирландии. В этом смысле его политика по миграции как шотландского, так и английского населения в пределы Ольстера, была тому весомым подтверждением.

Известно, что Яков выступал даже с идеей формирования на территории Британских островов унитарного по своей сути государства, населенного новой британской нацией. Его намерения определили широкий резонанс во всех британских композитах. В ходе этих дебатов известный шотландский математик Роберт Понт, приветствуя «подчинение нашей Великой Британии, Ирландии и прилегающих британских островов власти единого императора», утверждал, что результатом этого объединения станет «приручение диких и необузданных ирландцев из английского доминиона и тех, кто населяет шотландские Гибриды». Гаэльское население Ирландии и Шотландии, провоцируя и без того многочисленные проблемы, превратились после унии корон в одну из основных проблем Британской монархии, которую она напрямую связывала со своей собственной безопасностью и политикой по «воспитанию» населявших ее территорию «варваров». Судя по всему, проект нового устройства Великой Британии предполагал наряду с сохранением политической автономии трех ее основных композитов, их постепенное объединение на основе формирования британской идентичности. За первую треть XVII века успехи в этом направлении были значительны, а тот факт, что основным строительным материалом новой общности оказывались англоговорящие шотландцы, подчеркивает известное преобладание не английского, а именно шотландского варианта государственного строительства.

Карл, как известно, испортил все, нарушив изначально намеченные его предшественником государственные принципы. Идея Великой Британии дала трещину, когда он отказался рассматривать три имперских композита как политически автономные образования. На этом фоне обострились религиозные разногласия, вылившиеся, как известно, в движение конфедератов в Ирландии и в ковенанторское движение в Шотландии. Начавшая гражданская война была войной трех королевств⁵², исход которой предполагал два возможных решения. Один вариант означал возвращение к по-

литике прежнего равновесия между тремя композитами, другой — наименее желательный — стал реальностью и определил динамику последующего государственного строительства.

1. О понятии «композит» и «композитарная монархия» см: *Elliott J. A Europe of Composite Monarchies // Past & Present. 1992. №137. P. 48-71.*
2. *Maden A. 1066, 1776 and All That: The Relevance of English Medieval Experience of «Empire» to Later Imperial Constitutional Issues // Perspectives of Empire: Essays Presented to Gerald S. Graham / ed. by J. Flint, G. Williams. London, 1973. P. 9-26.*
3. Известно, что сначала Генрих VIII, а затем и лорд-протектор Сомерсет усматривали в подчинении Шотландии основу усиления английских позиций на британских островах и залог успешного распространения протестантизма. При этом Сомерсет настаивал на том, что подобные усилия не приведут к созданию новой монархии на островах, но всего лишь восстановят в прежних пределах древнюю — называвшуюся некогда «Великой Британией» монархию. Сторонники Сомерсета в англо-шотландских войнах 1543–1546 и 1547–1550 годов усматривали истоки британской (имперской) идеи в раннем Средневековье, причем в том его виде, в каком этот период британской истории был изложен Гальфридом Монмутским (*Head D. Henry VIII's Scottish Policy: A Reassessment // Scottish Historical Review. 1982. Vol. 61. P. 2; Marriman M. War and Propaganda during the «Rough Wooing» // Scottish Tradition. 1979–1980. Vol. 9-10. P. 20-30; Mason R. The Scottish Reformation and the Origins of Anglo-British Imperialism // Scots and Britons: Scottish Political Thought and the Union of 1603 / ed. by R. Mason. Cambridge, 1994. P. 168-178.*)
4. *Russell C. The Fall of the British Monarchies, 1637–1642. Oxford, 1991; The New British History: Founding a Modern State, 1603–1715 / ed. by G. Burgess. London, 1999.*
5. Согласно его версии, созданная тогда империя была собственно «британской», поскольку ее основателем был Брут, и эта же империя

превращается в подобие композитарной монархии после его смерти, оставаясь разделенной между его тремя сыновьями. Старший из них — Локрин, управляя Англией достиг невероятных успехов, при этом его младшие братья Альбанакт и Камбер, получившие по наследству Шотландию и Ирландию соответственно, признавая его достижения, принесли ему оммаж и тем самым признали главенство английского трона. Идея превосходства, подпитанная идеей старшинства, определила таким образом дальнейшую перспективу уже пост-брутской композитарной монархии. Более подробно об этом: *Mason R. Scotching the Brute: Politics, History and National Myth in Sixteenth-Century Britain // Scotland and England, 1286–1815. Edinburgh, 1987. P. 113–138.*

6. «Quis enim rex, quis princeps qui praeter sanguinis cognationem atque necessitudinem non multis nominibus si genus, si potentiam, si legitimam electionem et deorum et hominum consensum spectemus, et amicum et imperatorem regemque suum salutem. Itaque cum is Carolus iure sit monarcha, velint et eundem esse, agnoscere nec usquam quod sine gravi piaculo fieri non potest, a dei iudicio alio provocare» (*Sauromanus (Sauermann) Georgius. Hispaniae Consolatio. Louvain, 1520 (репринт: Madrid, 1977). Sig. C2r*); «Quando alegremente fue elegido para el regimiento de altissima e mayor prefectura del mundo que es la monarchia del imperio romana» (*Guitierrez de Torres Alvaro. El sumario de las mara villosas y espantables cosas que en el mundo han acontescido. Toledo, 1524 (репринт: Madrid, 1954). P. 89*).
7. *Bosbach F. The European Debate on Universal Monarchy // Theories of Empire, 1450–1800 / ed. by D. Armitage. Ashgate, 2001. P. 81–99.*
8. *Yates F. Astrea: The Impirial theme in the Sixteenth Century. London, 1977; Bosbach F. Monarchia Universalis. Ein Politischer Leitbegriff der Fruhen Neuzeit. Hamburg, 1988.*
9. *Graphaeus Cornelius. Divi Caroli Caesaris Opt. Max. desyderatissimus ex Hispania in Germaniam reditus. Antwerpen, 1520 (репринт: Madrid, 1976). Sig. A3v.*
10. *Richardson J. Imperium Romanum: Empire and the Language of Power // The Journal of Roman Studies. 1991. Vol. 81. P. 1–9; Lintott A. What was «Imperium Romanum» // Greece & Rome. 2nd ser. 1981. Vol. 28. No. 1. P. 53–67; Koebner R. Empire. Cambridge, 1961. P. 1–17.*
11. *Headley J. Habsburg World Empire and the Revival of Ghibellinism // Theories of Empire, 1450–1800. P. 45–81.*

12. Koebner R. Empire... P. 10-17.
13. Perry D. «Catholicum Opus Imperiale Regiminis Mundi». An Early Sixteenth Century Restatement of Empire // History of Political Thought. 1981. Vol. 2. No. 2. P. 227-252.
14. Tierney B. «The Prince is not Bound by the Laws»: Accursius and the Origins of the Modern State // Comparative Studies in Society and History. 1963. Vol. 5. P. 378-400.
15. Gilmore M. Argument from Roman Law in Political Thought, 1200-1600. Cambridge (Mass.), 1941. P. 34-56.
16. Tierney B. The Continuity of Papal Political Thought in the 13th Century // Medieval Studies. 1963. Vol. 27. P. 227-248.
17. Muldoon J. «Extra ecclesiam non est imperium». Canonists and the Legitimacy of Secular Power // Studia Gratiana. 1966. Vol. 9. P. 551-580.
18. В некоторых случаях использовался синоним «plena auctoritas». Так, например, Ординарная глосса Иоанна Тевтоника (ум. 1216) на Дикреты Грациана содержала специальный раздел «Plena auctoritate» (Pennington K. Pope and Bishops: A Study of Papal Monarchy of 12th & 13th Centuries. Pennsylvania University Press, 1984. P. 59).
19. McCready W. Papal Plenitudo Potestatis and the Source of Temporal Power in Late Medieval Political Thought // Speculum. 1973. Vol. 48. P. 654-674.
20. Pennington K. Pope and Bishops... P. 60-63.
21. Watt J. The Theory of Papal Monarchy in the 13th Century. Contribution of Canonists. Fordham University Press, 1965. P. 75-106.
22. Oakley F. The Western Church in Late Middle Ages. Cornell University Press, 1979. P. 143-145.
23. Watt J. The Theory of Papal Monarchy... P. 161-187.
24. Oakley F. Omnipotence, Covenant and Order: An Excursion in History of Political Thought from Abelard to Leibniz. Cornell University Press, 1984. P. 93-118.
25. Post G. Studies in Medieval Legal Thought: Public Law and the State. 1100-1322. Princeton, 1964. P. 453-493.
26. Более подробно о явлениях дисперсии: Хачатурян Н. А. Полицентризм и структуры в политической жизни средневекового общества // Власть и общество в Западной Европе в Средние века / отв. ред. Н. А. Хачатурян. М., 2008. С. 8-13.

27. Calasso F. Origini italiane della formola «rex in regno suo est imperator» // *Revista di storia del diritto italiano*. 1930. Vol. 3. P. 213-259.
28. Pennington K. Pope Innocent III's View on Church and State: A Gloss to *Per Venerabilem* // *Law, Church and Society: Essays in Honor of Stephen Kuttner* / ed. by K. Pennington, C. Somerville. Philadelphia, 1977. P. 49-67.
29. Oldradus da Ponte. *Consilia*. Lyon, 1550. Consilium No. 69. Sig. 21r-S26v.
30. «Longe ante imperium et romanorum genus ex antique, scilicet iure gentium quod cum ipso humano genere proditum est, fuerunt regna cognita, condita». Фраза принадлежит Марину из Караманико (ум. 1288). Цит по: Calasso F. *I glossatori e la teoria della sovranita*. Milano, 1957. P. 196.
31. «Videndum est ergo qualiter [imperator] acquisivit dominium. Et ipse allegat quod habet causam a populo qui ei concessit, et in eum transtulit omnem imperii potestatem... Respondetur sic quod populus non potuit plus iuris conferre in eum quam habuit... sed populus non habuit de jure dominium super alias nationes, ergo nec ipse» (Oldradus da Ponte. *Consilia*. Consilium No. 69. Sig. 24v).
32. Наиболее ранний вариант рассуждений на эту тему принадлежит Андреасу из Исернии (ум. 1316): «Cum causa rex alius poterit in regno suo quod imperator potest in terra imperii... primi domini fuerunt reges, ut dicit Sallustius... pedditae ergo sunt provinciae (quae regem habent) formae pristinae habendi reges, quod facile fit... Liberi reges tantum habent in regnis suis quantum imperator in imperio» (Andreas de Isernia. *In usus feodorum commentaria*. Lyon, 1579. Sig. 286r).
33. «Where by divers sundrie old auntentike histories and chronicles it is manifestly declared and expressed that this Realm of Englonde is an Empire, and so hath ben accepted in the worlde, governed by oon supreme heede and King having dignitie and roiall estate of the Imperiall Crowne of the same, unto whom a Body politike, compacte of all sortes and degrees of people... ben bounded and owen to bere next to God a naturall and humble obedience» (An Acte that the Appeles in suche cases as have ben used to be persuit to the See of Rome shall not be from hensforth had ne used but within this Realme (1533: 24Henry VIII, c.12) // *Statutes of the Realm*. London, 1817. Vol. III. P. 427).
34. Более подробно об этом см.: Ullmann W. This Realm of England is an Empire // *Journal of Ecclesiastical History*. 1979. Vol. 30. No. 2. P. 175-203.

35. Kantorowicz E. The Kings two bodies: a study in Medieval Political Theology. Princeton, 1957; Canning J. Law Sovereignty and Corporation Theory // Cambridge History of Medieval Political Thought. 350–1450. Cambridge, 1987. P. 473–477.
36. Хачатурян Н. А. Средневековый корпоративизм и процессы самоорганизации в обществе. Взгляд историка-медиевиста на проблему коллективного субъекта // Власть и общество в Западной Европе в Средние века. С. 31–46.
37. «universitas nil aliud est nisi homines qui ibi sunt» (*Accursius. Glossa Ordinaria* // *Corpus Juris Civilis*. Venice, 1497. Sig. 63v (Ad Dig. 3.4.7)).
38. Об этом подробнее: Canning J. The Corporation in the Political Thought of the Italian Jurists of the Thirteenth and Fourteenth Centuries // History of Political Thought. 1980. Vol. I. P.15–24; Wilks M. The Problem of Sovereignty in the Late Middle Ages. Cambridge, 1963. P. 24.
39. Wolf C. Bartolus of Sassoferrato: His Position in the History of Medieval Political Thought. Cambridge, 1913. P. 156–159.
40. Формула «civitas quae superiorem non recognoscit», определявшая суверенный город-республику, а затем и любое территориальное государство как «sibi princeps» или «vice principis» (*Baldus de Ubaldis. Consilia*. I–V. Brescia, 1490–1491 (репринт: Roma, 1894). II. No. 49).
41. *Baldus de Ubaldis. Lectura super prima et secunda parte digesti veteris*. Lyon, 1498 (репринт: Turin, 1987). Ad Dig. II.9. Sig. 9r.
42. Meijers E. Etudes d'histoire du droit. 4 vols. Leiden, 1956–1973. Vol. III. P. 156–198.
43. Ohlmeyer J. Seventeenth Century Ireland and the New British and Atlantic Histories // *The American Historical Review*. 1999. Vol. 104. No. 2. P. 446–462; Percival-Maxwell M. Ireland and the Monarchy in the Early Stuart Multiple Kingdom // *The Historical Journal*. 1991. Vol. 34. No. 2. P. 279–295; Kingdom United? Great Britain and Ireland since 1500: Integration and Diversity / ed. by S. Connolly. Dublin, 1999.
44. Wormald J. The Creation of British Multiple Kingdoms or Core and Colonies // *Transactions of Royal Historical Society*. 6th ser. 1992. Vol. 2. P. 175–194.
45. The Statutes at Large, Passed in the Parliament held in Ireland... 1301 to 1800. Dublin, 1786. Vol. 1. P. 176.

46. *Edwards R, Moody T.* The History of Poynings Law: Part I, 1494–1615 // *Irish Historical Studies.* 1940-1941. Vol. II. P. 415-416.
47. *The Statutes at Large...* Vol. I. P. 44.
48. *Casway J. Owen Roe O'Neill and the Struggle for Catholic Ireland.* Philadelphia, 1984. P. 33-34.
49. *Canny N.* The Ideology of English Colonization: From Ireland to America // *William and Mary Quarterly.* 3d Ser. 1973. Vol. 30. P. 575-198.
50. *Armitage D.* Making the Empire British: Scotland in the Atlantic World, 1542–1707 // *Past & Present.* 1997. No. 155. P. 34-63.
51. *Mason R. A.* Scotching the Brut: Politics, History and National Myth in Sixteenth-Century Britain // *Scotland and England, 1286–1815* / edit. by. R. Mason. Edinburgh, 1987. P. 115-117.
52. *Russell C.* The British Problem and the Civil War // *History.* 1987. Vol. LXXII. P. 395-415.

«DOMUS REGIS» И «FAMILIA REGIS» В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

Традиционно вторая половина XV века считается периодом существенных перемен в истории английского королевского двора. Речь идет о том, что под влиянием целого комплекса причин прежняя, военно-административная организация королевского хаусхолда¹ утрачивает конституирующую этот институт функцию, уступая место сугубо «гражданским» принципам его внутренней консолидации. Подобные сдвиги в организации королевского двора максимально формализируются в первом «стационарном» регламенте — «Черной книге Эдуарда IV», определяя иерархию королевских слуг в рамках двух его основных подразделений — «domus providencie» и «domus magnificencie», соответственно обеспечивавших хозяйственные и представительские функции. При этом механизмы, определявшие отношения монарха и его слуг как верхнего, так и низшего звена, сохраняя свои прежние ресурсы, инициируют новые формы взаимной компенсации. Сам государь, оставаясь в идеале основным и наиболее надежным источником милости, продолжает «стягивать» на себе все линии теперь уже придворного патроната, расточая среди постоянно растущих придворных клиентов не столько материальные блага, сколько право на их получение,

* Оригинальная публикация: Федоров С. Е. «Domus regis» и «Familia regis» в раннее Новое время // Королевский двор в Англии XV–XVII веков / ред. и сост. С. Е. Федоров. СПб., 2011. С. 27–44.

а те воспринимают новизну приобретаемого как одно из преимуществ, определяемых исключительно «гражданской», а не военной службой своему суверену. Вся последующая эволюция придворных служб связана с последовательным совершенствованием именно такой формы взаимоотношений с государем, обусловившей, в конечном счете, их корпоративную, а затем и групповую идентификацию. В обновляющихся таким образом условиях королевский двор не только не теряет былого значения в управлении принадлежавшими английской короне территориями, но и становится своеобразным центром, где вершилась «высокая» политика.

Оформление организационной структуры «нового» хаусхолда отражало результаты двух взаимосвязанных процессов, протекавших внутри и за пределами придворного пространства. С одной стороны, речь идет о разрастании традиционных служб королевского домохозяйства, известного с конца XII века под термином «*domus regis*»². С другой стороны, сказываются последствия постепенного размывания наиболее привилегированной части королевской свиты, так называемых «*familiares*», инфильтрированных в состав периферийных территориальных сообществ и обязанных своей инфеодацией исключительно военной службе государю³. Под влиянием этого процесса исчезает ранее независимое в административном плане подразделение королевского двора, обозначавшееся по аналогии с входившими в его состав членами королевской свиты термином «*familia regis*».

Укрупнение различных служб и ведомств, структурно объединявшихся в пределах королевского домохозяйства, сопровождалось их закономерным «исходом», способствовавшим образованию системы центрального исполнительного аппарата. Формировавшиеся в результате этого автономные от «дворцовой» администрации органы, обеспечивавшие в первую очередь финансовый, фискальный и судебный контроль на территории всего королевства, тем не менее, сохраняли свои исходные «матричные» формы, продолжавшие регулировать соответствующие сферы жизнедеятельности королевского хаусхолда, указывая на наличие, пусть обратной, но ге-

нетически опосредованной связи с системой «государственного» управления⁴. Подобная связь, поддерживая институциональное единство придворных и «государственных» ведомств, способствовала распространению практики межведомственного совмещения должностей, сохраняя тем самым известное «кадровое» единство всего центрального исполнительного аппарата. В расширяющемся и совершенствующемся таким образом властном пространстве английской монархии, так или иначе, просматривалась его изначально значимая придворная доминанта, и в этом смысле каждый причастный этому пространству индивид оставался королевским слугой.

Практика совмещения придворных и «государственных» должностей⁵ указывала на весьма характерную уже для правления Нормандской династии закономерность, отражавшую определенную зависимость сначала военной, а затем и любой другой службы государю от доступных материальных благ старого и нового королевского доменов. На протяжении XI–XII веков королевская власть активно перераспределяла «реальные» ресурсы старого и нового доменов среди наиболее лояльной части своей придворной свиты, используя распространенные к тому времени формы инфеодации⁶. Вплоть до конца XIII века среди всех возможных комбинаций преобладающим типом компенсации за военную службу правящему дому оставались традиционные земельные фьефы. Так называемые денежные фьефы, подразумевавшие различные формы выплат из королевской казны или право на получение дохода от развивавшихся в пределах новых домениальных земель короны промыслов («*dona*», «*vadia*» или «*liberaciones*»), носили до начала XIV века лишь вспомогательный характер и, как правило, использовались для привлечения иностранцев в состав королевской свиты⁷. По мере постепенного истощения земельных ресурсов старого королевского домена — его практически полной инфеодации — денежная форма фьефа приобретает доминирующий характер и начинает активно использоваться для поощрения той части ближайшего окружения короля, которая формировалась из слуг, совмещающих придвор-

ные посты с должностями в центральном исполнительном аппарате. Поскольку источником выплачиваемых или извлекаемых сумм по-прежнему остаются принадлежащие правящей династии наследственные и конфискованные у мятежной знати земельные комплексы, верховная власть, сохраняя свою патримониальную природу, распространяет свои домениальные интересы на все территориальные владения монархии.

Исчезновение постоянной королевской свиты, определившее «демилитаризацию» хаусхолда было результатом глубоких процессов, протекавших в английском обществе на протяжении XI–XIII веков⁸. Известно, что еще короли Нормандской династии инфеодировали значительную часть своей придворной свиты, используя для этого принадлежавшие короне домениальные земли. Инфеодация сопровождалась форсированной инфильтрацией придворных слуг в состав элиты территориальных сообществ, располагавшихся в непосредственной близости, но за пределами старого королевского домена⁹. Уже в начале правления Плантагенетов просматривались очертания уравнивавшей характерный для таких сообществ политический сепаратизм субструктуры. Несмотря на то, что процесс внедрения королевских слуг протекал волнообразно, меняя по воле монархов свои конечные объекты и сферу внедрения (от создания военно-охранных до административно-судебных структур на уровне отдельных графств и сотен), его позитивные результаты были очевидны.

Инфеодация ближайших сподвижников династии и связанная с ней инфильтрация, в известной мере консолидируя центр и периферию в пределах старого и нового королевского доменов, тем не менее, не избавили верховную власть от неминуемых негативных последствий именно такого вмешательства во внутреннюю жизнь локальных сообществ, лежавших за границами непосредственных владений английской монархии. Не столько королевские выдвиженцы, сколько их потомки, включавшиеся в систему местных поземельных связей, со временем перенимали или же были вынуждены перенимать сложившуюся на местах практику. Значительная

часть принадлежавших им реальных владений (старый королевский домен) из-за их небольших размеров и как следствие — хозяйственной нерентабельности подвергалась дроблению и отторгалась, как правило, изменяя свою владельческую структуру не по вертикали, а по горизонтали¹⁰.

Инфеодация внушительной доли земель старого королевского домена в пользу ближайшего окружения монарха, таким образом, оставаясь экономически выгодной верховной власти, с течением времени лишала королевскую свиту необходимых источников к существованию и теряла свою политическую составляющую, лишая монархию желаемой опоры на местах. После издания знаменитого статута *Quia Emptores*, как известно, узаконившего земельную субституцию¹¹, преемники получивших земельные лены королевских слуг, оставаясь лояльными короне, вынужденно искали поддержки среди более обеспеченных и влиятельных местных лордов и подчас становились активными участниками их свит — благо; такие связи вполне допускались.

Первоначально такие связи, хотя и основанные на личных контрактах, носили вторичный характер. Отношения с короной для большинства преемников продолжали оставаться наиболее приоритетными: по мере необходимости они несли военную службу государю. Однако со временем и по мере распространения практики коммутации рыцарской службы они постепенно становились доминирующими. Такие отношения оказывались более гибкими как с позиций предполагаемой за них компенсации, варьировавшейся от одноразовых выплат до пропорционально поступавших в течение определенного срока сумм, так и с точки зрения их возможного прекращения, означавшего либо возврат еще некомпенсированной службой суммы, либо обычную терминацию последующих выплат. При этом полагавшееся за такую службу вознаграждение с легкостью обеспечивало им уплату щитовых денег, разрушая тем самым надежду монарха на персональное присутствие преемника в составе королевской свиты¹².

В свою очередь местные лорды, объединяя вокруг себя, помимо прочего, потомков инфеодированных в свое время королевских слуг, именно таким образом подчиняли своим интересам не только создававшуюся с тенденцией к независимости от территориального сообщества местную администрацию, но и значительные элементы выстраиваемой короной земельной субструктуры. При этом людские ресурсы подобных свит, во многом превосходя возможности титульного домена самого лорда, создавали дополнительные условия для еще более глубокого размыwania создаваемой короной владельческой структуры. Так или иначе, но уже на исходе XIII века создававшаяся на протяжении столетий опора монархии на местах заметно переместилась в направлении самих локальных сообществ, а сама система наследственного рекрутирования королевских свит перестала быть достаточно эффективной¹³. Монархия все чаще и чаще использовала для своих военных походов профессиональных наемников, а институт традиционной королевской свиты закономерно распадался.

Процесс разрастания и последующего исхода различных служб королевского домохозяйства сопровождался структурными сдвигами в составе его отдельных ведомств и — в первую очередь — Королевской курии. В конце XIII века значительная часть слуг, занятых обеспечением широкого круга потребностей традиционной королевской свиты, вливается в состав уже достаточно дифференцированных к этому времени хозяйственно-административных служб двора, оккупируя внутреннее и внешнее пространство Королевской курии и вытесняя тем самым внушительную по размерам группу слуг-клириков за архитектурные пределы дворцового пространства. Став частью «гражданской» придворной организации, она сохраняет за собой определенные должностные преимущества, связанные с предшествующим родом деятельности.

Оформившаяся таким образом группа придворных слуг составит «кадровую» основу для Королевской палаты, которая не позднее начала XIV века окончательно обособится от Королевской ку-

рии, а затем и поглотит значительную часть ее основных функций. Обретя независимость, штат Палаты сохранит определенные административно-хозяйственные обязанности, но в его деятельности будут преобладать особые представительские полномочия, наглядно демонстрирующие отличия королевского окружения и собственно монаршего двора от свит и дворов английской знати. Последующая ритуализация этих отличий, по всей видимости, определит не только их дальнейшую специализацию, но и эволюцию этого подразделения в направлении, финальная стадия которого и была зафиксирована в «Черной книге Эдуарда IV»¹⁴.

Несмотря на появление уже в конце XV века пока еще полуавтономного подразделения — Королевской конюшни, сложившаяся при Йорках бинарная структура распределения полномочий внутри придворного пространства останется доминировать и при Тюдорах, подчеркивая изначальное архитектурное единство «дворцовой» администрации. Ведомство шталмейстера, располагавшееся в стороне от резиденции монарха, пока лишь только «физически» объединялось с другими службами двора, когда, передвигаясь по стране или за ее пределами, король нуждался в особых инструментах, способных визуализировать в доступных формах величие принадлежавшей ему власти. Но в повседневном, ограниченном дворцовыми стенами пребывании он довольствовался ресурсами Королевской палаты.

Помимо репрезентативных полномочий, Палата объединяла все функции «матричного» управления и контроля, унаследованные от Королевской курии. Она оставалась основным депозитарием королевских драгоценностей, в ее ларцах хранились многочисленные малые печати; она была местом, где король держал совет, куда стягивались все нити придворных клиентел. Казначей Палаты был по-прежнему главным лицом в королевстве, на которого ложилось бремя управления доменальными финансами; ее секретарь не только выполнял функции связующего звена с Канцелярией и Хранилищем свитков (позднее — архивом), но и во многом инициировал центральное делопроизводство. Кроме того, Палата продолжала играть

заметную роль в назначении местной администрации и сохраняла доступные к тому времени формы юстиционного контроля над прерогативными судами короны¹⁵. Объем функций мог с течением времени расти или сокращаться, но при этом Палата продолжала оставаться важнейшим звеном в системе центрального управления.

Судя по всему, с момента своего возникновения *Camera regis* так и никогда не была замкнутым пространством, способным сохранить известную приватность в жизни государя, и оставалась вплоть до начала XIV века единым, лишенным каких-либо, пусть даже временных, перегородок помещением. Позднее при Ланкастерах и Йорках в строительстве или перепланировке королевских резиденций заметным становится стремление заказчиков делить обычно отводимое под Палату пространство сначала на две, а затем и на три составляющие. В конце XV — начале XVI века в «номенклатуре» придворных помещений уже заметно выделяется комплекс из трех смежных комнат, по традиции именуемый все той же Королевской палатой, но на деле представляющей собой архитектурно связанные Большую (из-за размеров), Присутственную и Личную палаты.

В самом начале правления Тюдоров начнется растянувшийся почти на столетие процесс сознательного разграничения планировки этих помещений, который будет сопровождаться не только попытками их более частного дробления (сначала от трех — к пяти, а затем от пяти — назад к четырем), но и обособления приписанного к ним корпуса слуг. Лежавшие в основе этих изменений мотивы могли варьироваться с учетом, к примеру, особенностей женского правления, но в их конечных результатах всегда присутствовала политическая составляющая.

Наиболее существенным решением, окончательно реорганизовавшим внутреннее камеральное устройство, стало учреждение, а затем и значительное преобразование особого штата личных королевских слуг¹⁶. Появление такой придворной службы свидетельствовало и о начале своеобразной «приватизации» монархом внутреннего пространства одного из пределов Палаты, и о попытках

материализации, пусть еще примитивных спекуляций о «физическом» и «политическом» теле короля, и о возможных перспективах или «сценариях» придворного театра власти. Закреплявшееся учреждением должности особого ответственного за их деятельность лица — грума мантии¹⁷, само возникновение института личных слуг короля предполагало их последующее обособление и постепенное превращение в наиболее влиятельный сегмент служилого придворного штата. При этом сама палата обретала если не самостоятельный, то, по меньшей мере, автономный статус, расширяя и преобразуя круг обычно связываемых с нею полномочий, но неизменно и целенаправленно ограничивая возможный доступ к персоне короля.

По своему исходному предназначению личные слуги короля во многом напоминали появившиеся значительно ранее континентальные аналоги. Французский «*valet de chamber*» и бургундский «*valet de corps*», очевидно, служили исходными образцами для «*groom of the body*», но в своем окончательном варианте английский грум, скорее, напоминал известный тип личного слуги государя, описанный Б. Кастильоне. Оставаясь человеком простым, но наделенным от природы способностями безупречно удовлетворять ежедневные потребности своего господина, он сначала по мере своих возможностей дистанцировал, а затем и поддерживал в неизменном виде всю лишнюю необходимую в других случаях театральности повседневную жизнь монарха¹⁸.

Ее обыденность служила ограничительным механизмом для всего того, что было наполнено излишней церемониальностью и требовало уже специфических навыков. Так или иначе, но штат оставшихся за пределами личного пространства монарха камеральных ведомств, насчитывавший несколько сотен рыцарей и эсквайров, не подходил для исполнения простых, лишенных, в общем-то, нежелательных в таких случаях условностей, и как следствие предполагал необремененных социальными предрассудками исполнителей. Группа в шесть человек¹⁹, успешно справлявшаяся с подобными

обязанностями, с трудом соперничала с находившимися в попечении лорд-камергера слугами, но, тем не менее, могла рассчитывать на и не снисшедшие им снисхождение и преимущества.

Со временем институциональная обособленность Личной палаты могла перерастать отведенные для нее границы. Плотной закрытой и охраняемой с двух сторон массивной дверью, продолжая символизировать наличие особой черты, разграничивавшей приватное и публичное в дворцовом пространстве, ограничивала непосредственное влияние придворных на короля, способствуя своеобразной «камерализации» принимаемых решений. В зависимости от доминирующего стиля правления она могла определять их полную приватизацию или же провоцировать появление особо приближенных личных советников, так или иначе, нарушая изначально присущие «высокой» политике курiales черты. В этом смысле любые формы королевского совета обретали второстепенное значение, превращая самих ординарных советников в послушных агентов монаршей воли.

Сам факт появления частных советников, так называемых «*privado*» (термин Д. Моргана), не только нарушал, но и создавал связанные исключительно с Личной палатой формы камерального фаворитизма. Противопоставляя их традиционно претендующей на политическую роль социальной элите, верховная власть могла рассчитывать на своеобразное «смягчение» традиционных аспектов политической борьбы, определявшейся противостоянием различных придворных фракций и — как следствие — на известную «централизацию» наиболее значимой части основанных на связях этих группировок придворных клиентов²⁰.

Насколько можно судить, изначально круг таких советников, как правило, замыкался или ограничивался фигурой груга мантии²¹. Ситуация начинает заметно меняться с появлением королевских миньонов²², которые небольшими группами по два-три человека последовательно вводятся в состав палаты. При этом для большинства из них придворная карьера — обычно скоротечна: лишь только

часть из них добивается серьезных результатов²³. В растущем такими темпами составе Личной палаты их позиционируют сначала как грумов, затем под влиянием достаточно курьезных обстоятельств — как джентльменов²⁴. Не позднее 1526 года наступает известный перелом²⁵, и должностное пространство палаты обретает законченные черты. Значительно превышающий начальные размеры штат палаты по-прежнему выстраивается вокруг грума мантии, но его служебная структура упорядочивается с общими требованиями всего камерального пространства²⁶. Джентльмены, рыцари и эсквайры Личной палаты, сохраняя за собой право на исключительный доступ в private покои короля, теперь свободно перемещаются по всему придворному комплексу, составляя своеобразный передвижной механизм, обеспечивающий регулярное и неизменно «персональное» обслуживание монарха. Не трудно предположить, что оттесняя в этом свободном передвижении известную часть других камеральных ведомств, личные слуги короля интегрировались в ранее закрытое для них публичное пространство, закономерно перенимая характерные для него формы театрализованной игры, привносящие элементы придворного церемониала в личные покои монарха. При этом не менее типичная для такого пространства тенденция к институциональному превосходству образующих его подразделений усложняла основные объекты не только сугубо придворного, но и в целом внутрисистемного противостояния, обеспечивая известный динамизм в становлении «государственного» управления²⁷.

Вплоть до конца XIII века вся система королевских финансов, как известно, сохраняла куриальный характер. По мере образования Казначейства значительная часть ее патримониальной инфраструктуры обособляется и унифицируется, составляя основу для формирования публичных финансов короны. Камеральная администрация продолжает контролировать, помимо личных расходов короля, доменальные²⁸ и связанные с так называемыми прерогативными правами верховной власти денежные поступления. Не исчезают также

известные со времен нормандских королей «замковые» депозитарии, хранившие персональные «сбережения» монархов. Управляемые обычно личными казначеями-кассирами такие депозитарии составляли наиболее подвижную часть в механизме финансового сопровождения различных «приватных» потребностей и начинаний государя. Сохраняющаяся на протяжении XIV–XV веков система частных королевских финансов не только способствовала сохранению известной свободы верховной власти в условиях ужесточения парламентских методов вотиrowания налогов, но и во многом определяла содержание одной из составляющих приходящихся на следующее столетие камеральных реформ²⁹.

Известно, что регулярно увеличивавшийся в первой половине XV века объем прямых финансовых операций, связанных с обслуживанием королевского двора, привел к их неизбежной централизации и образованию так называемого вестминстерского депозитария. Уже к середине этого столетия казначей Королевской палаты, продолжая формально совмещать свою основную должность с обязанностями хранителя королевского кошелька, передает функции обеспечения личных потребностей короля йомену мантии³⁰.

В таком частичном разделении двух расходных статей камерального бюджета пока еще не было намека на предстоящее обособление Личной палаты, но тенденция на известное разобщение камеральных казначеев и самого монарха уже намечалась. Если Эдуард IV все еще рассматривал палатных казначеев в качестве основной отвечающей за его личные расходы инстанции, именно при их непосредственной помощи осуществляя необходимые перемещения «депозитных» средств для текущего использования, то Ричард III уже всецело уповал на помощь йомена мантии в мобилизации своих денежных запасов. При этом установившаяся в свое время субординация, подчинявшая все общие камеральные финансовые службы Казначейству, а личных казначеев главе соответствующего палатного ведомства, сохранялась: нарушались лишь необходимые в финансовых операциях короны многочисленные формальности.

Пренебрежение тонкостями необходимой процедуры лишь в большей мере дистанцировало верховную власть и придворного казначея, оставляя саму структуру королевских финансов неизменной. Только в условиях институционального отделения Личной палаты от прочих ведомств нарушаемая формальность приобретала черты более серьезного системного сдвига, определяя соответствующее позиционирование финансовых органов короны. В таких условиях финансовая служба Личной палаты монарха могла противопоставляться или же уподобляться другим финансовым инстанциям, контролировавшим доходную и расходную составляющие всей «экономики» королевского двора. Независимо от форм возникающего на этой почве противоборства грум/джентльмен мантии неизбежно обретал определенные связанные с этой сферой полномочия и нередко становился финансовым экспертом короля.

Механизмы такого противоборства пока еще недостаточно известны, но ранние Тюдоры, судя по всему, предпочитали вариант административного укрепления обособленной Личной палаты. В таком случае ее вновь образуемые службы выстраивались по аналогии и, следовательно, уподоблялись иным финансовым инстанциям двора³¹. Такие предпочтения могли определять структурное перераспределение и частичную автономизацию уже известных полномочий³² и лишь затем — усовершенствование уже существовавших к тому времени альтернативных органов финансового управления и контроля. Вариант перераспределения — так называемая «реформа Комптона» оказалась тупиковой, поскольку нарушила желательную в таких случаях субординацию финансовых служб и характерную для Тюдоров тенденцию к централизации основных доходов короны. Вариант усовершенствования — «реформа Норриза»³³, мобилизуя финансовый потенциал свободных от камеральной опеки королевских депозитариев, способствовала их последующей деавтономизации³⁴. Это означало, что контролируемые личными казначеями «депозиты» английских государей не только встраивались в существовавшую к тому времени систему королевских финансов,

но и становились важнейшим источником ее внутреннего кредитования. Сохранявшаяся при этом автономия платежных средств Личной палаты не исключала их последующей централизации³⁵.

Финансовому усилению Личной палаты во многом сопутствовали административные преобразования, связанные главным образом с центральным делопроизводством³⁶. Известно, что уже во второй половине XV века с развитием практики использования королевской печати (*signet*), заменившей многочисленные к тому времени малые печати, основным «рабочим» местом королевского секретаря становится Личная палата монарха. Начиная с Эдуарда IV английские государи весьма неохотно носили ее, как требовал того обычай, на указательном пальце и предпочитали держать ее среди прочих драгоценностей в специально отведенном для этого сундуке. Как правило, ключ от небольшого ларца, в котором в бархатном мешочке лежал сам перстень с эмблемой монарха, хранился сначала у йомена, а затем и у грума мантии. Судя по всему, именно он извлекал печатку из ларца и передавал ее секретарю, а тот с согласия короля скреплял ею необходимые документы³⁷.

Уже в начале XVI века подобная практика санкционирования государственных бумаг вытесняется использованием личной подписи монарха (*sign manual*)³⁸. Первоначально в новых условиях секретарь по-прежнему отвечал за их подготовку и сам, возможно, при помощи клерков доставлял их в Личную палату, переправляя затем подлежащие скреплению Большой королевской печатью бумаги обратно в Канцелярию. При этом грум мантии не только сортировал доставленные документы, но и в определенной последовательности подносил их на подпись монарху.

Значительный рост объемов официального делопроизводства при Генрихе VIII способствовал перераспределению полномочий между секретарем и грумом мантии. Из-за известной неприязни короля к «бумажной работе»³⁹ значительная часть государственных документов стала визироваться без его непосредственного участия. Для этого был учрежден пост специального клерка палаты, который,

владея навыками каллиграфии, воспроизводил на официальных бумагах образцы подписи монарха, которые хранил на отдельных листах грум мантии. При этом отбор соответствующих бумаг и предназначенных для них вариантов подписи осуществлялся совместно секретарем и грумом. При Кромвеле такие клише были заменены факсимильной печатью (dry stamp). Оставшаяся на хранении у грума мантии, она оперативно использовалась одним из двух деливших должностные обязанности секретаря клерком (chef de chamber)⁴⁰. Тот не только визирует ее предназначенные для этого бумаги, но и вносил подтверждающую такое действие краткую запись в учрежденный для этих целей регистр Личной палаты (docket book)⁴¹. Наличие такой записи считалось необходимым условием для их передачи в Канцелярию и, следовательно, являлось обязательной формальностью для инициирования любого центрального делопроизводства.

Усиление различных форм внутрикамерального администрирования в системе центрального управления не только мобилизовало оставшийся нерастратенным потенциал придворных «матричных» институтов, но и свидетельствовало о сохранении патримониальных основ верховной власти и о известных недостатках ее публично-правовых проявлений⁴². Солидарные механизмы использования внутрикамеральных методов администрирования, как правило, могли переплетаться с ограничивающими и персонифицирующими их инструментальную базу стратегиями. При этом реанимировались характерные для куртуазной стадии развития королевского двора варианты прямого делегирования полномочий, заменявшие или оттеснявшие любые опосредованные самой системой центрального управления должностные назначения. Содержание таких стратегий усложнялось формирующимися представлениями о «физическом» и «политическом» теле короля, определяя оттенки складывавшихся таким образом предпочтений верховной власти.

Отношение к титулам знати как частицам корпоративного титула короны⁴³ позиционировало отличавшихся благородным происхождением джентльменов Личной палаты как «жемчужин»,

украшавших «естественное» тело короля. В повсеместно присутствующем акценте на их почти «интимной» пространственно-физической близости к государю угадывались черты, определявшие особую форму доверительных связей с монархом. При таком подходе занимаемые джентльменами должности могли восприниматься как атрибуты, а с учетом популярных в то время неоплатонических спекуляций и как акциденции «политического» государева тела, выражавшие полноту и непосредственный характер связанных с ними полномочий. Оставаясь одновременно необходимым и достаточным условием, подобные близость и полнота определяли отношение к джентльменам палаты как особому королевскому «*manrede*»⁴⁴ — особому сообществу верных слуг и единомышленников.

Возрождение ушедших в прошлое традиций королевской свиты накладывало известный отпечаток на всю систему должностных назначений джентльменов за пределами придворного пространства. Очевидно, можно говорить о существовании некой градации, влиявшей на характер большинства «первичных» некамеральных продвижений. Наиболее частым было использование джентльменов в качестве стюардов домениальных владений короны, а затем и конфискованных церковных земель⁴⁵. При этом, как правило, особая привлекательность таких должностей определялась их потенциальными возможностями формировать за счет местных ресурсов ливрейные свиты короля и обеспечивать тем самым любые формы прямого военного или «полицейского» контроля⁴⁶. Генрих VIII активно использовал таких стюардов для активизации различных звеньев крайне не развитой местной администрации, назначая их мировыми судьями и шерифами в графства⁴⁷, развивал характерные для ренессансных дворов Европы формы «камеральной» дипломатии⁴⁸.

При всем многообразии известных вариантов привлечения джентльменов для службы вне двора начальная и конечная ступень их политической карьеры заведомо ограничивались внутренним пространством Личной палаты короля, составлявшей социальное ядро раннетюдоровской придворной организации. Тенденция

на укрупнение социальных и административных функций палаты будет сохраняться вплоть до кончины Эдуарда VI⁴⁹, затем уже в условиях женского правления она заметно ослабеет⁵⁰, но уже при Якове I Стюарте обретет ранее неизвестные, но не менее выразительные формы⁵¹.

1. Впервые понятие «военный хаусхолд» было введено Т. Таутом: *Tout T. Chapters in the Administrative History of Medieval England*. 6 vols. Manchester, 1937. Vol. II. P. 133, 138.
2. *Constitutio Domus Regis* // *Dialogus de Scaccario and Constitutio Domus Regis* / ed. by C. Johnson. Edinburg, 1950. P. 128-135.
3. О начальных стадиях этого процесса: *Prestwich J. The Military Household of the Normam Kings* // *English Historical Review*. 1981. Vol. 96. No. 378. P. 1-35; *Frame R. The Political Development of the British Isles, 1100–1400*. Oxford, 1990. P. 169-188.
4. Власть и общество в Западной Европе в Средние века / отв. ред. Н. А. Хачатурян. М., 2008. С. 231.
5. Такая тенденция останется доминирующей вплоть до начала гражданских войн середины XVII века. Об этом: *Федоров С. Е. Раннестюартовская аристократия. 1603–1629*. СПб., 2005.
6. *Барг М. А. Исследования по истории английского феодализма в XI–XIII вв.* М., 1962. С. 94-103.
7. *Lyon D. The Money Fief under The English Kings, 1066–1485* // *English Historical Review*. 1951. Vol. 66. No. 259. P. 161-193; *Harvey S. The Knights and Knight's Fee in England* // *Past & Present*. 1970. Vol. 49. P. 3-43; *Church S. The Rewards of Royal Service in Household of King John: A Dissenting Opinion* // *English Historical Review*. 1995. Vol. 110. No. 436. P. 277-303.
8. *Prestwich J. Anglo-Norman Feudalism and the Problem of Continuity* // *Past & Present*. 1963. Vol. 26. P. 39-57.

9. Coss P. Lordship, Knighthood and Locality. A Study in English Society, c. 1180–1280. Cambridge, 1991. P. 305–327.
10. См. дискуссию: Coss P. Bastard Feudalism Revised // Past & Present. 1989. Vol. 125. P. 27–64; Crouch D., Carpenter D. Bastard Feudalism Revised // Past & Present. 1991. Vol. 131. P. 165–189; Coss P. Bastard Feudalism Revised: A Replay // Past & Present. 1991. Vol. 131. P. 190–203.
11. Bean J. The Decline of English Feudalism, 1215–1540. Manchester, New York, 1968. P. 306–309.
12. Waugh S. Tenure to Contract: Lordship and Clientage in Thirteenth Century England // English Historical Review. 1986. Vol. 101. No. 401. P. 811–839.
13. Lyon D. The Feudal Antecedent of the Indenture System // Speculum. 1954. Vol. 28. No. 3. P. 503–511; Carpenter C. The Beauchamp Affinity: A Study of Bastard Feudalism at Work // English Historical Review. 1980. Vol. 95. No. 376. P. 514–532.
14. Бакалдина Е. В. Департаменты, службы и должности в хаусхолде Эдуарда IV // Королевский двор в Англии XV–XVII веков / ред. и сост. С. Е. Федоров. СПб., 2011. С. 47–109.
15. Condon M. Ruling Elites in the Reign of Henry VII // Patronage, Pedigree and Power in Late Medieval England. Gloucester, 1979. P. 127–129.
16. Существуют определенные трудности с начальной датировкой этих изменений. Не вызывает сомнений тот факт, что основная часть преобразований, связанных с Личной палатой, так или иначе, приходится на период 1485–1526 годов, т.е. хронологически совпадает с годами правления Генриха VII и частично — Генриха VIII. Сложности возникают с определением точной даты ордонанса, инициировавшего отделение Личной палаты от прочих камеральных ведомств. В распоряжении исследователей нет точно датированного оригинала. Д. Старки еще в своей докторской диссертации (1973) использовал хранящийся в Коллегии герольдов список (College of Arms. Arundell MS. XVII (2)), датируя его протограф 1495 годом (Starkey D. The King's Privy Chamber, 1485–1547. Unpublished Cambridge Ph.D. dissertation, 1973. P. 18ff), и, следовательно, считал, что Генрих VII был инициатором преобразований. Старки также полагал, что еще одна копия ордонанса, опубликованная Ф. Гроузом и Т. Эстлом, хотя и содержала значительные интерполяции (The Antiquarian Repertory / ed. by F. Grose, T. Astle. 4 vols. London, 1807–1809. Vol. II. P. 184–185 (текст ордонанса); P. 186–209 (интерполяции)), была

идентична в своей основной части списку Коллегии герольдов. Копия была изготовлена для Генриха VIII Тюдора его лорд-чемберленом Генри Фитц-Эланом, графом Эранделлом в 1526 году. Поскольку и в опубликованном тексте ордонанса, и в списке Коллегии герольдов нет упоминаний о джентльменах Личной палаты — службе, впервые учрежденной, как известно, Генрихом VIII не ранее 1515 года, то Старки считал это основание достаточным, чтобы предварительно датировать сам текст ордонанса периодом правления Генриха VII. Далее уже по косвенным свидетельствам он ограничивал время появления ордонанса 1495 годом, считая, что его издание должно было последовать сразу же за раскрытием заговора Пурбека (*Starkey D. Intimacy and innovation: the rise of the Privy Chamber, 1485–1547 // The English Court: from the Wars of the Roses to the Civil War / ed. by D. Starkey. London, 1987. P. 73-74*). При этом в тексте самого ордонанса и сопровождающих его документах присутствует, на мой взгляд, та ситуация, которая оставалась, согласно утверждениям самого Старки, более характерной для отношений внутри самой Палаты при Генрихе VIII, а не при его предшественнике: группы упоминаются лишь в веренице прочих должностей и далеко неравнозначно соседствуют с эскаврами и рыцарями Личной палаты короля; для последних даже отводится отдельный титул (Р. 185-186). Связывать, таким образом, появление этого ордонанса с последствиями придворного заговора 1495 года весьма спорно.

17. Я предпочитаю этот не совсем точный вариант передачи этого термина, исходя из одного возможного перевода английского слова «*stool*», и преследую цель избежать по возможности его исходного бытовавшего в Средние века значения («*stool of ease*»), тем не менее, отражавшего набор начальных «служебных» обязанностей его предшественника «*yeoman of the Stool*». О варианте перевода этого термина с учетом обособления четвертого камерального ведомства — Королевской спальни см.: Англия XVII века: социопрофессиональные группы и общество / под ред. С. Е. Федорова. СПб., 1997. С. 13.
18. *Castiglione B. The Book of Courtier. London, 1989. P. 127.* Более подробно об этом: *Scaglione A. Knights at Court. Courtliness, Chivalry, and Courtesy from Ottonian Germany to Italian Renaissance. Los Angeles, 1991. P. 229-242.*
19. Их численность можно идентифицировать по более поздним свидетельствам, относящимся ко второму десятилетию XVI века, когда под влиянием «особых» обстоятельств стали известны имена «новых»

- группы Генриха VIII. См.: Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII, 1509–1547 / ed. by J. Brewer et al. 21 vols. London, 1862–1932. Vol. I. Pt. I. P. 771. (Далее — HLP).
20. Обычно связанные с высокими наследственными должностями (лорд-камергер и лорд-стюард), такие клиенты, как правило, сохраняли свой потенциал, переживая сменявшиеся на троне династии, и при наличии известного противостояния могли представлять реальную угрозу для стабильности самой монархии: Morgan D. The House of Policy: the Political Role of the Late Plantagenet Household, 1422–1485 // The English Court from the Wars of the Roses to the Civil War. P. 25–71.
 21. Таковой была ситуация вплоть до 1515 года, когда должности груга мантии последовательно занимали Хью Денис и пришедший ему на смену в 1510 году Уильям Комптон (HLP. Vol. I. Pt. I. P. 94).
 22. Термин «миньоны» в отношении личных слуг короля был впервые употреблен Э. Холлом: Hall E. The Union of the Two Noble and Illustre Families of Lancaster and York. London, 1809. P. 598.
 23. При несомненном лидерстве Уильяма Комптона такую группу образуют Николас Кэрю, Френсис Брайен, Джон Кортни, Генри Гуилфорда, Эдвард Невилл и Уильям Кэри (HLP. Vol. I. Pt. I. P. 771).
 24. Речь идет о приеме французского посольства в Лондоне 23 сентября 1518 года. Дело в том, что среди прибывшей на мирные переговоры делегации присутствовали шестеро *gentilhomme de la chamber* Франциска I. При этом, согласно сложившейся традиции, во время официального въезда делегации в Лондон миньоны Генриха VIII должны были гарцевать попарно с их французскими компаньонами, но различия в занимаемых ими придворных должностях не позволяли сделать этого. Сложность была решена путем прямого заимствования французского аналога для учреждения новой придворной должности при английском дворе (HLP. Vol. II. Pt. II. P. 4409). См. также описание процессии у Холла: Hall E. The Union of the Two Noble... P. 593–594. Какое-то время французская формула продолжала использоваться при дворе, но уже в 1621 году появилась ее привычная английская версия (HLP. Vol. II. Pt. II. P. 4512; Vol. III. Pt. II. P. 2374).
 25. Такой перелом фиксируется в так называемых Элтэмских ордонансах: A Collection of Ordinances and Regulations for the Government of the Royal Household. London, 1790. P. 154–156.

26. *Carlisle N.* An Inquiry into the Place and Quality of the Gentlemen of His Majesty's Most Honourable Privy Chamber. London, 1829. Состав сформировавшейся вокруг грума мантии службы объединял собой две различные по статусу группы слуг. Наиболее многочисленными и, как представляется, гибкими в использовании оказывались джентльмены палаты — собственно миньоны, отличавшиеся также высоким социальным положением (сыновья пэров, представители семей старой родовитой знати) и относительной молодостью. Д. Старки полагает, что еще в начале правления Генриха VIII они с успехом формировали так называемую молодежную «субкультуру» двора (*Starkey D.* Intimacy and Innovation... P. 80). На них лежал круг обязанностей, связанных с постепенно ритуализирующейся внутренней жизнью палаты. Собственно грумы образовывали статичную по составу группу личных слуг короля, по-прежнему не отличавшуюся благородным происхождением и занятую выполнением рутинных обязанностей.
27. *Hoak D.* The King's Privy Chamber, 1547–1553 // *Tudor Rule and Revolution* / ed. by D. Guth, J. McKenna. New York, 1982. P. 87-108.
28. *Wolffe B.* The Crown Lands, 1461–1536. London, 1970. P. 54-96.
29. *Dietz F.* English Government Finance, 1485–1558. 2 vols. London, 1964. Vol. I. P. 101-113; Vol. II. P. 222-223.
30. Судя по всему, объем финансовых полномочий, принадлежавших йомену мантии, был достаточно велик уже в последнее десятилетие правления Генриха VI. Иначе трудно объяснить, как Уильям Гримбсби, занимавший этот пост более 15 лет, стал в последние годы своей жизни сначала камеральным казначеем, а затем и вторым лицом в самом Казначействе: и тот, и другой пост требовали серьезных навыков практической работы. (*A Collection of Ordinances and Regulations...* P. 18).
31. Об этом более подробно: *Starkey D.* Court and Government // *Revolution Reassessed. Revisions in the History of Tudor Government and Administration* / ed. by C. Coleman, D. Starkey. Oxford, 1986. P. 29-59.
32. Так, Генрих VII ограничился изъятием поступлений от прерогативных прав короны, восстановив тем самым известный водораздел между домениальными и всеми прочими доходами монарха. При Генрихе VIII, напротив, финансовая деятельность Королевской палаты настолько истощилась (реформа Комптона), что потребовалась срочная реформа (Норрис). См.: *Starkey D.* Intimacy and Innovation... P. 83-87.

33. HLP. Vol. IV. Pt. I. P. 2002.
34. The Privy Purse Expenses of King Henry VIII / ed. by N. Nicolas. London, 1827.
35. Elton G. The Tudor Constitution. Cambridge, 1960. P. 142-143. О сохранении тенденции при «малых» Тюдорах см.: Hoak D. The History of Tudor Court: the King's Coiffers and the King's Purse, 1542-1553 // The Journal of British Studies. 1987. Vol. 26. No. 2. P. 2008-2231.
36. Elton G. The Tudor Revolution in Government. Cambridge, 1953. P. 56-59.
37. Otway-Ruthven J. The King's Secretary and the Signet Office in the Fifteenth Century. Cambridge, 1939. P. 39.
38. Starkey D. Court and Government ... P. 46-48.
39. HLP. Vol. III. Pt. II. P. 1399.
40. HLP. Vol. IX. P. 905.
41. HLP. Vol. XI. P. 227; Vol. XII. Pt. I. P. 1315; Vol. XIII. Pt. I. P. 332; Vol. XIV. Pt. II. P. 201.
42. Впервые такие наблюдения были сделаны на французском материале: Хачатурян Н. А. Сословно-представительная монархия во Франции XIII-XV веков. М., 1989. С. 169-181, а затем вписаны в более широкий историко-культурный контекст: Власть и общество в Западной Европе в Средние века. С. 8-14; 169-178).
43. Федоров С. Е. Пэрское право: особенности нормативной практики в Англии раннего Нового времени // Правоведение. 1996. №2. С. 112.
44. HLP. Vol. XIII. Pt. I. P. 505. Весьма показательно, что учрежденный в ходе камеральных реформ 1539-1540 годов институт королевских гвардейцев также воспринимался как особая часть королевского «manrede» и формировался в основном из ресурсов Личной палаты монарха (HLP. Vol. XIX. Pt. II. P. 524).
45. HLP. Vol. XI. P. 580; Vol. XIII. Pt. I. P. 505. Vol. XIX. Pt. I. P. 275. Bernard G. The Rise of Sir William Compton, Early Tudor Courtier // English Historical Review. 1981. Vol. 96. P. 759-762.
46. HLP. Vol. I. Pt. II. P. 1948, 2051, 2301; Vol. XI. P. 580.
47. Starkey D. Intimacy and Innovation ... P. 85-86.
48. Известны имена, по меньшей мере, шести джентльменов, участвовавших в «камеральном» обмене между английским и французским дворами.

- Каждый из них, пребывая достаточно длительное время в ближайшем окружении иностранного государя, как правило, становился членом его ближайшего окружения и наравне с другими исполнял различного рода обязанности, оставаясь при этом посланником своего монарха (HLP. Vol. III. Pt. I. P. 111, 246; Vol. III. Pt. II. P. 641, 3360, 3434). Помимо этого, джентльмены успешно внедрялись в состав дипломатических миссий, зачастую оттесняя юристов и клириков, по обыкновению, доминировавших в посольствах, или же образуя совместно с ними очень эффективные тандемы. Об этом более подробно: *Starkey D. Representation through Intimacy // Symbols and Sentiments/ ed. by I. Lewis. London, 1977. P. 82.*
49. Об этом более подробно: *Loades D. Intrigue and Treason. The Tudor Court, 1547–1558. London, 2004. P. 1-81; Murphy J. The Illusion of Decline: The Privy Chamber, 1547–1558 // The English Court: from the Wars of the Roses to the Civil War. P. 71-119.*
50. *Wright P. A Change in Direction: the Ramification of a Female Household, 1558–1603 // The English Court: from the Wars of the Roses to the Civil War. P. 119-147.*
51. *Ковин В. С. Королевский двор Якова I Стюарта: Королевская спальня, ее слуги и все остальные // Королевский двор в Англии XV–XVII веков / ред. и сост. С. Е. Федоров. СПб., 2011. С. 110-186.*

ТИТУЛОВАННАЯ ЗНАТЬ И ВЫСШИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЧИНЫ В ДИСКУРСЕ ОФИЦИАЛЬНЫХ ПРОТОКОЛОВ И РЕГЛАМЕНТОВ

Организирующий характер так называемого права предпочтения (law of precedence) был общепризнанным в конце XVI–XVII веков: «философы говорят, что потеря мирского благосостояния менее мучительна для благородного человека, нежели потеря подобающего для него места и уважения»¹. Остается только сожалеть, что с момента выхода капитальных исследований Кристофера Янга историография не придавала этому сюжету должного внимания, явно недооценивая его значение для анализа социальных явлений старого порядка².

Тем не менее, в трактатах, приходящихся на начальный период стюартовского правления, содержатся многочисленные упоминания и ссылки на историю становления порядка предпочтения, отдаваемого лицам благородного происхождения. К началу XVII века связанные с предпочтением моменты не раз поднимались в дискуссиях и фигурировали в судебных исках³. Тема была почтенной по своему характеру; ее охотно обсуждали не только официалы, но и обыватели.

* Оригинальная публикация: Титулованная знать и высшие государственные чины в дискурсе официальных протоколов и регламентов // Федоров С. Е. Раннестюартовская аристократия (1603-1629). СПб., 2005. С. 79-98.

Сталкиваясь со свидетельствами современников о бытовавших в раннестюартовской Англии принципах предпочтения, обнаруживаешь одну примечательную особенность. Большинство ссылок на сам порядок помимо общих указаний на известную последовательность титулов и государственных чинов не содержит развернутой информации собственно о становлении самого порядка и тем более о положенных в его основу многочисленных регламентов. Обстоятельство — несколько необычное и на первый взгляд необъяснимое, если учитывать популярность самой темы и связанных с нею сюжетов.

Тем не менее, именно в самой «злободневности» темы следует искать ответа на вопрос, поскольку она способна хотя бы отчасти объяснить неразвернутый характер информации о соответствующих регламентах, на которые опиралось большинство авторов при выстраивании той или иной последовательности титулов и должностей. Они предпочитали называть или приводить текст определенных документов, подчеркивая их значимость, однако детального анализа их содержания избегали, видимо, полагая, что состав материалов был всем хорошо известен. Более того своеобразное «сталкивание» различных источников позволяло им вместе с тем вести аргументированную полемику и высказываться в пользу той или иной структуры благородного сообщества.

Среди общей массы упоминаемых памятников можно выделить несколько групп. В первую — объединялись англосаксонские регламенты, содержание которых не идентифицировалось, регламент 1399 года, известный как «Порядок всех состояний знати и джентри Англии», регламенты, составленные Джоном Типтофтом (1467), графом Риверзом (1479), герцогом Бедфордом (1487), графом Вустером (1520) и воспроизводивший анонимную ситуацию регламент Джона Расселла, коронационный регламент Генриха VI, материалы комиссии лордов Берли и Говарда по расследованию злоупотреблений в департаменте церемониймейстера. Во вторую входили парламентские статуты (5Ric. II; 12Ric. II), королевские ор-

донансы (1477 и 1478, 1595), многочисленные грамоты и патенты. Третью группу составляли так называемые парламентские регламенты (1439, 1523 и 1539). Четвертая объединяла решения Вселенских соборов (416, 563 и 633), церковные композиции (1353) и дипломы (1068 и 1069). Наконец, последняя группа была представлена Книгой Страшного суда, «Диалогами о Казначействе» Ричарда Фитц-Нигела и рядом других документов⁴.

Разнообразие ссылочного аппарата в трактатах и документах первой половины XVII века было неслучайным. Дело в том, что практика публичных собраний знати, на которые распространялось действие порядка следования, достаточно широко варьировалась. Даже при английском дворе допускались искажения, связанные с отсутствием тех или иных должностных лиц и титулованных особ. Идеальной ситуации, воспроизводящей весь объем требуемого порядка, видимо, никогда не существовало. Возникавшие «неполноценные» процессии и присутствия требовали либо обоснования через зафиксированные к этому моменту прецеденты, либо официального одобрения с тем, чтобы стать очередной нормой. В этом смысле совокупность бытовавших к тому времени регламентов позволяла каждый раз обосновывать возникающую ситуацию: «наш опыт подсказывает соблюдать бдительность и предпринимать усилия для того, чтобы не нарушить традицию»⁵.

Постоянное обращение к повторявшимся или уникальным ситуациям объяснялось помимо прочего присутствием на подобных церемониях лиц незнатного происхождения, которые, согласно сложившимся взглядам, должны были подвергнуться отдельному или особому ранжированию. Именно на фоне «смешанных» присутствий единство благородного сообщества акцентировалось наиболее устойчиво.

Очевидно, ситуации, имевшие место в начале стюартовского правления и выдававшиеся в качестве нормы, были результатом тщательного изучения предшествующих регламентов и других документов, статус и авторитет которых обнаруживал незримое, но вме-

сте с тем постоянное присутствие. Попытаемся восстановить возможную логику, согласно которой могли «всплывать» те или иные документы, не забывая при этом указывать на значимые моменты, связанные с их упоминанием в текстах источников. При этом традиция, сложившаяся в первой половине XVII века будет выглядеть генетически оправданной.

Начну с того, что появление ссылок на англосаксонские регламенты было связано с тем, что порядок следования или так называемое право предпочтения начинает оформляться именно в этот период⁶. Сохранившиеся королевские хартии демонстрируют весьма устойчивую тенденцию к закреплению определенной градации внутри королевского окружения. Для большинства памятников того времени характерно стремление представить существующую иерархию, не расчленяя клир и мирян на отдельные составляющие. Наиболее часто повторяющаяся схема рядопологает самого монарха, следующих за ним членов королевской семьи, архиепископов, епископов, аббатов, элдорменов и завершает принятый вариант ранжирования королевскими тенами⁷.

Смешение клира и мирских институтов уже в те времена, должно быть, считалось недопустимым и могло вызывать понятные возражения как со стороны церкви, так и светских особ, заинтересованных в соответствующем разделении. Вместе с тем описываемые в регламентах «события» настойчиво повторяли смешанную ситуацию, которая по тем временам могла быть выгодна только усилившейся королевской власти. Момент, очевидно, весьма симптоматичный, если учесть схожесть положения первых Стюартов и той ситуации, которая существовала в англосаксонский период. Замечу, что желаемый для светских и духовных особ сдвиг к разграничению порядков обозначился только после того, как Вильгельм Завоеватель небезуспешно попытался внедрить курьяльную модель нормандского двора и заменить ею старую англосаксонскую.

Вплоть до конца XI века особые упоминания о порядке предпочтения среди мирских чинов и титулов носили эпизодический

характер, что, как представляется, было связано с отсутствием интереса английских юристов к данной проблеме в целом. Официальные памятники воспроизводили старую смешанную донормандскую модель. Исключением были лишь составлявшиеся королевскими чиновниками свидетельские списки, заносившиеся в соответствующие дипломы и хартии, но воспроизводимые в этих документах композиции в целом были случайными, а устанавливаемая в них схема все-таки неполной.

Составление Книги Страшного Суда внесло ряд существенных изменений в дальнейшее представление о механизме создания новой модели предпочтения. Ричард Фитц-Нигел в своих «Диалогах о Казначействе» впервые попытался представить порядок следования, основываясь на принципе вассально-ленной зависимости. В его схеме король возглавлял составленный по нисходящей список непосредственных вассалов в соответствии с порядком принадлежащих им достоинств⁸. Поскольку каждый из приводимых им списков предшествовал соответствующим реляциям по каждому графству или сотне, то связь устанавливаемой таким списком последовательности с практикой выездных сессий оказывалась вполне вероятной. Фиксируемая иерархия вассалов могла служить своего рода разъяснением или рекомендацией для столичных судебных служащих, вливавшихся в локальные сообщества: знание соответствующих регалий и достоинств королевских подданных было в этом случае не только желательным, но и в чем-то обязательным условием⁹.

С конца XI века заметным становится стремление короны зафиксировать принятую схему предпочтения. Это сказывается в первую очередь в том, каким образом начинают оформляться формулы, отражающие варианты официального обращения монарха к своим подданным. Известная формула «король всех архиепископов, епископов, аббатов, графов баронов, судей, шерифов и других верных подданных приветствует» была тому веским подтверждением. Иногда подобного рода обращения могли варьироваться. В некоторых случаях в них включались приоры, следовавшие за аббатами, над-

смотрщики (reeves) и управляющие за шерифами. В целом же схема оказывалась неизменной и воспроизводила иерархию следования церковных и мирских особ.

Перечисление духовных и светских лиц в едином списке не означало, однако, обязательного условия, при котором церковные иерархи непременно предшествовали мирским или же, скажем, сохранялся старый смешанный порядок. Судя по всему, структура церковных должностей воспринималась тогда как более выверенная и устойчивая. Помимо этого значение мог иметь и весьма распространенный взгляд на градацию духовных чинов как универсальную, требовавшую от мирского порядка определенного подражания. В этом смысле иерархия светских чинов и титулов могла считаться одной из возможных модификаций церковного порядка и, следовательно, быть более подвижной. Очевидно, корона, инициировавшая такие списки, была заинтересована в том, чтобы примирить эти два представления, сделав их компонентами одного целого, но в этом смысле амбиции королевской власти оказывались недостаточными, чтобы окончательно преодолеть существовавшие стереотипы. Вынужденная считаться с традицией, она объединяла две иерархии, но, следуя устоявшимся представлениям, отдавала при этом предпочтение универсальному. Порядок, бытовавший в те времена, был, таким образом, очень далек от принятой на закате средних веков схемы.

В дальнейшем практика того или иного разделения светских и духовных особ в обращениях монарха развивалась далее по пути более четкой конкретизации титулов и достоинств, образующих светский порядок. При Эдуарде III к иерархии следования светских особ добавились герцоги, за этим Ричард II ввел маркизов, а Генрих VI — виконтов. Подобное «укрупнение» мирской иерархии привело к тому, что клерки, составлявшие первые журналы верхней палаты, стали перечислять духовных лордов на левой стороне листа, а светских — на правой соответственно. Должно быть, уже тогда такое разделение оказывалось идентичным распределению скамей и в самой палате¹⁰.

«Укрупнение» светской титулатуры вызывало различные споры о значимости тех или иных достоинств. При этом характерные для этих споров сюжеты очень часто переключивались в соседнюю сферу, становясь предметом обсуждения и у духовных чинов. Речь идет о дискуссии о праве предпочтения в связи с двумя архиепископами, которые претендовали на особое положение в иерархии, выводя свои привилегии в соответствии с каноническим правом. Последнее, как известно, не попадало под компетенцию короны, которая была в состоянии лишь констатировать их главенство в ряду церковных чинов. Вопрос о предпочтении между обеими архиепископскими кафедрами нигде не оговаривался. Это было поводом для очень сложных по своему характеру дебатов, инициированных архиепископом Кентерберийским Лефранком и Йоркским архиепископом Томасом. Начало разногласий относится к 1072 году, когда архиепископ Томас формально признал подчинение Йоркской кафедры Лефранку и его последователям. Между тем уже в 1093 году он отказался признать преемника Лефранка Ансельма как примаса. Спор продолжался вплоть до 1126 года, когда предпочтение было отдано Йорку¹¹. Вместе с тем папская курия оставила за Кентербери право требовать от Йорка особого подчинения. Последующие разногласия между двумя архиепископскими кафедрами всплыли заново на лондонском совете 1076 года. Они оказались настолько ожесточенными, что совет был вынужден закрыть свою работу, так и не разу не приступив к обсуждению намеченного регламента¹². В 1324 году Эдуард II объявил о том, что архиепископский крест был установлен в Кентербери ранее йоркского. Превосходство кентерберийского престола было окончательно закреплено в композициях 1353 года¹³.

Развивавшийся спор между архиепископами привел в движение и епископскую среду. Право предпочтения было установлено между ними в соответствии с решениями Вселенских соборов (416; 563; 633 гг.), которые признавали в качестве исходного сроки посвящения в епископский сан. Исключения допускались для отдельных церквей, имеющих особые привилегии и традиции¹⁴.

Градации в среде высшего клира были закреплены на лондонском совете 1075 года. Было решено, что по обеим сторонам от архиепископов будут сидеть слева — епископ Лондона, а справа — епископ Уинчестера. В случае отсутствия архиепископа Йоркского, оба епископа должны будут сесть в том же порядке по обе стороны от архиепископа Кентерберийского¹⁵. Поскольку в этот период все епископства были диоцезными, то установленная советом 1075 года практика могла считаться всеобъемлющей вплоть до конца XIII века, когда папский престол стал дополнительно посвящать епископов по принципу *in partibus infidelium*, передавая при этом каждому новопосвященному титул его предшественника. Таких епископов называли титулярными (*titular*) или викарными (*suffragan*); их главная задача заключалась в оказании помощи диоцезному епископу¹⁶. С введением титулярных епископов был установлен порядок, согласно которому они следовали сразу же за диоцезными епископами.

Дальнейшие изменения в представлениях о порядке следования среди духовных лиц произошли в связи с учрежденным Эдуардом III орденом Подвязки в 1348 году. Согласно орденскому регламенту, епископ Уинчестера объявлялся прелатом Ордена, что привело к внесению изменений в сложившуюся до этого практику предпочтения. Во всех присутственных местах он должен был занимать следующее за архиепископами место и, следовательно, предшествовал всем другим епископам¹⁷. Несмотря на королевский ордонанс, епископ Лондона продолжал настаивать на своем праве предпочтения, дарованном его кафедре еще в 1075 году. Он настаивал на этом, ссылаясь на утвержденный статус его сана, в соответствии с которым он выступал как *cancellarius episcoporum*¹⁸. Дарованные конституциями Ордена статусные полномочия епископа Уинчестера противоречили и не имели ничего общего с каноническим правом, нарушали папские полномочия в определении соответствующего предпочтения. Рассмотревший этот запрос парламент 1523 года удовлетворил тяжбу епископа с уинчестерской кафедрой и восстановил прежнее право следования¹⁹. Тогда же был окончательно решен вопрос

о ранжировании аббатов и приоров: теперь в официальных процессиях они следовали за епископами соответственно²⁰. Право предпочтения в рамках этой категории зависело от дат основания монастырей, во главе которых они стояли.

Действие права предпочтения среди светских особ длительное время опиралось на порядок следования, установленный для графов и баронов еще в донормандский период. Ситуация изменилась, когда Эдуард III возвел в 1337 году своего старшего сына, сделав его герцогом Корнуоллским. Хартия, даровавшая Черному Принцу герцогский титул, не уточняла изменений, внесенных в порядок следования, так как принц в силу своей королевской крови уже имел право сидеть впереди графов. Первым герцогом, не имевшим прямых родственных связей с королевской семьей, был Томас Говард, лорд Моубри, получивший титул герцога Норфолка в 1397 году. Он с легкостью мог отстоять свое право на предпочтение перед графами, поскольку в 1382 году королевский статут (5Ric.II.st.2,c.4) определил место для герцогов (тогда лишь потенциальных) при рассылке соответствующих приглашений на парламентскую сессию.

Несмотря на то, что существовавшая практика тяготела к установлению общепринятых градаций в соответствии с правом следования, достаточно сложно утверждать, что она четко осознавала границы социальной группы, к которой этот порядок адресовался. Более того, составители регламентов, должно быть, не придерживались и разграничения ее внутригрупповых различий. Безусловно, этот подход уже тогда использоваться короной в качестве дополнительного аргумента в пользу создания различных прецедентов в этой области, но ясности это обстоятельство тем не менее не прибавляло. Отмеченные особенности можно с легкостью продемонстрировать на примере двух дипломов, составленных еще во времена Вильгельма Завоевателя. Первый из них был обнародован в Вестминстере на Троицын день 1068 года для церкви Св. Мартина²¹. В конце диплома приведены подписи следующих епископов: Уильма Лондонского, Одо, епископа Байе, Хью, епископа Лисо, Госфри-

да Котанского, Гермена Шернборнского, Леофрика Экзетерского и Гизо Уэльского по порядку. Если предположить, что к этому времени епископы воспринимались как единая группа, то последовательность в соответствии с порядком следования должна быть другой: Гермен Шернборнский (1045), Леофрик Экзетерский (1046), Уильям Лондонский (1051) и Гизо Уэльский (1061), Одо, епископ Байе (1063), Хью, епископ Лисо (1065).

Второй диплом был выдан епископу Гизо Уэльскому в этом же 1068 году. Подписи епископов, содержащиеся в конце диплома представлены в следующем порядке: Одо, епископ Байе, Госфрид Котанский, Гермен Шернборнский, Леофрик Экзетерский, Эгелмар Элмамский, Уильям Лондонский и Ремигий Дорчестерский²². С ним сопоставим диплом, выданный Леофрику Экзетерскому в 1069 году, в котором последовательность епископских подписей опять изменена: Одо, епископ Байе, Гермен Шернборнский, Госфрид Котанский, Гизо Уэльский и Уильям Лондонский²³.

Совершенно очевидно, что секретари или клерки, составлявшие тексты дипломов, были либо определенным образом «настроены» в вопросах предпочтения, либо не считали важными многие связанные с ним моменты. Даже то обстоятельство, что во всех трех приведенных дипломах имя епископа Одо выступает на первом плане, следует считать простой случайностью. В выданном в том же 1069 году дипломе его имя следует после перечисления имен его братьев из Лондона, Шернборна Уэльса и Экзетера соответственно²⁴.

Субординация графов (эрлов или контов) в этих документах выглядит также весьма условной. В первом дипломе графы перечислены в следующей последовательности: Герифорд, Мортейнский, Мерсийский, Эу, Нортумбрийский, Нортгемптон, Монтгомери, и Шрусбери; во втором: Герифорд, Нортгемптон, Мерсийский, Мортейн и Монтгомери; в третьем: Мортейнский, Герифорд, Мерсийский, Нортгемптон. То же самое можно сказать и о порядке следования среди баронов. При всем при том, что в нормандскую эпоху проявляется вполне определенная тенденция отнесения баронов

к нижнему эшелону знатных достоинств, внутренняя градация носителей этого достоинства выглядит также весьма неопределенной. Подобная картина наблюдается и в списках, приводимых в Книге Страшного Суда. Например, подобные перечисления для графства Дорсет представлены следующим образом: Эллан Британский, Роберт Мортенский и Хью Честерский. В визитационных списках для Уилтшира последовательность изменена: бароны Мортейнский, Честерский и Британский соответственно.

Первые шаги к упорядочиванию процедуры официальных записей просматриваются на примере патента, дарованного Ричардом II герцогу Глостерскому²⁵. Но только в конце XIV века появляется документ, фиксирующий официальный взгляд на порядок следования, где упоминаются исключительно миряне. Речь идет о «Порядке всех состояний знати и джентри Англии», датированном 1399 годом²⁶. Считается, что текст этого документа был полностью внесен и дополнен в регламенте, предназначавшемся для коронации Генриха IV, состоявшейся 14 октября 1399 года.

Отраженный в регламенте коронации порядок был результатом многократных попыток установить общепринятые стандарты на процедуру предпочтения. Два значительных обстоятельства свидетельствуют об имевших место усилиях. Во-первых, это единственный для того времени пример, включавший наследников титулов в регламент предпочтения. Во-вторых, наличие в иерархии титулов маркизов дает основание говорить об этом документе как промежуточном варианте, составление которого не могло быть осуществлено ранее 1 декабря 1385 года, когда Роберт де Вер, граф Оксфорда был возведен и стал маркизом Дублинским. Срок обладания титулом был краток, так как уже 13 октября 1386 года де Вер стал герцогом Ирландским, и согласно, существовавшей процедуре титул был поглощен более высоким²⁷. Только 29 сентября 1397 года Англия узнала нового маркиза после того, как Джон Бедфорд стал маркизом Дорсетом. Бедфорд был единственным здравствующим маркизом в тот момент, когда составлялся «Порядок» (8 октября 1399 года).

Его первенец появился на свет только в начале 1401 года, следовательно, указания на старших и младших сыновей маркизов не могли относиться к первой редакции документа. Это указывает на то, что предпочтение среди сыновей герцогов, графов и баронов уже существовало до этого, и соответствующие комментарии относительно отпрысков маркизов были внесены уже в готовый текст и заняли там подобающее место.

Следующий заслуживающий внимания регламент был составлен по случаю коронации Генриха VI²⁸. В качестве составителей фигурируют лорд-протектор Ирландии — герцог Бедфорд и герцог Норфолк, занимавший пост графа-маршала. Представленный в регламенте как лорд-протектор, Бедфорд одновременно занимал должность констебля Англии. Судя по всему, констебль и граф-маршал фигурируют в документе вместе, так как эти должности во многом ассоциировались как равные, хотя бы для тех ситуаций, которые были характерны для рыцарских судов.

«Порядок» содержит указание на 25 градаций, различаемых среди мирян. Это первый регламент, учитывающий наряду с достоинствами и титулами государственные и придворные должности. Первые представлены в виде композиции из двух групп. Первая включает: лорда-канцлера, лорда-казначея, лорда-президента Совета, лорда-хранителя Большой королевской печати. Следующие в указанном порядке сразу же за королевскими детьми, дядьями и племянниками, они тем самым предваряют все другие должности и титулы. Судя по всему, эта часть регламента была заимствована из более раннего документа, поскольку на момент коронации у Генриха VI не было детей и племянников. Вторая группа включает: лорда-чемберлена, констебля, маршала, адмирала, стюарда, чемберлена и государственного секретаря. Порядок их следования был утвержден в соответствии с их титулами и достоинствами.

Другой известный «Порядок достоинств» приписывается графу Риверзу. Он датируется 10 июня 1479 года²⁹ и интересен как первый документ, упоминающий титул виконта, отнесенный к про-

межуточной между графом и бароном позиции³⁰. Именно этот документ лег в основу известного отчета, составленного герцогом Бедфордом с личными пометами Генриха VII на той его части, которая содержала текст частично видоизмененного регламента Риверза³¹.

Бедфорд возглавлял комиссию по проверке деятельности придворного департамента стюарда по случаю коронации королевских консорты 10 ноября 1487 года. По всей видимости, составление отчета можно датировать периодом между коронацией и смертью самого герцога (21 декабря 1495 года). Известно, что впоследствии Э. Кок весьма одобрительно отзывался о проделанной составителем работе³². Между тем сам приложенный регламент был дополнительным аргументом, скреплявшим результаты расследования, и к числу официальных документов не относился. Эта была скорее всего адаптированная версия существовавшей к тому времени практики.

Самым интересным из предреформационных регламентов, описывающих правила следования среди мирян, был документ под названием «Порядок следования высших достоинств в соответствии с их статусом». Он был составлен в 1520 году лордом-чемберленом графом Вустером по случаю данного в честь французского и венецианского послов обеда в королевской резиденции в Ричмонде. Авторитетность этого документа была признана комиссией по расследованию деятельности департамента дворецкого, проведенного в 1595 году.

«Порядок» был интересен тем, что он окончательно определил процедуру следования виконтов, что было, как известно, проблемой на протяжении более чем столетия. Первым виконтом был лорд Бомонт, возведенный в достоинство 12 февраля 1440 года. Согласно выданному ему патенту, он имел право сидеть впереди всех баронов королевства. Это означало, что он занимал позицию ниже старших сыновей графов и младших сыновей маркизов. Однако, согласно повторно выданному патенту от 12 марта 1445 года, Бомонт получил право на предпочтение перед старшими сыновьями графов, что даровало ему следующее за их отцами место. Несмотря на ко-

ролевское распоряжение в регламенте 1479 года виконты следовали в старом порядке. По случаю похорон Эдуарда IV, состоявшихся в 1483 году, вопрос о порядке следования виконтов встал заново, когда виконт Бэркли потребовал права на место, предназначавшееся для лорда Монтраверза – старшего сына графа Эрандела. Разногласия были разрешены в пользу Монтраверза со ссылкой на регламент 1479 года. То же самое место им отводил герцог Бедфорд. Право, дарованное в свое время Бомонту, было закреплено официально только в регламенте 1520 года.

Каждый из упомянутых документов касался в основном общепринятых титулов, а в некоторых случаях и должностей. Вопросы пэрства или пэрского достоинства в целом также занимали в них немаловажное место. Градации и праве предпочтения среди пэров обычно решался в связи с датами их возведения. При этом традиция ставила знак равенства между титулом и соответствующим званием пэра. Поскольку выдача хартий и патентов на соответствующие пэрские достоинства отражала практику пожалований, то, подобно последней, она напрямую увязывалась с королевской прерогативой. Наличие определенных постановлений относительно порядка следования в таком случае воспринималось только как рекомендательное. Так, например, новоиспеченный граф Сомерсет был представлен парламенту в 1397 году с указанием на право, отводившее ему соответствующее место между графами Ноттингемом и Уориком³³. Аналогичная ситуация повторилась и после возвышения Анны Бولين. Став маркизой Пемброк, она получила право сидеть впереди всех других маркиз³⁴.

Порядок предпочтения среди рыцарей был впервые зафиксирован в регламенте 1399 года. В этом документе рыцари следовали за старшими сыновьями баронов. Первыми следовали рыцари ордена Совета, то есть те, которые являлись членами королевского совета; далее следовали рыцари-знаменосцы и рыцари-бакалавры вместе с младшими сыновьями баронов между ними. Тогда уже, судя по всему, не существовало принципиальной разницы между раз-

личными категориями рыцарства. Рыцари-знаменосцы отличались от других только процедурой креации. Уточнение определенных позиций этой категории рыцарства было сделано только в 1612 году, когда возведенным под королевским штандартом отдавалось предпочтение над другими, просто возведенными во время военных действий³⁵. В регламенте 1399 года старшие сыновья рыцарей следовали сразу же за рыцарями-бакалаврами. Младшие сыновья были отделены от старших эсквайрами королевской палаты.

Градация рыцарей, представленная регламентом 1429 года идентична. Регламенты 1466–1467 годов изменяют процедуру следования благодаря введению в иерархию рыцарей орденов Подвязки и Бани. В этих документах кавалеры ордена Подвязки поставлены после младших сыновей баронов. За ними следовали рыцари-члены королевского совета и рыцари ордена Бани. Порядок продолжали судьи и судебные служащие, открывавшие доступ установленной ранее последовательности. Регламент 1479 года демонстрирует дальнейшее усложнение представлений о градациях в рыцарской среде. Так, в первом документе рыцари ордена Подвязки и рыцари-члены королевского совета предшествуют старшим сыновьям баронов, а в регламенте Бедфорда младшим сыновьям графов. Окончательное решение вопроса о последовательности в рыцарской среде было найдено только в 1612 году.

Средневековые регламенты устанавливали скорее личное, нежели официальное следование чинов. Только в статуте 12 Ric. II, с. 2 обозначается сдвиг в пользу должностного предпочтения, и закрепляется следующий порядок: канцлер, казначей, хранитель большой королевской печати, стюард королевского хаузхолда, королевский чемберлен, клерк-хранитель свитков, судьи суда Королевской скамьи и Общих тяжб и бароны Казначейства.

Любопытно, что до появления этого статута судьи очень часто упоминались и в преамбулах королевских хартий, но их наличие в официальном списке особ ничего не проясняло и не давало, кроме как указания на их следование за баронами. Информация о поряд-

ке предпочтения среди королевских судебных служащих остается очень неполной вплоть до регламента, составленного графом Вустером в 1467 году. В этом регламенте судьи помещены впереди рыцарей-бакалавров, но ниже кавалеров ордена Бани.

Должно быть, порядок следования мирских титулов оставался предметом королевской прерогативы и базировался при этом на общем праве. Напротив, порядок предпочтения среди духовенства продолжал оставаться в ведении церкви и, следовательно, находился под юрисдикцией канонического права. Эти два обстоятельства закрепляли самостоятельное значение обоих порядков. В те времена было сложно определить соответствие, необходимое для совместного ранжирования церковных и мирских титулов даже в такие ответственные для страны моменты, как открытие парламентских сессий³⁶.

Только при открытии Генрихом VI парламента 12 ноября 1439 года, пожалуй, был установлен первый вариант сочетания двух порядков. Следовавшая за королем процессия открывалась архиепископами, далее по порядку следовали лорд-канцлер и лорд-казначей, герцоги королевской крови, маркизы, графы, епископы, бароны, приоры и аббаты, младшие сыновья герцогов³⁷. Джон Расселл — дворецкий герцога Глостера приводит еще один любопытный вариант подобного сочетания. Источник построений Рассела остается неизвестным, но, думается, что речь идет все-таки о весьма представительном собрании. Процессия, предшествовавшая коллективному мероприятию, устанавливала следующий вариант предпочтения. Его возглавлял архиепископ, за ним следовали по порядку: герцог, епископ, маркиз, граф, виконт, легат, барон, саффриган, облаченный митрой аббат, трое мировых судей и мэр Лондона, аббат без митры, рыцарь-бакалавр, приор, декан, архидиакон и просто рыцарь.

Более определенной, чем воссозданная Расселлом анонимная ситуация, была процедура, отработанная при дворе Эдуарда IV³⁸. В одном из регламентов приводится наиболее часто встречающийся вариант: герцоги, маркизы, графы, королевский исповедник в статусе епископа, канцлер Англии, чемберлен Англии, два мировых судьи,

виконты и бароны. Королевский ордонанс 1478 года содержит несколько измененный вариант: герцоги, графы, епископ, барон. Поскольку в 1478 году в Англии отсутствовал виконт, то остается неясным, должен ли был епископ следовать после или предшествовать виконту³⁹.

Королевский акт о супрематии (1534) значительным образом изменил существовавшую до этого времени практику. Как уже отмечалось, средневековый взгляд на английскую государственность как политическое тело, вбравшее в себя различные виды и достоинства людей, разделенных согласно мирским и духовным титулам, активно поддерживал идею относительной дихотомии двух порядков следования⁴⁰. Разрыв с Римом, произошедший формально в 1532 году, привел к тому, что все виды правой юрисдикции — канонической и обычно-правовой — попали под компетенцию короны. Это обстоятельство стало естественным толчком к созданию однообразной системы и порядка предпочтения. Очевидно, что реальный шаг к окончательному соединению был сделан в парламентской декларации, провозгласившей в 1534 году Генриха VIII единственным верховным главой английской церкви⁴¹. Разрыв отношений с Римом, однако, не означал, что существовавшие предписания канонического права отменялись. Они становились частью так называемого «церковного» права Англии⁴², что, как известно, отразилось уже в ранжировании духовных и светских лордов при открытии парламентской сессии 1539 года (House of Lords Precedence Act 1539).

Королевский акт о порядке следования в палате лордов интересен в плане стоявших перед ним задач. Десятая клауза акта впервые выводила предлагаемый вариант следования за пределы Вестминстерского дворца и делала его достоянием всякой относящейся к публично-правовой ситуации. Речь шла в первую очередь о порядке предпочтения между верховными сановниками королевства. По всей видимости, расширение первоначальной области применения порядка предпочтения было вызвано не столько желанием Генриха VIII установить общий для мирян и клириков вариант следова-

ния, сколько выделить из общей массы статус своего верного слуги Томаса Кромвелла. Известно, что 18 июля 1536 года король провозгласил лорда Кромвелла своим наместником (*vicegerent*) во всех духовных делах. Должность была прежде неизвестной и, естественно, ни один порядок следования не оговаривал ее статуса. Вторая клауза акта указывала на предпочтение, отдаваемое наместнику перед архиепископом Кентерберийским. После падения Кромвелла в 1540 году должность оставалась вакантной, но из соответствующих регламентов ее никто не удалял вплоть до королевского акта 1934 года⁴³.

Порядок следования, определяемый актом для лиц, находящихся в палате лордов, предусматривал в качестве отправной точки королевский трон, как известно, символизировавший постоянное, хотя и незримое присутствие короля на каждом заседании. С правой стороны от трона по порядку располагались места, предназначенные для наместника, двух архиепископов и следовавших за ними епископам. С левой стороны от трона располагались сидения, отведенные для светских лордов в уже известной ранее последовательности. При самом поверхностном знакомстве с содержащимися в акте рекомендациями нетрудно установить, что в целом он воспроизводил старую средневековую параллель мирских и духовных достоинств. Важным оказывался характер самого распределения, определявшегося теперь не двумя отдельными источниками, а одним — королевской юрисдикцией.

В годы правления Елизаветы Тюдор возник ряд сложностей, связанных с возрастанием общего числа судебных исков по поводу введенного актом порядка следования. С этой целью королева учила разбирательство в одном из центральных придворных департаментов. Предметом ее пристального внимания стал церемониймейстер. Лорды Берли и Говард из Эффингема образовали специальную комиссию, которая должна была установить истину относительно наиболее древних предписаний о порядке предпочтения. Комиссия столкнулась с определенными трудностями, погрузившись в изучение многочисленных придворных регламентов. Окончательное

решение было выработано ею только тогда, когда на глаза членов комиссии попал уже упоминавшийся, составленный в 1520 году регламент, определявший последовательность высокопоставленных чинов и особ, находившихся на приеме, устроенном лордом-чемберленом в честь прибывших в столицу французского посла и венецианского посланника. Текст регламента был взят за основу и претерпел лишь незначительные изменения относительно дочерей баронов и рыцарей-бакалавров. С внесенными уточнениями регламент был представлен в качестве проекта для ордонанса 16 января 1595 года. К. Янг считает, что регламент 1595 года представлял собой наиболее полную модель порядка следования, установленного к концу тюдоровского правления⁴⁴.

Принятие этого регламента в качестве основного повлекло за собою ряд существенных противоречий. Известно, что, согласно акту о порядке следования, принятого палатой лордов в 1539 году, отдельно оговаривалась ситуация с прибытием членов королевской семьи в верхнюю палату парламента. При этом акт констатировал (s. 2), что никто, кроме королевских детей, не должен занимать место с обеих сторон от государственных штандартов, установленных в палате. При этом уточнялось (s. 4), что лорд-канцлер, лорд-казначей, лорд-президент Совета и лорд-хранитель, являясь баронами парламента или более высокого достоинства, должны сидеть перед герцогами, если только последние не являются сыновьями короля, королевскими братьями или дядьями, королевскими племянниками или сыновьями брата или сестры короля⁴⁵.

Средневековые регламенты также определяли права сыновей короля, носивших титул герцогов. В этих памятниках старшие сыновья герцогов королевской крови помещались перед маркизами, но в них не содержалось четких определений относительно позиций, занимаемых младшими сыновьями. Не упомянутые в регламентах 1399 и 1429 годов, они появляются впервые в регламенте 1479 года с определением позиции, следующей за старшими сыновьями маркизов. В регламенте 1490 года, составленном герцогом

Бедфордом, им, напротив, отдано предпочтение перед старшими сыновьями маркизов. Статус внуков короля всегда относился к числу менее всего вычлененных. Только в акте 1539 года их положение было уточнено и, согласно этому документу, им отводилось место сразу же за всеми оставшимися членами королевской семьи.

В эпоху Реформации не произошло существенных изменений в определении порядка предпочтения среди английских пэров и их сыновей. Согласно седьмой клаузе акта о предпочтении, принятого палатой лордов в 1539 году, герцоги, маркизы, графы, виконты и бароны имеют право на предпочтение с учетом древности носимого ими титула. Этот акт сыграл роль предписания для упорядочивания всей предшествовавшей практики. В отношении благородных особ, чье пэрство было учреждено по королевскому патенту, это предписание не создавало видимых трудностей. Однако разногласия, возникавшие по поводу дат, стоявших на самих патентах и реальных сроков первого вызова на парламентскую сессию, не раз служили поводом для подчас небезобидных стычек.

Между тем этот же парламентский акт не создавал видимых препятствий в праве короны регулировать порядок следования внутри самой знати. Так, в 1553 году Эдвард Кортни стал графом Девоном. В выданном ему патенте содержались все необходимые по такому случаю разъяснения. Согласно тексту, он и его наследники имели право занимать соответствующее место в парламенте и других присутственных местах, как будто бы все Девоны были его предками. В 1626 году виконт Уоллингфорд стал графом Бэнбури. При этом выданный ему патент ставил Бэнбури впереди всех шести произведенных с начала правления Карла I Стюарта графам так, как будто Уоллингфорд был первым графом, произведенным с конца марта 1625 года. Известно, что лорды пытались на основании акта 1539 года опротестовать решение короля. Однако, отказавшиеся от своих претензий, они согласились с тем, что данный порядок следования будет действовать до смерти Уоллингфорда, но не будет распространяться на его наследников.

Еще более интересен случай с баронским титулом Маунтджоя, учрежденным 5 июня 1627 года и даровавшим его обладателю право предшествовать всем баронским титулам, учрежденным после 20 мая 1620 года. Маунтджой, таким образом, получил право предпочтения над двумя баронами — Факонбергом и Ловлейсом. Известно, что «отодвинутые» бароны обратились с жалобой в комиссию по привилегиям, которая, как известно, приняла 14 октября 1628 года решение в их пользу. Король, не желавший конфронтации с членами комиссии, разрешил проблему просто: 5 августа 1628 года Маунтджой стал графом Ньюпортом⁴⁶.

Не вполне ясно, когда сыновья титулованных особ были учтены в регламентах, отражавших порядок следования. Первые упоминания о них относятся к 1399 году. Тогда старшие сыновья получили особую отличную от младших сыновей позицию. Речь идет о том, что первые не только предшествовали вторым, но и между каждой из категорий устанавливался свой особый порядок. Так, старшие сыновья графов предшествовали младшим сыновьям маркизов, а младшие сыновья графов уступали место баронам. Порядок следования сыновей титулованных особ, установленный регламентом 1399 года с уточнениями, сделанными относительно сыновей виконтов в 1440 году, составлял основу для раннестюартовского порядка. Напомню, что учиненное Елизаветой расследование департамента церемониймейстера привело к некоторым изменениям относительно ранжирования младших сыновей герцогов и виконтов. Первые были вынуждены уступить виконтам и занять следующее за ними место.

После того, как Яков I учредил достоинство баронетов, возникли определенные трудности с включением их в порядок следования. Только в 1619 году проблема была урегулирована решением, согласно которому младшие сыновья баронов должны были предшествовать баронетам. Ровно через год Яков установил, что младшие сыновья графов должны предшествовать рыцарям ордена Подвязки⁴⁷.

Внуки титулованных особ не фигурируют ни в одном из средневековых регламентов. В 1590 году Роберт Кук — королевский

герольд утверждал, что «у них нет права претендовать на особое место в порядке следования». Его позиция оставалась общепринятой вплоть до 18 марта 1615 года, когда старшие сыновья младших сыновей пэров и их наследники получили отдельную позицию, предшествовавшую той, что отводилась старшим сыновьям рыцарей⁴⁸.

Выше уже отмечалось, что в 1611 году Яков учредил достоинство, которое по первоначальному замыслу должно было занимать позицию между баронами и рыцарями. Однако, известно, что на первых порах королевское решение оставалось с формальной точки зрения незакрепленным. В каждом выдаваемом баронетам патенте содержалась фраза, указывающая на то, что титулодержатель и его наследники по мужской линии должны пользоваться правом предпочтения перед всеми рыцарями без исключения. Поскольку в патентах не содержалось фраз, поясняющих порядок следования ближайших родственников баронета (жены, сыновей и невесток, дочерей), то на этот счет были даны дополнительные разъяснения⁴⁹. Ближайшие родственники баронета должны были занимать соответствующие места, определяемые для них «общеизвестными традициями наследственных достоинств».

Первый патент, даровавший достоинство баронета, увидел свет 22 мая 1611 года, и почти сразу обратил на себя внимание герольдов. Дело в том, что упоминавшаяся уже фраза о том, что держатель титула баронета получал право предшествовать рыцарям, ничего не поясняла относительно последующего предпочтения между учрежденным достоинством и баронами. Очень скоро формальные упущения стали поводом для дискуссии, коснувшейся в первую очередь вопросов предпочтения между самими баронетами и младшими сыновьями баронов⁵⁰.

Известно, что вопрос был вынесен на обсуждение Тайного совета, который принял решение в пользу баронов. Тогда баронеты обратились за разъяснением к королю. Яков вынес достаточно обтекаемое решение: он намеревался оговорить отдельную позицию для младших сыновей виконтов и баронов и поставить ее впереди той,

что будет принадлежать баронетам. Тогда баронеты потребовали уточнения относительно их права следовать сразу же за младшими сыновьями баронов. Притязания баронетов оказались удовлетворенными: во всяком случае, в одном из патентов от 28 мая 1612 года уже содержалось желаемое разъяснение.

Вместе с тем появились параллельные разъяснения, отчасти изменяющие установившийся порядок следования. Согласно королевскому ордонансу, младшие сыновья виконтов и баронов должны были следовать после рыцарей ордена Подвязки, членов Тайного совета, председателя суда по Опеке и Ливреям, канцлера и вице-казначея Казначейства, канцлера герцогства Ланкастерского, главного судьи суда Королевской скамьи, хранителя свитков, верховного судьи суда Общих тяжб, главного барона Казначейства и других судей и баронов перечисленных судов, имевших статус не ниже судебного исполнителя. Это перечисление показывало, что рыцари, над которыми баронеты получали предпочтение, не включали кавалеров ордена Подвязки⁵¹.

Между самими баронетами порядок следования обычно устанавливался в соответствии с датами выдачи патентов, однако, практика подсказывала, что корона часто пользовалась правом самостоятельно устанавливать градации среди возводимых особ. Так, в некоторых случаях корона отдавала предпочтение только что возведенному баронету перед уже существующими. Например, 22 июня 1631 года сэр Чарльз Вавасор был возведен в баронеты с правом быть следующим за Томасом Монсоном и таким образом предшествовать ранее возведенному сэру Джорджу Гризли. Оба баронета получили свои патенты 29 июня 1611 года⁵². Учреждение баронетства в Англии стало примером для аналогичных достоинств в Ирландии и Шотландии. Относительно сыновей баронетов в патентах содержались пояснения, что они должны занимать соответствующие места перед теми достоинствами, которым баронеты по установлению предшествуют.

Известно, что до реформации в Англии существовали четыре вида рыцарских достоинств, а именно: рыцари ордена Подвязки, рыцари ордена Бани, рыцари-знаменосцы и рыцари-бакалавры.

Порядок следования среди рыцарей был четко выверен. Однако существовали ряд разночтений относительно порядка следования возведенных в рыцари членов Тайного совета и кавалерами ордена Подвязки. Противоречие было разрешено только 28 мая 1612 года, когда Яков принял решение, что рыцари ордена Подвязки и возведенные члены Тайного совета (за исключением пэров) должны предшествовать младшим сыновьям виконтов. В 1626 году разрешилась судьба рыцарей ордена Бани, получивших предпочтение над рыцарями-бакалаврами⁵³.

Последнее обстоятельство можно считать формальным завершением длительных дискуссий о порядке следования, начатых еще в англосаксонский период. Видимо, к 1626 году в Англии складывается определенная модель предпочтения, обладающая признаками логической завершенности. Это позволяет в какой-то мере вернуться к началу этого раздела, где я пытался разяснить причины «немногословности» стюартовских авторов относительно порядка следования и выдвинуть еще одно дополнительное объяснение.

Сочинения большинства из них увидело свет ранее формального завершения дискуссии. Недосказанность сюжетов могла ощущаться авторами, и они, движимые объективностью, избегали окончательных суждений. Недостаток официального материала был тому известным объяснением. Так или иначе, но с учетом этих обстоятельств сложившаяся к тому времени схема предпочтения должна была выглядеть следующим образом:

Король

Наследник

Герцоги королевской крови

Архиепископ Кентерберийский

Лорд-канцлер

Лорд-казначей

Лорд-президент Совета

Лорд-хранитель
Герцоги (по праву креации)
Старшие сыновья герцогов королевской крови
Маркизы (по праву креации)
Старшие сыновья герцогов, рожденные маркизами
Графы (по праву креации)
Старшие сыновья маркизов
Младшие сыновья герцогов королевской крови
Старшие сыновья маркизов, рожденные графами
Виконты (по праву креации)
Младшие сыновья герцогов, рожденные графами
Бароны (по праву креации)
Епископы (по праву достоинства
и в соответствии с актами парламента)
Младшие сыновья маркизов, рожденные баронами
Старшие сыновья виконтов
Младшие сыновья графов, рожденные баронами
Рыцари ордена Подвязки
Члены Тайного Совета — кавалеры ордена Подвязки
Председатель суда Опеки и Ливрей
Канцлер
Вице-казначей
Канцлер герцогства Ланкастерского
Главный судья суда Королевской Скамьи
Хранитель свитков
Главный судья суда Общих Тяжб
Главный барон Казначейства

Судьи и бароны судов не ниже должности судебного исполнителя

Младшие сыновья виконтов, рожденные баронами

Младшие сыновья баронов

Баронеты (по праву креации)

Рыцари-знаменосцы (по праву креации)

Младшие сыновья виконтов

Старшие сыновья баронов

Рыцари ордена Бани

Рыцари-бакалавры

Внуки младших сыновей пэров

Очевидно, что под влиянием многовековых споров о порядке предпочтения формировались различные подходы, сочетавшие в себе не только возможности смешанного или раздельного воспроизведения светской и церковной иерархий. Важным итогом дискуссий, должно быть, остается рождение представления о своеобразной структуре благородного сообщества. Знать, без сомнения, была одним из наиболее заинтересованных участников самого спора о порядке следования. Вместе с тем она же оказалась наиболее удовлетворенной стороной дискуссии.

Дискурс официальных протоколов и регламентов постепенно сформировал весьма определенное представление о границах благородного сообщества. При самом общем взгляде на его структуру, а самое главное — на его пограничные элементы очевидными становятся различия (как в целом, так и в деталях) с тем вариантом «модели», которую предлагали антиквариин. Тем не менее даже с учетом этих различий легко обнаружить и определенное сходство предлагаемых ими схем. Оба варианта схем объединяет стремление к исключению наиболее неустойчивых в социальном отношении категорий и, следовательно, желание «обезопасить» предлагаемую конструкцию.

Можно ли видеть в таком стремлении попытку усмотреть внутри благородного сообщества стабильную и нестабильную составляющую? Или же за всем этим скрывается что-то большее? Думается, что во всем этом можно видеть пока еще весьма осторожный отказ от традиционной схемы деления знати на титулованную и нетитулованную. Включение наряду с традиционными достоинствами высших государственных и церковных чинов — уже необходимое для этого условие. Появление младших сыновей пэров и их внуков в качестве составляющих такого порядка вряд ли можно расценивать в качестве достаточного условия, хотя при определенных обстоятельствах оно, должно быть, способно составить его основание. Так или иначе, но наличие, по меньшей мере, двух возможных схем благородного сообщества, отличавшихся от традиционного деления знати на две составляющие, вполне достаточно для того, чтобы поставить под сомнение безупречность уходящего своими корнями в средневековые подходы.

1. Segar W. Honor Military and Civil. London, 1611. P. 207.
2. Young C. G. 1) Order of Precedence. London, 1851; 2) Privy Councillors and Their Precedence. London, 1860; 3) Ancient Tables of Precedency (n.p; n.d.). В последнее время в отечественной историографии отдельные аспекты права предпочтения успешно разрабатываются О. В. Дмитриевой. См. написанные ею разделы в коллективных монографиях: Двор монарха в средневековой Европе / под ред. Н. А. Хачатурян. СПб., 2001. С. 137-149; Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория, символика, церемониал / под ред. Н. А. Хачатурян. М., 2004. С. 360-383.
3. Наиболее полное представление об этом можно почерпнуть из эрудитской коллекции: Collins A. Proceedings, Precedents and Arguments on Claims and Conclusions concerning Baronies by Writ and other Baronies. London, 1735.

4. *Segar W. Honor Military and Civil. P. 51, 238-241, 243-244; Carter M. Honor Redivivus. London, 1676. Ch. 3. Passim.*
5. *Carter M. Honor Redivivus. P. 71.* Это в особенности характерно для Сегара, более, чем его современники интересовавшегося этим сюжетом: *Segar W. Honor Military and Civil. P. 241.*
6. На это обстоятельство указывают: *Carter M. Honor Redivivus. P. 52; Segar W. Honor Military and Civil. P. 207.* Конкретное содержание древних регламентов очень плохо поддается идентификации. У. Стэббс приводит текст документа под названием «Of People's Ranks and Law», в котором впервые определяются нормативные представления о порядке следования среди различных социальных категорий от эрла до кэрла. См.: *Stubbs W. Select Charters. Oxford, 1913. P. 88.* Аналогичный текст приводится: *Whitelock D. English Historical Documents. С. 500–1042. London, 1979. P. 468-471.*
7. *Coke E. Institutions. London, 1837. 381. (Далее — Co. Inst).*
8. *Dialogus de Scaccario / ed. by C. Johnson. London, 1950. P. 63-64.*
9. Подробнее о практике разъездных судей на местах см.: *Galbraith V. H. The Making of Domesday Book. Oxford, 1961. P. 193, 195.* Гэлбрайт специально отмечает, что для списков, составленных для Ноттингема и Норфолка соответственно, характерен нетрадиционный подход к общепринятой схеме: для этих графств эрлы предстоят епископам (*Galbraith V. The Making of Domesday Book. P. 195*).
10. *Powell J. E., Wallis K. House of Lords in the Middle Ages. London, 1968. P. 545.*
11. Об этом см. подробнее: *Macdonald A. Lafranc. Oxford, 1926. P. 70-94, 271-291; Brooke Z. N. English Church and Papacy. Cambridge, 1931. P. 123-125.*
12. Описание существа разногласий дано: *William of Newburgh. Historia Rerum Anglicarum. London, 1884. P. 203-204.*
13. *Rotulli Parliamentorum. V.1. 418a. (Далее — Rot. Parl.); Wilkins D. Concilia Magnae Britanniae. London, 1737. Vol. 3. P. 67.*
14. *Macdonald A. Lafranc. P. 98-99.*
15. Один из таких случаев описывает Уильям Малмсберийский: *De Gestis Pontificum Anglorum. London, 1870. P. 67.*
16. Первым титулярным епископом в Англии считается Августин епископ Дарема (1259) (*Thompson A. English Clergy in the Later Middle Ages. Ox-*

- ford, 1947. P. 49). О возможности использования термина «титulyрный» и «викарный»: *New Catholic Encyclopedia*. New York, 1967. Vol. 11. P. 703-704.
17. Конституции Ордена опубликованы: *Ashmole E. The institution, laws & ceremonies of the most noble Order of the Garter collected and digested into one body by Elias Ashmole ...* London: Printed by J. Macock, for Nathanael Brooke, 1672. Appendix.
 18. *Willement T. Facsimile of a Contemporary Roll of the Spiritual and Temporal Peers*. London, 1829.
 19. *Powell J., Wallis K. House of Lords in the Middle Ages*. Pl. XIX.
 20. 5 Ric.II, st.2, c.4.
 21. Подробный текст диплома: *Regesta Regum Anglo-Normannorum*. Oxford, 1913. Vol. 1. P. 6.
 22. *Regesta Regum...* Vol. 1. P. 7.
 23. *Ibid.* P. 8.
 24. *Ibid.* P. 9.
 25. Rot. Parl. IV, 267. Этот патент был оспорен графом в 1425 году.
 26. Оригинал документа не сохранился. Известны достаточно полные пересказы или воспроизведения текста. Наиболее доступным был вариант, приведенный в: *Young C. G. Ancient Tables of Precedency* (п.р; n.d.). P. 3-4; частично текст документа с комментариями приводится в его работе: *Privy Councillors and Their Precedence*. London, 1860. P. 41-47 (для особ мужского пола); 62-71 (для особ женского пола).
 27. Практика сохранения всех имеющихся титулов складывается только при Генрихе VIII.
 28. Сохранилась копия этого регламента, составленная в начале XVII века: Bodleian Library. Ashmolean MS. 857. Fols. 142-4.
 29. Текст регламента напечатан: *Young C. Ancient Tables of Precedence*. P. 9-10
 30. Первый виконт появляется в Англии в 1440 году.
 31. Выдержки из этого регламента, достаточно пространные, напечатаны: *Young C. Privy Councillors and their Precedence*. P. 46-47.
 32. Co. Inst. 363.
 33. Rot. Parl. III, 343.

34. *Cokayne G. Complete Peerage. Vol. X. P. 404; Prynne W. Brief Animadversions on... the Forth Part of the Institutes by Sir Edward Coke. London, 1669. P. 342-247.*
35. Об этом говорит королевский ордонанс, очень редко указываемый историками. Единственное упоминание об этом: *Pixley F. W. History of Baronetage. London, 1900. P. 20-21.*
36. *Powell J., Wallis K. House of Lords in the Middle Ages. P. 556.*
37. Джон Говард, герцог Норфолк на момент составления данного регламента — единственный герцог королевской крови отсутствовал в Англии, возглавляя посольство во Франции.
38. *Myers A. R. The Household of Edward IV. Manchester, 1959. P. 77.*
39. Об этом подробнее: *Myers A. R. The Household of Edward IV. P. 234.*
40. Последнее из известных мне упоминаний старой ситуации: *Ecclesiastical Appeals Act, 1532. Preamble.*
41. *Ibid. SS. 1,3. Hen.VIII. C.1.*
42. *Mortimer R. Western Canon Law. London, 1953. P. 59.*
43. *Herald's Commemorative Exhibition 1484–1934. London, 1936. Pl. XXX.*
44. *Young C. Privy Councillors and Their Precedence. P. 48-50.*
45. *Young C. Order of Precedence. London, 1851. P. 15.*
46. Более подробно о подобных случаях: *Nicolas N. H. Observations on the Clauses containing Grants of Precedency in Patents of Peerage. London, 1831. Passim.*
47. *Young C. Order of Precedence. P. 33.*
48. *Ibid. P. 51.*
49. *Pixley F. The History of Baronetage. P. 16-18; 113-114.*
50. *Sharpe K. Sir Robert Cotton. Oxford, 1978. P. 124-125.*
51. *Pixley F. The History of Baronetage. P. 119-125.*
52. *Cokayne G. Complete Baronetage. Exeter, 1902. Vol. 2. P. 72.*
53. *Segar W. Honor Military and Civil. P. 246; Anstis J. Observations upon Knighthood of Bath. London, 1725. P. 79.*

СЕМАНТИКА ИНСТАЛЛЯЦИОННЫХ ИНСИГНИЙ

Символическая сторона оформления и реализации властных отношений, сложившихся в Англии после восшествия на престол Якова I Стюарта в 1603 году, остается сравнительно слабо изученным явлением. Историки, обращавшие внимание, как правило, на институциональные аспекты властных отношений начала XVII столетия, предпочитали исследовать семантику династической мифологии первых Стюартов¹. При этом констатируемые в большинстве случаев различия с предшествовавшей тюдоровской традицией определяли строгое разграничение раннестюартовской модели властных отношений и всех отличавшихся от нее символических систем. Так или иначе, раннестюартовский опыт оформления династической программы выглядел до сих пор скорее инновационным, чем опиравшимся на традицию.

Символическое пространство раннестюартовской монархии, в самом деле, содержало внутренние ресурсы, которые образовывали неповторимую гамму дискурсивных практик. Однако изрядная часть этих ресурсов оказывается при ближайшем рассмотрении куда более традиционной, чем могло показаться на первый взгляд. Речь идет в первую очередь о наборе королевских инсигний, с которыми

¹ Оригинальная публикация: Федоров С. Е. Семантика инсталляционных инсигний // Королевский двор в Англии XV–XVII веков / ред. и сост. С. Е. Федоров. СПб., 2011. С. 277–294.

оба первых Стюарта всходили на королевский трон, после чего они только и начинали реализовывать свои новаторские идеи по оформлению оснований своей власти.

Исходный набор этих инсигний просуществовал практически в неизменном виде с коронации Эдуарда II в 1308 году вплоть до 1649 года, когда все королевские регалии, за исключением коронационных мечей, были уничтожены республиканским режимом. Их восстановили заново по сохранившимся изображениям и описаниям и использовали при коронации Якова II Стюарта в 1685 году, но уже в совсем ином, чем ранее политическом и символическом контексте.

Неизменность первоначального набора королевских инсигний начала XIV века не означала, однако, что со временем их смысловая нагрузка не обростала новыми дополнительными значениями, по мере закрепления которых могли модифицироваться форма короны или державы, уточняться происхождение кольца или мироносного священного сосуда, варьироваться количество церемониальных мечей и т.д. При всем этом исходная семантика коронационного спектакля оставалась без изменений на протяжении всего периода, определявшегося действием так называемого Четвертого коронационного чина, известного также как *Liber Regalis*²

Традиция, связанная с набором королевских инсигний, впервые зафиксированная в начале XIV века, продолжая формально воспроизводиться вплоть до коронации четвертого по счету Стюарта, обрывалась, таким образом, намного раньше, чем прекратил свое существование Четвертый коронационный чин, Оставаясь органической частью раннестюартовского символического пространства, этот набор инсигний, как представляется, определял семантику одной из важнейших составляющих как яковитского, так и каролинского династического сценария.

Влияние и роль королевских инсигний в символическом пространстве раннестюартовской монархии чрезвычайно велики, а объем сохранившейся информации вполне достаточен для их изучения.

Естественно, что в пределах одной статьи нельзя описать все оттенки этого влияния. Я попытаюсь сделать акцент на так называемые инаугурационные или конституирующие инсигнии, уделяя особое внимание трактовкам их смысла, появившимся на протяжении XIV–XVII веков. При этом ассоциации, возникавшие у современников при использовании как традиционных, так и измененных по форме королевских инсигний, будут рассмотрены только в двух основных, как представляется, в то время наиболее актуализированных плоскостях: в литургическом пространстве Вестминстерского комплекса, каждый раз заново воссоздаваемом самим коронационным чином³, а также в семантическом поле, формировавшемся в ходе, с одной стороны, манипуляций с легендарной традицией, и постепенного развития представлений об английской монархии — с другой.

Иными словами, речь пойдет о том, как из начального, установленного самой первой редакцией коронационного чина (1308 год), набора инсигний именно в XIV — начале XVII века формируется полный комплекс инсталляционных регалий, задававший смысл и характер их литургического рядоположения и толкования. Этот комплекс параллельно включается в контекст создаваемого внутри и за пределами аббатства смыслового ряда, обозначавшего сакрально-имперский статус английского монаршего дома.

Очевидно, наиболее архаическая часть литургического спектакля, коронации, выполняла исходные функции характерного для раннего Средневековья ритуального действия, ассоциируемого в сознании современников с т. н. «обрядом перехода»⁴. В этом смысле исключительную роль играла параллель между самим этим событием и основными церковными праздниками, а также ассоциация между ним и обрядами крещения и рукоположения в священники. Именно такое сочетание обрядовой стороны самой церемонии и основных христианских таинств можно с легкостью наблюдать в сценарии

так называемого Второго коронационного чина⁵, где итоговой частью церемонии становилось появление монарха, объединявшего в своей персоне собственно монаршие и священнические функции. Исчезнувший в Третьем коронационном чине⁶ этот дуализм в восприятии статуса монарха заново возрождается составителями коронационного чина 1308 года. Восстановленная практика сопровождается детализацией отдельных фаз коронации, акцентирующих уже с большей определенностью подготовительную часть церемонии, включавшую ночное бдение кандидата, его ритуальное омовение, согласие прибывших ко двору прелатов и знати с кандидатурой преемника, процессию от дворца к собору св. Петра, в ходе которой представлялись отдельные предметы из состава инсигний, аккламации и завершающую эту часть церемонии прострацию кандидата перед главным алтарем собора Вестминстерского аббатства. Следующая за этой частью церемонии процедура помазания предваряется снятием мирской одежды, а идущая затем собственно процедура помазания (ладоней — миром, плечей, предплечий, груди — елеем, и далее двукратно в форме креста сначала елеем, а затем миром — головы), переносят смысловые ассоциации, связанные с обрядом перехода, в иную плоскость, превращая новое состояние кандидата теперь уже в необратимое. Начавшаяся с момента помазания своеобразная пороговая фаза завершается. Следующие за нею инвеститура, коронация и интронизация знаменуют обретение монархом его исключительного состояния, в котором он предстает первоначально перед Господом, вкушая дары Святого причастия, а затем на коронационном пиршестве, как бы заново определяя конфигурацию возглавляемой им земной иерархии.

Из фигурирующих в тексте Четвертого коронационного чина королевских инсигний выделяются чаша, потир, два скипетра (один — увенчанный крестом — собственно скипетр, второй — увенчанный голубкой — предмет, в котором узнается пока еще немодифицированная держава), три меча, золотые шпоры, кольцо, *colobium sidonis* — безрукавная далматика, длинная туника с рукава-

ми, затканная золотыми изображениями сзади и спереди, — королевский паллий с изображениями орлов, сандалии, носки, браслеты, корона (пока без каких бы то ни было уточнений о ее форме) и наконец, два сосуда: один с елеем и другой с миром изготовленные, как тогда полагали, из оникса. Позднее сюда добавляются еще один меч, посох св. Эдуарда, *surcoat* — верхнее довольно свободного покроя платье, сосуд в форме орла, заменивший флаконы для мира и елея, в определенных случаях еще и церемониальная ложка.

Среди этих регалий четко выделяются две группы предметов, одни из которых фигурируют вне стен аббатства, и другие, которые появляются только тогда, когда король минует западный портал церкви св. Петра. При этом часть регалий, присутствовавших в процессии, направлявшейся от дворца к собору, после обряда св. причастия остаются в стенах собора и более нигде не упоминаются. К числу таких запрещенных к выносу регалий относятся в первую очередь корона и все предметы, которые вручались королю⁷.

Должно быть, особую группу составляют предметы, доставляемые в аббатство накануне коронации — это перчатки, льняная шапочка и башмаки-туфли, в которых король покидает собор и следует на пиршество. Помимо этого, все упомянутые регалии классифицируются на «просто» инсигнии или регалии-инвесты и личные инсигнии короля. Все кроме короны, надеваемой после св. причастия, двух мечей, которые несут в процессии впереди — справа и слева от короля, рубахи, за исключением пуговиц и пряжек, в которой архиепископ помазывает короля, комментаторы, судя по всему, относят к регалиям, указывая на то, что таковые являются сакраментами — элементами таинства и, следовательно, находятся на хранении и попечении аббатов и монахов Вестминстерского аббатства. Позднее все запрещенные к выносу из храма регалии получают название регалий Эдуарда Исповедника.

Смысловая нагрузка регалий в основном детализируется в ходе самой церемонии, где посредством сложного переплетения литургических элементов антифонов, молитв, литаний, благословений,

псалмов актуализируется их назначение, но их роль как эмблем, предопределяющих характер предстоящего правления, становится вполне понятной еще в ходе процессии от дворца к собору Вестминстерского аббатства.

Открывающие процессию чаша и потир указывают на итоговую часть самой коронации, где возрожденный заново и обретший исключительное состояние монарх принимает свое первое причастие. Характер этой части процессии вызывает прямые ассоциации с процессией, которая предшествовала рукоположению священников в раннехристианской церкви, когда возглавлявшие процессию чаша и потир служили предметами, которые только что рукоположенные священники использовали при своей первой евхаристии.

Символизм этой части процессии усиливался характером должностей тех лиц, которым, согласно регламенту, надлежало нести эти священные предметы. Это канцлер и казначей, и в том нередком случае, когда на обоих этих постах были епископы, они с самого начала придавали известный дуализм всей последующей церемонии, где сам король становился своеобразным сосредоточением собственно монаршего сана и сана священнического. Позднее, уже в XV веке, появлялся священный сосуд, указывая на источник двойной власти государя. В ранних церемониях Четвертого коронационного чина этот источник был определен еще не вполне ясно, хотя некоторые намеки на него уже имелись — в частности, в построении остальной части процессии. Поддерживавшие короля с двух сторон епископы Дарэма и Бата вызвали ассоциации с тем, как два, в свое время крупнейших англосаксонских диоцеза способствовали объединительным процессам внутри разрозненных королевств. Следовавшие за ними представители знати, каждый, обозначая значимые территориальные объединения, несли источники светского характера монарших полномочий — мечи, скипетр и державу. Облаченный в скромное одеяние король олицетворял готовность и покорность принять власть на тех условиях, которые символизировала сопровождавшая его в собор процессия.

Начальные аккорды торжественной мессы, перемежавшиеся вставками внелитургического свойства, организуются так, чтобы углубить представление о чистоте помыслов монарха и его готовности принять власть от Христа, прибегнув к помощи посредников между ними. Регалии, покоящиеся на главном алтаре, первое дароприношение, сам король, лежащий ниц перед алтарем, — все это не только напоминает богослужение, сопровождающее рукоположение священников, но, вместе с тем, подчеркивает и разницу между этими двумя церемониями.

Помазание уже в который раз подчеркивает двойственную природу совершаемой церемонии, соединяя в себе элементы традиционного помазания королей с элементами помазания священников. Следующее за этим освящение предметов, вручаемых монарху, работает в том же направлении, вызывая ассоциации как с облачением священников, так и с отдельными элементами одежды римских императоров. И только после того, как на облаченные в носки и «сандалии» ноги короля надеваются шпоры⁸, в церемонии начинают постепенно появляться светские мотивы, прежде всего связанные с рыцарством (понимаемым, впрочем, в качестве воинства Христа). Любопытно, но именно эта часть церемонии, помимо произносимых молитв и двух гимнов в конце инвеституры, содержит вплетенные в текст литургии рубрики-пояснения, где разъясняется назначение регалий-инвестов.

Вручение меча тогда еще никак специально не называемого, но в последующем обозначаемого как *Curtana* (меч справедливости, милосердия, сострадания, а еще позднее — меч государства) символизирует передачу королю всего королевства, чтобы он правил им с этим мечом в руках ради обеспечения правосудия. Браслеты или «браслеты чистосердечия» символизируют систему принципов, на которых монарх строит свое правление и соотносит его с желаниями подданных. Наконец, четырехугольная мантия, надеваемая поверх длинной туники, как бы подчиняет символизируемые ею четыре стороны света (четыре части королевства) монаршей воле.

Следующая за инвеститурой церемония возложения «короны славы» — это апогей всего действия, завершающийся надеванием кольца, скрепляющего вечными узами нового монарха с его королевством, а также вручением королю двух скипетров — символов приобретенной власти, эмблем доблести и справедливости. Снятый было с королевского пояса меч, символизирует готовность монарха сложить свои полномочия перед властью и силой Христа, только что даровавшего ему эту привилегию, выкупается самым знатным лицом королевства в знак готовности принять помазанного и коронованного монарха в качестве легитимного правителя. Звучит *Sta et retine* и начинается интронизация монарха, завершающаяся принесением присяги прелатами и светской знатью. Участие короля в праздничной мессе-евхаристии завершает торжества в стенах аббатства. Следующее за этим переодевание монарха, снятие регалий, их принесение к усыпальнице св. Эдуарда задает смысл дальнейшей церемонии. Король одет в специально изготовленное по случаю коронации парадное платье — аналог коронационных одежд, — а на голове у него корона, напоминающая по форме так называемую корону Эдуарда.

Намеченная в первой редакции коронационного чина символика королевских инсигний во многом отражала функциональную сторону закрепляемых за ними значений; при всей своей важности, она, однако, не исчерпывала всех возможных смысловых ассоциаций, которые могли оказаться не менее значимыми в контексте не только церемонии, но и всей эпохи. Эту односторонность толкования смыслов инсталляционных инсигний отчасти восполняла устная традиция, питавшаяся представлениями о происхождении и функциях королевских регалий, почерпнутыми из фольклора, эпоса, куртуазной литературы, а также из вновь создаваемых преданий и легенд.

Среди преданий, истолковывавших символику королевских инсигний, наиболее обстоятельными оказывались легенды, создаваемые аббатами и канониками Вестминстерского аббатства, как известно, в XIII–XIV веках активно отстаивавшего свои исключительные права на проведение коронаций и, что оказывается особенно важным в контексте избранной темы, на хранение инаугурационных инсигний⁹.

Помимо легенд, создававшихся за счет интеллектуальных ресурсов Вестминстерского аббатства, не менее четко просматривается не только традиция, воспроизводившая очевидные, общеизвестные смыслы, как правило, приписывавшиеся королевским регалиям. Весьма существенными оказывались усилия самих монархов, обращавших, подчас не без подсказки тех же клириков, внимание на значимые с точки зрения светской власти мотивы. Формирующийся в результате таких дополнительных приращений смысловой баланс определял устойчивость семантического пространства как самих символов власти, так и их восприятия современниками.

Общеизвестно, с какой настойчивостью церковь подчеркивала значение обряда помазания монарха. Помимо общей интерпретации самого обряда, характерной для западноевропейской практики, на английском материале четко просматривается тенденция к созданию особых истолкований, ориентированных на национальную специфику. Это касается в первую очередь различного рода историй, повествующих оживительной силе помазанного на царство монарха в исцелении больных золотухой¹⁰. На протяжении XIV века убеждение в целительной силе, обретаемой монархом после помазания, неизменно крепнет. Наряду с монетами, которые монархи жертвуют исцеляемым ими золотушным, в Англии появляется другая, не менее показательная в этом плане практика. С конца XIV века английские государи начинают переливать золотые монеты в особые кольца, которые во время Страстной Пятницы возлагались к подножию распя-

тия в королевской часовне. Такие кольца по всеобщему убеждению были способны облегчать тонические боли и спазмы и, в особенности, эпилепсию¹¹. Их часто называли «cramp rings» или, как бы это звучало на современный манер, «спазмолитическими кольцами»¹². Такая практика была регулярной вплоть до смерти Марии Тюдор в 1558 году и представляла собой постоянно возобновляющийся ритуал. При Генрихе VI подобные кольца вытесняют прежние золотые монеты и за ними закрепляется двойная сила, с одной стороны, ассоциируемая с ритуалом исцеления золотушных, а, с другой — усиливающаяся благодаря их антитоническим свойствам. Перед тем, как надеть кольцо на палец страждущего, король потирал кольцо, зажав его между рук.

Традиция переливать монеты в кольца получает новое толкование в начале XVI века¹³, когда чудотворная сила короля стала объясняться магической связью, которая существовала между этими чудотворными кольцами и кольцом, якобы возвращенным апостолом Иоанном Эдуарду Исповеднику и хранящимся теперь в Вестминстерском аббатстве, по образу и подобию которого отливались все коронационные кольца английских монархов¹⁴.

Эта легенда восходила к описанию событий 1102 года в «Жизни св. Эдуарда» Осберта де Клэра¹⁵. Именно тогда при вскрытии гробницы святого на его пальце было обнаружено это кольцо. Повторное сообщение о кольце относилось к 1163 году, когда останки Эдуарда были впервые перенесены в специально отстроенный для этих целей придел Вестминстерского храма. Именно тогда и возникло первое предание, описывающее чудесное возвращение кольца Эдуарду Исповеднику и зафиксированное де Клэром. Согласно этому преданию, король присутствовал при освящении церкви св. Иоанна. При этом в конце церемонии перед Эдуардом предстал сам святой апостол в облике паломника попросивший короля о милостыне. В порыве христианского сострадания Эдуард Исповедник снял с пальца кольцо и отдал его просителю. Позднее святой предстал перед двумя английскими пилигримами, блуждавшими по пустыне,

и отдал им кольцо с тем, чтобы они возвратили его Эдуарду вместе с пророчеством, что его в ближайшем будущем ожидает слава.

Позднее общеизвестной становится другая не менее показательная легенда, истолковывавшая историю происхождения мироносного сосуда, использовавшегося в церемонии помазания на царство. Уже при королях Йоркской династии этот обряд обретает новую силу благодаря использованию в нем сосуда Томаса Беккета¹⁶. Как и в случае с чудодейственными кольцами, легенда о нем начинает оформляться еще в годы правления Эдуарда II, но ее корни восходят еще к более ранней традиции, относящейся к началу XIII века. Согласно этой легенде, во время молитвы, которую совершал находившийся в изгнании Беккет в церкви св. Колумбы, что в Сансе, ему явилась Пресвятая Дева: она передала Беккету золотого орла, между крыльями которого была вмонтирована вырезанная из камня фляга с маслом; она же сообщила ему, что это масло предназначено для помазания монарха, который в скором будущем будет коронован в качестве английского короля. Это будет государь, который возродит Нормандию и Аквитанию¹⁷, построит множество церквей в Святой земле и изгонит нечестивцев и язычников из Вавилона.

В XV веке легенда обрастает дополнениями. В продолжение прежнего рассказа сообщалось, что Беккет якобы передал на хранение флакон с маслом монаху из монастыря св. Киприана в Пуатье с напутствием, что тот должен будет объявить о хранении у него такой святыни лишь в подходящий момент, а именно, когда ему поступит знак от короля язычников. Тот, узнав от своих демонов о существовании флакона, осознав всю степень опасности этого дара для ему подобных, примет решение отправить на поиски сосуда война-язычника, христианина и собственного сына. Как и положено, в рассказах подобного рода, воин-язычник при таинственных обстоятельствах погибает, а христианин и сын короля находят сосуд с маслом и доставляют ее сначала германскому королю, а затем Жану II, герцогу Брабантскому. Последний привозит флакон в Англию и преподносит ее своему зятю Эдуарду II с намерением,

чтобы тот использовал его при своей коронации. Однако ближайшие советники короля отклонили эту идею, сочтя рассказ герцога Бранбургского сомнительным. Девять лет спустя король вспоминает о масле и, согласно одной из версий, направляет своего посланника в Авиньон с тем, чтобы папа Иоанн XXII разрешил его сомнения и позволил ему использовать содержимое флакона по назначению. Решение папы оказалось весьма осторожным: королю позволили использовать масло, но только в строгой тайне. Решение понтифика показалось Эдварду II весьма сомнительным и, судя по всему, сосуд вместе с содержимым перекочевал в королевскую сокровищницу в Тауэре. Там он оставался вплоть до того момента, когда Ричард II случайно не наткнулся на нее при поисках одного утраченного медальона. Описание священного сосуда в этом случае несколько отличалось от того, которое восходило к ранней легенде. Это был лишь всего небольшой пузырек, вставленный между двумя крыльями золотого орла. Любопытна одна деталь: к самому сосуду была прикреплена небольшая цепь, позволявшая носить его, подобно реликвиям, на шее¹⁸.

Известно, что Ричард II обратился к архиепископу Кентерберийскому с просьбой совершить помазание, но тот отказался, сославшись на то, что только помазание, осуществленное в момент коронации, может обладать чудодейственной силой и остается неповторимым. При этом вера короля в чудодейственную силу содержимого флакона была настолько сильна, что он взял ее с собой в Ирландию, повесив на шее¹⁹. Возвратившись из похода, король не расстается с реликвией, но архиепископ Эранделл, ставший к этому времени одним из его злейших врагов, завладевает священным сосудом на том основании, что «на то не было божественной воли, чтобы он [Ричард II] был помазан этим маслом, и что оно на самом деле предназначалось другому». Священный сосуд оставался в ведении архиепископа «вплоть до коронации нового короля [Генриха IV], который первым из всех английских королей был помазан этой благоухающей жидкостью»²⁰.

К середине того же столетия св. сосуд Томаса Беккета обрел свое место в самой церемонии: ее стали хранить в Вестминстерском аббатстве и именно оттуда ее доставляли для коронации. Сосуд нес епископ в парадных одеждах, перед которым представители капитула несли крест и свечи, и именно таким образом отряженная процессия доставляла святыню к алтарю в соборе св. Петра. Как только процессия достигала короля, сидевшего в кресле напротив сооруженного по случаю подиума, он вставал и приветствовал доставленную часть коронационных инсигний.

В 1440-х годах элементы и порядок доставки св. флакона в церковь св. Петра были зафиксированы в новом регламенте, известном как *Liber Regie Capelle*²¹, отражавшем также ту часть церемонии, которая была связана с приготовлениями в королевской часовне. Уже тогда очевидно сосуд заново обрел прежнее оформление и был помещен в специальное отверстие между крыльями фигурки золотого орла. Ричард III окончательно закрепил право на хранение флакона за Вестминстерским аббатством, и после его смерти сосуд окончательно вошел в состав королевских регалий²².

Церемония преподнесения монарху меча, как уже отмечалось, символизировала вручение ему власти над королевством. Среди всех мечей, используемых в церемонии, первенствующее положение занимал меч, известный как *Curtana*: под таким названием он впервые официально упоминается в 1377 году и затем опять фигурирует в 1399 году как «главный меч королей Англии»²³.

Очевидно источник подобных представлений о символической функции *Curtana* следует искать в церемониальных обращениях к англосаксонским королям, характерных для Второго коронационного чина, в которых при вручении меча обычно подчеркивалось, что его использование возможно только в интересах церкви и для того, чтобы с ее согласия вершить правосудие над мирянами²⁴. Отношение к *Curtana* как мечу правосудия уточняется в литургическом сценарии коронации Генриха IV, где в соответствующих рубриках, относящихся к церемонии вручения меча, акцентируется обломан-

ный клинок как символ христианского правосудия²⁵. Именно там впервые встречается ассоциация *Curtana* с мечом Тристана.

Корни этой ассоциации, очевидно, восходят к началу XIII века²⁶. Именно тогда в легенду о Тристане и Изольде включается сюжет с поединком знаменитого героя и Морхольта — шурина короля Ирландии, требовавшего, как известно, выплаты дани с корнуоллского правителя Марка, при дворе которого Тристан добивается почета и уважения. Выступив защитником своего покровителя, Тристан убивает Морхольта, но при этом обламывает клинок, острие которого остается в кровотокающей ране противника²⁷.

Начиная с конца XIV века *Curtana* как меч королевства начинает регулярно фигурировать на всех процессиях сразу же за тремя мечами (Ланкастерским, мечами терпимости)²⁸. При этом и у Аска, и у Фруассара *Curtana*, покрытая белой материей, перетянутая золотыми лентами фигурирует в процессии между короной, скипетром и державой, с одной стороны, и тремя другими мечами, с другой. То, что меч был скрыт в ткани, символизировало, вероятно, что шедший вслед за ним кандидат на царство еще не стал в собственном смысле королем. Во время самой церемонии коронации меч, очевидно, доставали из материи, поскольку вручали королю уже непокрытым²⁹.

Вплоть до начала правления Тюдоров местом хранения королевских регалий оставалась усыпальница Эдуарда Исповедника. В конце XV — начале XVI века происходят значительные изменения, связанные с попыткой канонизации Генриха VI³⁰. Несмотря на провал этого проекта из-за сложностей в отношениях между Англией и папской курией — Генрих VII не оставил намерения увековечить память знаменитого предка: в Вестминстерском аббатстве начались работы по строительству часовни-усыпальницы Генриха VI, куда его останки в скором времени и были доставлены из Виндзора. Уже к 20-м годам XVI века часовня Генриха VI постепенно превращается в династическую усыпальницу Тюдоров. Подобно тому, как их предшественники собирались вокруг усыпальницы Эдуарда

Исповедника, Тюдоры объединялись, почитая останки Генриха VI. Именно с того времени королевские регалии начинают хранить раздельно. Усыпальница Эдуарда Исповедника остается по-прежнему местом, предназначенным для большей части инсигний. При этом одна из основных регалий — корона Эдуарда Исповедника переносится в построенную часовню Генриха VI. Мистическая связь инсигний с прошлым английского трона как бы раздваивается: основная линия преемственности сохраняется, но акцент на личности государя «двойной» англо-французской монархии Генриха VI выдает, очевидно, имперские амбиции Тюдоров.

Любопытно, что при Генрихе VIII корону Эдуарда Исповедника чаще начинают извлекать из хранилища с тем, чтобы демонстрировать преемственность династий. Число торжественных выносов регалии растет, и Тюдоры уже надевают корону не только на Рождество, Пасху и Троицу, но и на Богоявление, день всех Святых и праздники, связанные с именем Эдуарда Исповедника³¹. Тогда же зарождается практика извлечения «женской» короны из усыпальницы святого на каждую годовщину коронации королевы-консорты³². К указанным обстоятельствам следует добавить усиление внимания к другим королевским регалиям, хранившимся теперь также в Вестминстерском аббатстве, и попытку придать им новое, мистическое, значение. Это относится, прежде всего, к державе и так называемой «имперской короне» Тюдоров.

Известно, что держава в Англии воспринималась исключительно как имперский атрибут. Использовали ее впервые при коронации императора Генриха II в 1014 году. Ее форма полностью соответствовала изображению на Большой печати Эдуарда Исповедника 1053–1065 годов. При королях Нормандской династии она была соединена с англосаксонским жезлом или скипетром, образовав тем самым весьма причудливую форму атрибута (шар, от которого начинался украшенный лиственным орнаментом ствол, заканчивавшийся крестом)³³, далекую от изначального облика державы. Судя по всему, при Ричарде II практика использования «англосаксон-

ской» державы для инвеституры короля была нарушена, поскольку в сохранившихся описаниях упоминается предмет обычной округлой формы³⁴. Пример оказался настолько заразительным, что уже Ланкастеры отказываются от нормандских новаций и возвращаются к традиционной имперской державе, по крайней мере, в официальных церемониях и процессиях. Известно, что изображение державы в виде шара появляется впервые на Большой печати Эдуарда IV (1461 год), а при Ричарде III ее, очевидно, уже проносят в процессии к собору св. Петра³⁵. Сложно судить о том, как аналогичная практика развивалась при Тюдорах. Очевидно, предшественники Стюартов могли использовать имперскую державу как часть своих персональных регалий, но свидетельств, проливающих свет на форму этой инсигнии, применявшейся в обряде коронационной инвеституры, не сохранилось³⁶.

Усилия по поднятию престижа английской монархии сказались также на изменении формы используемой после коронации короны, теперь напоминавшей имперскую. Считается, что впервые «имперская корона» была использована Ричардом II³⁷, женатым, как известно, на Анне Богемской — дочери императора Карла IV³⁸. Фруассар, описавший коронацию Генриха IV, обращает внимание на имперскую по форме корону, которую уже со всей очевидностью носил Генрих V — его преемник³⁹.

Наиболее раннее изображение английской «имперской короны» можно найти на барельефе придела Генриха IV в Вестминстерском аббатстве, сооруженного в 1432–1452 годах, где король изображен дважды: в первом случае его коронуют короной Эдуарда Исповедника, во втором уже интронизированный монарх изображен в «имперской короне» с высокими дугами⁴⁰. В серии рисунков, известных как «Представление, данное Ричардом Бошаном, графом Уориком» (1485–1490) оба Генриха и соответственно их супруги-француженки также изображены в так называемых закрытых коронах. При Генрихе VI изображения монарха в «имперской короне» становятся регулярными, а в 1462 году «имперская коро-

на» впервые появляется на Большой печати Эдуарда IV. Практика использования закрытой «имперской короны» на какое-то время прерывается при Генрихе VII, но и он, а тем более его преемники продолжают чеканить ее изображение на монетах⁴¹, обращенных, естественно, к самой широкой аудитории.

Здесь я поставил бы точку, позволив себе ряд замечаний общего свойства. История Четвертого коронационного чина и связанных с ним регалий, пожалуй, наводит на мысль о том, что имперские претензии английского королевского дома формировались значительно ранее, чем это принято считать. Естественно, что символично-смысловая сторона английских инсталляционных регалий имела, помимо имперских, и другие, более общего свойства, функциональные назначения, но пришедшие к власти Тюдоры и затем первые Стюарты имели к тому моменту весьма разработанную символическую картину, в смысловое поле которой теперь уже с легкостью вписывались как тудоровский, так и стюартовский варианты «великобританской» специфики. Церемония коронации и сама семантика конституирующих регалий с легкостью позволяли и тот и другой вариант уже собственно имперского прочтения⁴².

1. Классической в этом плане остается работа Малколма Смутса: *Smuts M. Court Culture and the Origins of a Royalist Tradition in Early Stuart England. Philadelphia, 1987.*
2. Наиболее ранняя версия Четвертого коронационного чина, вероятно, была составлена для коронации Эдуарда II. Его первая редакция содержала лишь короткие без пояснений рубрики, которые были заменены пространными только при Ричарде II, после чего текст чина приобрел окончательный вид, оставшийся неизменным вплоть до конца XVII века. В таком расширенном виде текст чина, по всей видимости, предназначался для самого короля с тем, чтобы он мог следить

- за последовательностью церемоний и понимать смысл совершаемых над ним действий. Именно такую пространную версию чина и принято называть *Liber Regalis*. Полный текст чина опубликован: Legg W. English Coronation Records. London, 1901. P. 81-112 (латинский оригинал); P. 112-130 (английский перевод).
3. Я предпочитаю использовать этот не очень удачный термин, поскольку при всей исключительной значимости собора св. Петра Вестминстерского аббатства, инсталляционные процедуры не ограничивались его пределами и включали еще и пространство Вестминстерского дворца.
 4. Ван Геннен А. Обряды перехода. М., 1999.
 5. Текст Второго чина опубликован: Legg W. English Coronation Records. P. 14-29. Из посвященных ему работ заслуживают внимания, прежде всего: Robinson A. Coronation Order in the Tenth Century // Journal of Theological Studies. 1918. Vol. 19. P. 56-72; Ward P. An Early Version of the Anglo-Saxon Coronation Ceremony // English Historical Review. 1942. Vol. 17. P. 345-361.
 6. Текст чина опубликован: Legg W. English Coronation Records. P. 30-42; См. также: The Pontifical of Magdalen College with an Appendix of Extracts from other English MSS of the Twelfth Century / ed. by H. Wilson // Henry Bradshaw Society Publications. 1910. Vol. 39. P. 89-97.
 7. Существует определенная сложность с идентификацией функций церемониальных носков, поскольку в регламенте четко указано, что король, следуя в процессии от дворца к собору, идет босиком, при этом в сохранившихся описаниях на его ноги надеты носки (*Thomas Walsingham. Historia Anglicana* / ed. by H. Riley. London, 1876. Vol. 1. P. 322, 327; *The Anonimale Chronicle, 1333 to 1381* / ed. by V. Galbraith. Manchester, 1927. P. 108, 114).
 8. Очевидно, это один из парадоксов, смысла которого, несмотря на многочисленные повторения в описаниях церемоний, не удастся понять.
 9. Около 1387–1389 года Ричард II обратился к монаху Вестминстерского аббатства Уолтеру Садбери с просьбой ответить на волновавший его в те годы вопрос: «являются ли его [Ричарда] регалии регалиями короля Альфреда и берут ли они свое начало от времени его правления». Монах написал трактат «*De Primis Regalibus Ornamentis Regni Angliae*», в котором, помимо прочего, указал на то, что Вестминстерское аббатство

как *sedes regia* было выбрано Эдуардом Исповедником в качестве места, где должны храниться королевские регалии. Последние он определяет как «инсигнии», т.е. «знаки» таинства коронации, «средства», при помощи которых государь обретает «королевское достоинство, которое среди всех богатств, удовольствий и почестей занимает главенствующее место в самом его высочайшем значении». По мнению Уолтера Садбери, исключительные привилегии аббатства являются знаком благодарности монархов за выполняемую его монахами функцию по хранению регалий в часовне св. Эдуарда (*Richardi Cirencestria Speculum Historiale de Gestis Regum Angliae* / ed. by J. Mayor. London, 1869. Vol. 2. P. 26-27).

10. Более подробно об этом: Блок М. Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и Англии. М., 1998.
11. *Ailred of Rievaulx. Vita Sancti Edwardi Regis et Confessoris* / ed. by R. Twysden // *Historiae Anglicanae Scriptores*. London, 1652. Col. 369-370.
12. Craufurd R. The Blessing of Cramp-rings, A Chapter in the History of the Treatment of Epilepsy // *Studies in the History and Method of Science* / ed. by C. Singer. Oxford, 1917. P. 165-187.
13. College of Arms. MS. I.7. fol. 27.
14. Описание самой легенды: *Ailred of Rievaulx. Vita Sancti Edwardi Regis et Confessoris*. Col. 397-398.
15. *La Vie de S. Edoward le Confesseur par Osbert de Clare* / ed. par M. Bloch // *Annalecta Bolladiana*. Vol. 41. Bruxelles; Paris, 1923. P. 5-131. См. также: *Letters of Osbert of Clare, Prior of Westminster* / ed. by E. Williamson. London, 1929. P. 124-128.
16. Описание легенды можно найти: *Thomas Walshingham. Historia Anglicana*. Vol. 2. P. 239-240. О священном сосуде Беккета см.: Legg W. English Coronation Records. P. 169-176; Ullmann W. Thomas Becket's Miraculous Oil // *Journal of Theological Studies*. New series. 1957. Vol. 8(1). P. 129-133; McKenna J. The Coronation Oil of the Yorkist Kings // *English Historical Review*. 1967. Vol. 82. P. 102-104; Sandquist T. The Holy Oil of St. Thomas of Canterbury // *Essays in Medieval History Presented to Bertie Wilkinson* / ed. by T. Sandquist et al. Toronto, 1969. P. 330-344.
17. Наиболее ранняя версия легенды предсказывала возвращение Нормандии и Аквитании (Гиени), и уже в XV веке ее влияние сказалось на появлении в коронационной процессии двух рыцарей, одетых таким образом,

что в их одеждах каждый узнавал геральдические цвета этих двух, в свое время утерянных, частей некогда объединенного королевства.

18. *Eulogium Historiarum* / ed. by F. Heydon. London, 1863. Vol. 3. P. 379-380, 381.
19. Более чем кто-либо из его предшественников, Ричард II обращает внимание на создание нового мистического ореола монархии-династии, который просматривается не только в языке, но и церемониях, а также символических артефактах, обозначающих природу его правления. Подобно Генриху III, он поддерживал культ Эдуарда Исповедника, используя для этого возможности Вестминстерского аббатства. Вестминстерская хроника сообщает: «Согласно обычаю, непосредственно после завершения коронации королю надлежало удалиться в ризницу с тем, чтобы снять с себя регалии и облачиться в другие одежды, к тому моменту уже приготовленные его камергерами с тем, чтобы потом возвратиться кратчайшим путем в его дворец, но во время коронации ныне здравствующего короля было сделано противоположное, причем с прискорбными последствиями: в тот самый момент, когда коронация закончилась, один рыцарь по имени сэра Саймон Берли заключил короля в объятия и поднял над собой в том, в чем тот был одет, во всех его регалиях и таким образом понес его во дворец через толпу, давившую на него со всех сторон, так, что по пути во дворец король обронил одну из сандалий, хотя произошло это по его незнанию». Описанная ситуация имела продолжение: в марте 1390 года король отправил в аббатство пару красных бархатных туфель, украшенных перламутровыми геральдическими лилиями, которые предварительно освятил Урбан VI (1377–1389) с тем, чтобы они хранились наряду с другими королевскими регалиями (*The Westminster Chronicle* / ed. by L. Hector. Oxford, 1982. P. 415-416).
20. *Eulogium Historiarum*. P. 381.
21. *Liber Regie Capelle: A Manuscript in the Bibliotheca publica, Evora* / ed. by W. Ullmann. London, 1959. (Henry Bradshaw Society Publications; Vol. 92).
22. В 1450 году Ричард Спорли составляет первое известное к тому времени описание «древностей» Вестминстерского аббатства, среди которых фигурируют королевские регалии. В его описании в частности говорится: «Святой Эдуард, король и исповедник, для того, чтобы помнили потомки и для того, чтобы укрепить авторитет монаршей коронации, повелел, чтобы королевские инсигнии, в которых коронуют английских королей,

были переданы на хранение в эту церковь, а именно, туника, супертуника, браслеты, пара сандалий и перчаток, золотой скипетр, один деревянный и один железный; также прекрасная золотая корона, золотой гребень и ложка; также для коронации королевы корона и два скипетра; также для святого причастия нашего господина-короля в день его коронации — одна чаша-потир из оникса на ножке, патена из великолепного золота; все здесь перечисленное является драгоценными реликвиями». Св. сосуда в описании регалий Эдуарда Исповедника отсутствует, что говорит о его позднем включении в состав инсталляционных инсигний (*Legg W. English Coronation Records. P. 191-192*).

23. Согласно сохранившимся описаниям, Эдуард II и Ричард II использовали в своих коронациях меч под таким названием.
24. Cambridge University. Corpus Christi College Library MS. 146. См. также: *Muskell W. Ancient Liturgy of Church of England, according to the Uses of Sarum, Bangor, York and Hereford, and the Modern Roman Liturgy. London, 1844. P. 78-89.*
25. Адам Уск, присутствовавший на коронации Генриха IV в качестве протеже архиепископа Эрнделла, оставил описание, согласно которому меч, известный как *Curtana*, нес непосредственно перед самим королем принц Уэльский. Уск уточнял: «его несли обнаженным с обломанным клинком в знак того, что справедливость будет вершиться без всякого насилия». *Adam of Usk. Chronicon, A.D. 1377-1421 / ed. by M. Thompson. London, 1904. P. 34.*
26. Эта связь детально анализируется в работах: *Loomis R. S. Vestiges of Tristram in London // Burlington Magazine. 1922. No. 41 (July — December). P. 54-64; Idem. Tristram the House of Anjou // Modern Language Review. 1922. Vol. 17. P. 24-30.*
27. Несмотря на то, что так называемый меч Тристана фигурировал в коллекции военных раритетов короля Иоанна Безземельного, его существование продолжает вызывать сомнения среди специалистов. На самом деле, ассоциация с мечом Тристана была хотя и популярной, но не единственной. Согласно другой версии, меч с обломанным острием принадлежал Огиру Датчанину — одному из двенадцати ближайших сподвижников Карла Великого. Судить о том, какая из версий была предпочтительной, сложно, поскольку каждая из возникающих параллелей могла оказаться желательной при истолковании символики меча. Обе параллели указывали на светский характер исходной версии,

при этом церковью была воспринята и соответствующим образом истолкована только ассоциация с мечом Тристана.

28. Rymer T. Foedera. London, 1704-1732. Vol. 8. P. 90-91.
29. *Adam of Usk. Chronicon...* P. 33-35; *Froissart J. The Chronicles of Froissart / trans. by J. Bouchier. London, 1901-1903. Vol. 3. P. 358.*
30. О почитании Генриха VI см.: *Anglo S. Spectacle, Pageantry and Early Tudor Policy. Oxford, 1969. P. 37-43; Idem. Images of Tudor Kingship. London, 1992. P. 61-73.*
31. Усиленная презентация инсигний совпадает по времени с изменением практики обращения к венценосной особе. Именно при Генрихе VIII в оборот входят обращения «высочество» и «величество», прежде употреблявшиеся исключительно применительно к Богу. Слово «государь» также сравнительно редко использовалось до этого времени; в конце XIV века его использовали тогда, когда хотели подчеркнуть особую роль монарха как верховного законодателя, а конструкция «Ваше величество» применялась в том случае, когда подчеркивался сакральный характер королевской власти.
32. *Liber Regie Capelle...* P. 18.
33. Описание державы такой особой формы есть в рукописи, принадлежавшей в свое время Джулианне де Лейборн, графине Хантингтон и содержащей выдержки из Третьего коронационного чина с пространными интерполяциями: Cambridge University. Corpus Christi College Library MS. 20.
34. Причина замены державы (скипетра) Эдуарда Исповедника была банальной: ей требовался серьезный ремонт, и она оказалась непригодной для церемонии инвеституры (*Saul N. Richard II's Ideas of Kingship // The Regal Image of Richard II in the Wylton Diptych / ed. by D. Gordon et al. London, 1992. P. 27-32).*
35. В описании процессии фигурирует шарообразная держава, которая, по мнению очевидца, символизирует монархию (*The Coronation of Richard III: The Extant Documents / ed. by A. Sutton et al. Gloucester, 1983. P. 240-241).*
36. В отношении Генриха VII это подтверждают: *Legg W. English Coronation Records. P. 198-218; Materials for a History of the Reign of Henry VII / ed. by W. Campbell. London, 1873-1877. Vol. 1. P. 97. В отношении Генриха VIII: College of Arms. MS. I.7. fol. 21-28; Letters and Papers, For-*

- eign and Domestic of the Reign of Henry VIII. London, 1920. Vol. 1. P. 37-43. В отношении Эдуарда VI: College of Arms. MS. I. 7. Fols. 28-44v; MS. I.8. Fols. 68-97v; *Wriothesley Ch.* A Chronicle of England During the Reigns of the Tudors. London, 1875-1877. Vol. 1. P. 182-183; *Ratcliff E.* The English Coronation Service. London, 1936. P. 111-115. В отношении Марии: College of Arms MS. I.7. Fols. 65-77; MS I.18. Fols. 112-135. *Planche J.* Regal Records or, A Chronicle of the Coronations of the Queens Regnant of England. London, 1838. P. 1-32. В отношении Елизаветы: College of Arms MS. WY. Fol.198; Bodleian Library. Ashmole MS. 863; British Library. Egerton MS 3320. Fols. 12v – 22.
37. На самом деле упоминание об имперской по форме короне можно найти при описании инцидента с Пирсом Гавестоном в день коронации Эдуарда II (1308): *Chronicles of the Reigns of Edward I and Edward II* / ed. by W. Stubbs. London, 1882. Vol. 1. P. 253-254. О еще более ранних ассоциациях см.: *Holmes M.* New Light on St. Edward's Crown // *Archaeologia*. 1959. Vol. 97. P. 213-223.
38. *Munimenta Gildhalae Londoniensis* / ed. by H. Riley. London, 1860. P. 456-487.
39. *The Chronicles of Froissart*. Vol. 6. P. 379-383.
40. Об этом подробнее: *Holmes M.* The Crowns of England // *Archaeologia*. 1937. Vol. 86. P. 73-90.
41. Более подробно об этом: *Grierson P.* The Origins of the English Sovereign and the Symbolism of Crowns // *British Numismatic Journal*. 1964. Vol. 33. P. 118-134; *Hoak D.* The Iconography of the Crown Imperial // *Tudor Political Culture* / ed. by D. Hoak. Cambridge, 1995. P. 54-103; *Муха М. В.* Монетные реформы Англии в эпоху Тюдоров. 1485–1603. СПб., 2002. С. 140-143.
42. О различиях в понимании «имперского» у Тюдоров и Стюартов: *Russell C.* James VI and I and the Rule over two Kingdoms: an English View // *Historical Research*. 2003. Vol. 76. No. 192. P. 151-163; *Canny N.* Making Ireland British. 1580–1650. Oxford, 2001. P. 1-59; 121-134.

«И УВИДЕЛА ЦАРИЦА САВСКАЯ ВСЮ МУДРОСТЬ СОЛОМОНА И ДОМ, КОТОРЫЙ ОН ПОСТРОИЛ»: АННА ДАТСКАЯ И ФИНАЛЬНЫЙ ЭПИЗОД ШОТЛАНДСКИХ КОРОЛЕВСКИХ СВАДЕБ

Сложившаяся под влиянием Э. Канторовича традиция в изучении официальных королевских церемоний и процессий породила немало блестящих исследований, ограниченных, тем не менее, континентальной тематикой¹. За исключением проблематики, затронутой самим метром церемониальной истории, Британские острова остались вне поля зрения историков. Лишь благодаря усилиям представителей так называемого оксфордского литургического движения², а также Э. Шрамма³ и его последователей историки имеют вполне определенные основания судить о специфике английских коронаций, — несомненно, важных, но далеко не единственных среди мероприятий, определявших структуру английского и более широко — британского королевского церемониала.

Королевские свадьбы составляли важнейшую часть официальных церемоний английской/британской монархии, но при этом ни одна из них, ограниченная рамками средневековой истории, так и не ста-

* Оригинальная публикация: Федоров С. Е. «И увидела царица Савская всю мудрость Соломона и дом, который он построил»: Анна Датская и финальный эпизод шотландских королевских свадеб // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2004. №7. С. 40-65.

ла предметом специального рассмотрения. Историки, пытавшиеся разыскать официальные регламенты, сталкиваясь с отсутствием даже их подобия для свадебных торжеств, весьма осторожно относились к свидетельствам хроникального характера, отмечая, как правило, их условную достоверность. Сообщения подобного рода, хотя и, возможно, имели некий общий для всех официальный источник, существенно отличались в изложении принципиальных моментов свадебной церемонии; выявление единого «сценария» было крайне затруднено. Не спасало даже всем известное обстоятельство, что в большинстве случаев свадебные торжества заканчивались коронацией королевы-супруги и ее торжественным въездом в столицу, поскольку обе церемонии представляли собой сокращенный или весьма сжатый вариант «мужского» порядка⁴.

В этом смысле последняя свадьба шотландских Стюартов представляет почти уникальное явление. Помимо официального регламента, составленного королевским герольдом Д. Бэлфуром, сохранились его собственные записи и собранные по случаю документы, конкретизирующие обе части процессии, протекавшей как в датской столице, так и в Эдинбурге⁵, а также официальный отчет и дневник датских послов, аккредитованных при шотландском дворе по случаю свадебных торжеств⁶.

В настоящей статье я попытаюсь восстановить финал свадебных торжеств по случаю бракосочетания Анны Датской и Якова VI Шотландского, состоявшийся в Лейте и Эдинбурге в период с 1 по 18 мая 1590 года, знаменовавший собой не только легитимацию датско-норвежской части церемонии, но и приобщение юной королевы к основным ценностям шотландской монархии.

Царица Савская и Соломон

Вечером 18 мая 1590 года торжества по случаю бракосочетания Якова VI и Анны Датской близились к концу. Церемония торжественного въезда королевы в Эдинбург скорее всего удалась, и Анна,

подобно царице Савской увидела «всю мудрость Соломона и дом, который он построил». Оставалось теперь только узреть самого царя...

На протяжении всего дня Яков держался в стороне от его величественной супруги, которая с завидным терпением и нескрываемым восхищением знакомилась с жителями шотландской столицы. После последнего представления, разыгранного на соборной площади у знаменитой Сент-Джайлз, она в сопровождении кортежа отправилась в Ист-порт, где состоялась встреча с супругом и финальное действие.

Речь шла о небольшой пьесе, разыгранной на площади, где главным действующим лицом были Соломон и царица Савская, как известно, излюбленные персонажи Якова. Декорации, реплики и монологи актеров — все с удивительной точностью подсказывали параллель с библейской историей; сюжет угадывался почти безошибочно; театральная аллегория не вызвала сомнений.

Пьеса, разыгранная для Якова и Анны, была, должно быть, самой ранней попыткой использовать ставший позднее центральным для династической символики яковитской Англии библейский прототип. Судя по всему, рассчитанная на аудиторию, ограниченную ближайшим окружением короля, а также присутствие иностранных гостей, она впервые подчеркивала желание тогда еще молодого короля следовать всем известной «мудрости» Соломона и, согласно ее принципам, осуществлять то, что можно было тогда назвать «династическим строительством»⁷.

Анна, прошедшая круг городских представлений, должна была утвердиться в том, в чем собственно убедился ее библейский прототип. Небольшие тексты-напоминания, выданные присутствовавшим на представлении еще раз воскрешали в их памяти рассказ о впечатлениях царицы Савской от визита к Соломону и, как следствие, раскрывали смысл всего «эдинбургского сценария» (3 Царств.10: 4-9).

«И увидела царица Савская всю мудрость Соломона и дом,
который он построил,

И пищу за столом его, и жилище рабов его, и одежду их,
и виночерпиев его, и всесожжения его, которые он приносил
в храме Господнем. И не могла она более удержаться,
И сказала царю: верно то, что я слышала в земле своей
о делах твоих и о мудрости твоей;

Но я не верила словам, доколе не пришла, и не увидели глаза мои: и вот,
мне и в половину не сказано. Мудрости и богатства
у тебя больше, нежели как я слышала.

Блаженны люди твои и блаженны сии слуги твои,
которые всегда предстоят пред тобою и слышат мудрость твою!
Да будет благословен Господь, Бог твой, который благоволил
посадить тебя на престол Израилев! Господь, по вечной любви Своей
к Израилю, поставил тебя царем, творить суд и правду»⁸.

Актеры, старательно произносившие усиленные шотландскими параллелями тексты, не раз возвращая Анну к событиям затнувшегося до позднего вечера спектакля, как бы подводили юную королеву к финалу. Последний монолог Соломона был вольным переложением знаменитого отрывка (3 Царств.10:13) «И царь Соломон дал царице Савской все, чего она желала и чего просила...».

«О, величественная царица, могу ли я ответить
в равной мере на дар, что ты вручила мне?

Могу ли я просить тебя остаться здесь
и разделить со мною всю красоту блаженства?

Я дар тебе принес ответный в надежде, что ты его возьмешь,
моим молитвам внемля.

Возьми его и раздели со мною жизнь и вечность».

И Яков дал Анне все, что она желала и чего просила. Возможно, так, следует прокомментировать последний жест, что сделал для своей молодой жены шотландский король. Сошедший со сцены актер,

игравший Соломона, держал в руках великолепной работы золотое кольцо и полную чашу других не менее искусных украшений, принадлежавших, как выяснилось потом, Марии Шотландской. Подойдя к королю, он встал рядом с ним, и они оба, должно быть, разделив драгоценности между собой, вручили их Анне. Обмен дарами между царицей Савской и Соломоном состоялся. Скрепленному библейской символикой союзу предстоял немалый путь⁹.

Встреча королевской четы в Лейте: «сход с королевского трапа»

«Сход с королевского трапа» составлял начальную фазу той части свадебной церемонии, которая разворачивалась в самой Шотландии. Достаточно сложно судить о реальных источниках этого обычая, поскольку в сохранившемся регламенте отсутствуют какие-либо указания на его происхождение¹⁰. Очевидно, эта часть церемонии была впервые разработана при Якове III специально для Маргрет Датской, которая, как известно, прибыла в Шотландию и также как и Анна приняла первые приветствия в Лейте. Обычай был достаточно прост по организации. Должно быть, его «сценарий» за исключением самой процедуры спуска и схода с королевского трапа подразумевал сжатый вариант церемонии королевских въездов в провинциальные города. Иерархия различного рода депутатов, официальный проход по центральной улице города, приветствие горожан, праздничная церковная служба и прочие, менее значительные мероприятия — все это напоминало логику подобного рода презентаций власти.

Сличение регламента и текста официального отчета датских послов дает достаточно любопытные результаты, позволяющие установить наличие определенных акцентов, различавших отношение обеих сторон к статусу этой процедуры. Формулы упоминания Анны Датской в регламенте свидетельствуют о том, что шотландская сторона воспринимала ее только как будущую королеву и именовала

ла как «Ее Высочество», очевидно, желая подчеркнуть, что, будучи некоронованной, Анна продолжала оставаться для них принцессой. Напротив, для послов покинувшая приделы Дании, обвенчанная с Яковом VI, Анна была как бы «отрезана» от прежней среды, где она была принцессой и, без сомнения, была уже королевой другого государства. Так или иначе, но присутствие двух точек зрения, очевидно, подсказывает, что свадебные церемонии и в особенности та их часть, которая постепенно трансформировала статус брачующихся, могла восприниматься под различными углами зрения и по-разному интерпретироваться.

Итак, Яков VI и Анна Датская отбыли из Хелсингера 21 апреля и прибыли в Шотландию, причалив в бухте Лейта, 1 мая 1590 года. По сообщению датских послов около полудня того же дня Уильям Стюарт, возглавлявший группу лэрдов, специально посланных Тайным советом для сопровождения молодоженов из Хельсингера в Лейт, следуя регламенту, попросил аудиенции у короля, дабы «сообщить ему о благополучном прибытии». В то время, как делегация выражала «радость» по поводу завершения десятидневного плавания, два¹¹ из семи кораблей, составлявших королевский эскорт, «дали датский сигнал» и «под пушечные залпы на флагштоке появился адмиральский вымпел»¹².

Продолжительность аудиенции, а также то, что происходило после нее, остается неизвестным. Бэлфур, очевидно, рассматривавший эту часть церемонии как выходящую за рамки протокола, опускает все возможные детали. Датские послы¹³, должно быть, находившиеся на другом (шотландском) корабле, также умалчивают о происходившем. Так или иначе, но следующей отмеченной и в регламенте, и в отчете послов частью церемонии был «спуск королевского трапа».

В пять часов¹⁴ после полудня трап был спущен на берег. Яков и Анна под залпы корабельных пушек сошли на берег, где их уже ожидали знать и собранные специально для церемонии приветствия горожане¹⁵. После выполнения всех необходимых формальностей, должно быть, отнявших у молодоженов определенное время, про-

цессия двинулась по центральной улице в направлении дома, который был специально подготовлен для приема венценосных особ и, где Яков и Анна должны были остановиться для ночлега. Улица, по которой шла процессия, была празднично украшена: на стенах домов были цветы и изображения королевских символов Дании и Шотландии; мостовая была покрыта коврами¹⁶.

Достаточно сложно судить, какой из домов в Лейте был выбран для ночлега. Судя по тому, что официальную речь-приветствие от «народа Шотландии» зачитывал член Тайного совета Джеймс Элфистоун¹⁷, это могла быть одна из двух принадлежавших ему городских резиденций. После прослушанного приветствия королевская чета направилась в располагавшуюся неподалеку церковь, в которой была прочитана проповедь по случаю благополучного исхода, после чего Анну сопровождали в отведенные для нее покои. На этом регламент встречи королевской четы в Лейте обрывается.

Любопытно, но ни регламент, ни официальный отчет послов не содержат указаний на то, что происходило в момент движения процессии к самой церкви¹⁸, кто выступал в качестве проповедника¹⁹, и на каком языке была произнесена сама проповедь²⁰. Не менее существенным является и тот факт, что официальные шотландские документы умалчивают происходившее с вечера 1 до утра 17 мая, т.е. до того самого дня, когда состоялась коронация Анны Датской.

Очевидно, эта часть событий не была официальной с точки зрения господствовавших представлений, хотя происходившее и могло включать как протокольные, так и полуофициальные церемонии, не представлявшие, однако, интереса для тех, кто разрабатывал финальную часть свадебной церемонии. Единственным источником, позволяющим в той или иной степени судить о имевших место событиях, является официальный отчет датских послов.

Между «сходом с королевского трапа» и коронацией

3 мая датские послы отрядили Николаса Теофилиуса²¹ для официальной встречи с шотландским канцлером Джоном Мейтлендом из Тирлстайна. Объясняя причину, по которой они решились успокоить первое лицо в королевстве, Теофилиус сообщает небезынтересные с точки зрения официального «протокола» детали. Оказывается, что поводом для беспокойства была неопределенность относительно дня коронации, который, как им представлялось, был еще не назначен. Согласно официальному отчету, послы пытались «надавить» на канцлера с тем, чтобы ускорить не только предстоящую коронацию, но и их отплытие назад в Данию. Складывается впечатление, что последнее обстоятельство более всего беспокоило датских посланников, а приближение дня коронации было всего лишь поводом для его реализации.

Тирлстайн был непреклонен. Сообщив, что коронация уже назначена на 17 мая, он недвусмысленно добавил, что «возможности подвинуть сроки» и провести ее ранее намеченного срока «не представляется возможным», поскольку подобное может исключить участие всех «сословий» на «столь важной для страны церемонии». «В остальном же, он готов проявить всяческое содействие и сделать пребывание послов и прочих почетных гостей максимально полезным и приятным для них времяпрепровождением».

Реакция послов была весьма симптоматичной. Направив Тирлстайну второе официальное послание, они выразили определенное недовольство тем, что «коль день коронации еще не близок» и, «что такое положение остается для них крайне неожиданным», то «они хотели бы использовать оставшиеся две недели с максимальной для них пользой». Послы сообщали канцлеру, что «наиболее желательной для них формой времяпрепровождения» могла бы стать «инспекция» владений, предназначенных Анне Датской в качестве «утреннего дара» (*morgangeba*) и что «они могли бы от лица королевы принять и одобрить все ей причитавшееся по брачному соглашению».

Тирлстайн ответил согласием, добавив при этом, что долг требует от него заручиться согласием короля. В тот же день датские послы были приглашены на аудиенцию к Якову и, как свидетельствует их официальный отчет, «еда была отменного качества», но предложенный ими вариант «инспекции» остался нерешенным.

На следующий день послы повторно отправили послание канцлеру, намереваясь получить разъяснения. Тирлстайн, оставаясь верным своей всегда спокойной и любезной манере письма, сообщал им, что «ему удалось побеседовать с королем и убедить его в целесообразности такой инспекции», но замечал при этом, что «дела страны», очевидно, более важные, чем просьба датских послов, не дали ему возможности «распорядиться относительно того, чтобы полагающиеся Ее Высочеству замки, крепости и графства были готовы к приему столь высокопоставленных гостей». Более того, замечал он, «ответственные особы еще не получили и, следовательно, еще не заучили текста необходимой присяги». Должно быть, чувствуя определенную долю вины, канцлер как бы оправдывался, замечая, что «присяга, предложенная датчанами — обычай крайне непривычный для шотландцев: все с нею связанное требует разъяснения, а со стороны послов — очевидного понимания».

Отчасти по сложившейся традиции, отчасти, должно быть, в качестве известной компенсации 5 мая послы были приглашены для участия в королевской охоте: «ничего не было сделано, разве, что нам предложили поохотиться вместе с королем». 6 мая послам было объявлено, что король и королева отбыли в Эдинбург²². Только спустя два дня они получили письменные разъяснения, позволявшие им судить, что «все приготовления для предстоящей инспекции завершены».

Тем не менее, уже ранним утром 10 мая Петер Янг был приглашен для беседы с канцлером, в ходе которой шотландская сторона пыталась выяснить наличие у послов соответствующей «копии брачного договора или других документов, касающихся короля Якова III и королевы Маргрет», так как Тирлстайн полагал, что они «могли

бы облегчить любые последующие действия, связанные с утренним даром королевы Анны»²³. Таких «документов» у датских послов, естественно, не оказалось, и поэтому стороны договорились, что «инспекция» будет проходить «в соответствии с составленной описью», которая была вручена Теофилиусу вместе с «меморандумом» о предстоящих доходах королевы.

В свою очередь датчане вручили канцлеру официальную копию присяги, «с тем, чтобы он мог хранить ее в своих бумагах». В данном случае поступок послов был, должно быть, своеобразной реакцией на прежнее сетование Тирлстайна относительно «неординарного» обычая, а также сложностей, связанных с заучиванием текста на неизвестном шотландцам языке. Врученный текст содержал латинский перевод датской версии присяги, который послы заботливо приобщили к своему отчету²⁴.

В полдень того же дня Педер Манк — адмирал королевского флота «изучил» предоставленные шотландцами бумаги и сообщил оставшимся членам делегации, что «годовой доход Ее величества составляет 7000 датских талеров без учета того, что ей будут давать исключительные права на производство сыра, масла, копченой сельди, негашеной извести и тех других вещей, доход от которых не оговорен отдельно в меморандуме». Отдельное заявление адмирала касалось «Фолкленда, Линлитгоу и Данфермлина» — территорий, составлявших географию утреннего дара Анне Датской.

11 мая датчане отбыли из Эдинбурга в Лейт, «где в полдень состоялась встреча с сэром Робертом Мелвиллом из Мардокарни, королевским казначеем²⁵, проявившим высшую форму гостеприимства и радушия». Утром следующего дня послы были уже в Фолкленде, где «начинался домен королевы». Там их встретил в сопровождении шестидесяти всадников Джеймс Уитон из Крейча²⁶, назначенный управляющим, который сопровождал гостей «в специально отведенное место», где некто Джон Скин «в присутствии почетных гостей огласил составленный и скрепленный королевской печатью мандат, по которому сенешал Фолкленда признавал

права королевы на фьеф и замки всего шерифства Файф, включая все другие места в Фолкленде, и передавал их уполномоченным королевы²⁷; тот же сенешал по старинному шотландскому обычаю²⁸ положил перед адмиралом Манком камень и горсть земли, символизирующие передачу этих владений королеве». После этого датчане потребовали, чтобы Джон Хэй²⁹, королевский нотариус, оформил состоявшуюся передачу «надлежащим образом»³⁰. Таким же образом разворачивались события в Линтлингоу и Дамфермлине 13 и 14 мая соответственно.

14 мая Яков подписал специальную грамоту, подтверждающую законность осуществленных в пользу Анны отчуждений, «ратифицировав» тем самими «состав» утреннего дара³¹. На следующий день послы вернулись в Эдинбург и направили очередной запрос канцлеру, напоминая ему, что необходимые бумаги³² должны быть готовы к завершению всех торжеств с тем, чтобы у них не было «повода откладывать свое возвращение в Данию».

Коронация

Коронация состоялась 17 мая 1590 года³³. Ранним утром того же дня по сложившемуся обычаю король возвел в рыцари 15 представителей знати; при этом Джон Мейтленд из Тирлстайна был одновременно произведен в бароны, стал рыцарем-предводителем и был назначен главным джентльменом парламента³⁴.

Местом коронации была выбрана церковь Холи-Кросс, что в Холирудском аббатстве. В центральной части храма был воздвигнут специальный постамент, на котором были установлены два трона: первый, чуть больше — для короля, а второй, чуть меньше — для будущей королевы. Ниже, у постамента был поставлен еще один, менее величественный трон для Анны.

Коронационные регламенты обычно очень детально описывают порядок процессии,двигающейся от королевского дворца до места, где будет совершен сам обряд. Шотландский регламент крайне ла-

коничен в описании этой части церемонии. Из скупых замечаний, содержащихся в тексте Бэлфура, становится понятным, что шедшие от дворца, располагавшегося на сравнительно небольшом расстоянии от Холи-Кросс, были разделены на две группы. Одна группа заканчивалась королевской позицией, а вторая начиналась с позиции, занимаемой Анной. Между обеими группами располагались пять графов, которые поддерживали королевскую мантию Якова.

Любопытно, что послы, обозревавшие процессию, записали в своем отчете: «король, двигавшийся впереди процессии, первым вошел в храм». Думается, что запись подобного рода была неслучайна. Послы, находившиеся в составе второй группы, должно быть, располагали достаточным временем, чтобы понаблюдать за тем, как первая группа постепенно входит в церковь. При этом вторая, очевидно, стояла, ожидая своей очереди. В этом смысле король, а не королева, действительно, первым вошел в церковь. С этим, пожалуй, вряд ли кто мог поспорить. Тем не менее, учитывая весьма ограниченное для такой процессии расстояние между королевским дворцом и самой церковью, а также весьма скромные размеры последней, можно предположить, что с момента королевского входа в церковь и началом движения процессии, возглавляемой королевой, могло пройти какое-то время, требовавшееся, скажем, для расположения вошедших по обе стороны храма. Тогда запись послов может оказаться свидетельством отмеченной ими «дискриминации» или какого-либо другого недовольства увиденным³⁵.

Если отбросить эмоции датчан и вернуться к самому порядку, то его первую фигуру составляли два герольда³⁶; вторую образовывали те, кто назван в регламенте «слугами». Очевидно, они представляли собой подобие простолюдинов или бедняков, возможно, прочей городской «мелкоты», известным по английским регламентам того же рода. Третья фигура была составлена из трубачей. Далее следовала выстроенная из высших придворных чинов процессия (the kingis houshold), в которой ведущие позиции были отведены придворному чемберлену и шталмейстеру. За ними в порядке кре-

аций двигались по нарастающей рыцари (*certaine knychtis*) и наиболее знатные бароны (*barrounes of principal houses of Scotland*). Следующую фигуру образовывали представители городского магистрата Эдинбурга и основных (*princpal*) городов Шотландии, а за ними шли члены королевского совета, поделенные, очевидно, на две части (*counsellours and senatours*³⁷).

Королевские герольды в желтых одеждах³⁸, поверх которых красовались изображения красных львов, следовали за советниками, знаменуя собой начало собственно королевского порядка. На небольшом расстоянии от них шествовал король герольдов, а за ним — один подле другого — лорд Дингуолл (помощник церемониймейстера) и Александер Линдси (вице-чемберлен). На расстоянии вытянутой руки граф Энгас простирал в небо королевский меч, а двигавшийся за ним лорд Гамилтон нес скипетр. Замыкал эту фигуру герцог Леннокс — лорд высокий чемберлен, державший в своих руках корону. В десяти шагах от него облаченный в пурпур двигался сам король, парадную мантию которого поддерживали шедшие за ним пять графов.

Процессия, представлявшая Анну Датскую, открывалась трубачами, за которыми следовала приехавшая на церемонию датская знать, общий строй которой был по обеим сторонам «стянут» представителями шотландской знати³⁹. За этой «смешанной» фигурой следовали два герольда. Любопытно, но по регламенту за ними должен был идти король герольдов — фигура, как известно, уже упоминавшаяся в связи с первой частью процессии. Остается непонятным, означало ли это, что он, сопроводив короля в церковь, вернулся и занял подобающее ему место в процессии Анны Датской. Во всяком случае, никаких пояснений на этот счет в регламенте нет. Теоретически его присутствие было обязательным, поскольку занимавший за ним позицию канцлер (Джон Мейтленд) нес корону. Датчане в этом плане также ничего не проясняют, так как в их отчете фигура, образованная герольдами, обозначена как «два герольда и их должностное лицо». Поскольку послы постоянно ошибаются

в обозначении геральдических чинов, то полагать, что под «должностным лицом» они имели в виду «короля герольдов», преждевременно. Так или иначе, но эта часть процессии остается не до конца понятной.

Итак, за канцлером, державших в своих руках корону, шествовала облаченная в парадные одежды сама виновница торжества. Справа от нее, поддерживая ее руку, шагал сэр Роберт Боуз — английский посланник при шотландском дворе, а слева, касаясь ее руки — Педер Манк, адмирал датского королевского флота. В нескольких шагах, по обе стороны от посланника и адмирала двигались датские послы. На расстоянии вытянутой руки, но уже за Анной шли Анабелла Эрскайн, вдовствующая графиня Мар (справа) и жена английского посланника леди Кетрин Боуз (слева), а между ними в той же последовательности — Маргарет Стюарт, графиня Ботуэлл (супруга шотландского адмирала) и Джоан Стюарт, графиня Оркни. Все четыре графини поддерживали парадную мантию королевы. Чуть дальше двигались справа налево: Джин Флеминг (супруга шотландского канцлера), Маргарет Ливингстон (супруга графа Литлингоу), леди Очиноул (супруга барона Лорна) и леди Сетон (супруга Александра Сетона, барона Сетона). За женами шотландской знати шли вдовы: Катрина Шинкель и Анна Каас.

Когда процессия целиком вошла в церковь, королева заняла отведенное ей место на небольшом троне рядом с постаментом. Началась торжественная служба, в ходе которой после всеобщей молитвы Патрик Галлоуэй произнес проповедь на 45-й псалом⁴⁰. После этого герцог Леннокс (лорд высокий чемберлен), лорд Гамильтон, с одной стороны, и Роберт Брюс⁴¹ и Дэвид Линдси — с другой, встали и подошли к королю. После чего Брюс, повернувшись лицом к собравшимся, произнес небольшое приветствие⁴² и объявил, что согласно древнему обычаю, король намеревается провести церемонию коронации в церкви Холи-Кросс; при этом герцог Леннокс, сделав то же самое, заверил собравшихся, что все необходимое для этой церемонии готово.

Вслед за заявлением Леннокса с места встает графиня Мар и подходит к королеве с тем, чтобы приоткрыть ее правое плечо и руку для помазания. При этом, Роберт Брюс берет заранее приготовленную ампулу с елеем и помазывает обнаженные для этого грудь, плечо и руку королевы⁴³, а затем набрасывает на них покров из шелковой ткани⁴⁴. После чего присоединившийся к графине герцог Леннокс препровождают королеву за специально возведенную для этих целей ширму⁴⁵, где Анна должна была облачиться в специальные одежды, а затем вернуться на прежнее место.

После возвращения Анны герцог Леннокс и Роберт Брюс призывали собравшихся к тишине. При всеобщем молчании Яков просит принести ему корону. Подняв ее над собой, король затем приглашает к себе герцога Леннокса, лорда Гамильтона и Джона Мейтленда. Последний осторожно берет корону из рук короля и поддерживаемый с обеих сторон Ленноксом и Гамильтоном подходит к королеве. Затем он возлагает ее на голову Анне. После того, как корона была водружена, король просит принести ему скипетр. Роберт Брюс подносит его королю, тот берет его в свою правую руку, немного приподнимает, а затем возвращает его принесшему. Брюс подходит к королеве и произносит:

*«Мы, именем короля нашего и с согласия его сословий,
коронуем тебя и вручает тебе скипетр с тем,
чтобы ты стала государыней нашей, королевой и госпожой,
той, которой мы обязуемся служить и подчиняться в тех делах,
что будут умножать славу Господа нашего, благополучие церкви,
Его Величества, короля нашего Якова и тебя, Анны,
его величественной супруги; мы также нижайше просим тебя
присягнуть на преданность церкви нашей и вере,
которую мы с трепетом исповедуем»⁴⁶.*

Затем Брюс повторно обращается к Анне и спрашивает ее, нет ли у нее оснований, отказаться от такой присяги. Королева отвечает, что таких оснований у нее нет, после чего Дэвид Линдси открывает

перед нею текст присяги, который королева зачитывает перед собравшимися:

«Мы, Анна, милостью Господа королева Шотландии, перед судом Всевышнего и его ангелов, клянемся, что до тех пор, пока жизнь не покинет нас, мы будем любить и почитать Его в согласии с его Божественной волей, открытой нам в Священном писании; мы также будем приумножать и поддерживать веру в Него в согласии с учрежденным здесь порядком и церемониями, а также беспощадно бороться со всякими проявлениями папистских установлений и лжеучений, зная, что они искажают слово Божие даже тогда, когда им прикрываются; мы будем великодушны и справедливы, всегда с готовностью окажем содействие делам церкви в королевстве нашем; мы будем поддерживать мир и спокойствие среди подданных наших, ибо желаем, чтобы Господь наш и Отец не оставил бы нас без Его милости»⁴⁷.

Сразу же после произнесенной королевой присяги Брюс обращается к присутствующим с тем, чтобы они воззвали к Господу, дабы он дал королеве достаточно силы и разума и содействовал Анне во всем, в чем она только что поклялась. При этом присутствовавшие на церемонии герольды громко и с расстановкой оглашали гостей призывами: «Да, хранит Господь королеву!», те же вторили им троекратным согласием.

Затем в сопровождении Леннокса и Гамилтона королева поднимается и подходит к трону, стоящему рядом с королевским. Яков делает знак рукой, и Анна с короной на голове и скипетром в правой руке садится рядом с супругом. Эндрью Мелвилл⁴⁸, профессор теологии университета Сент-Эндрьюз обращается к ней с поздравлением, а затем Роберт Брюс, призвав к тишине, произносит последнюю проповедь, в которой благодарит Господа за то, что тот «дал Шотландии короля и господина, столь умудренного и величественного, и что послал ей госпожу и королеву, не менее высочайших достоинств и качеств»⁴⁹.

Заключительная часть церемонии связана с присягой подданных их новой королеве. Среди первых регламент указывает Леннокса, Гамильтона, Брюса, Линдси, затем следуют провосты Эдинбурга и Данди. Далее Дэвид Сетон из Парброта и Джон Кокбурн из Ормистона⁵⁰ опускаются на колени перед королевой и, подняв правую руку, приносят присягу от «разрядов и сословий Шотландии»:

«От имени и по поручению всех разрядов и сословий королевства Шотландии, мы присягаем Вашему Величеству, королеве и верной супруге нашего милостивого и могущественного господина и короля, в том, что будем ей преданы, послушны и верны, и, как покорные слуги и подданные нашего милостивейшего господина и короля, мы будем с усердием и покорностью, не жалея жизни и имущества нашего, служить Вашей милости настолько, насколько Господь милостив к нам и настолько, насколько позволяет нам пребывать в радости в его поднебесном королевстве в согласии со Священным писанием»⁵¹.

Встав с колен, они освобождают место для канцлера, который еще раз произносит присягу от лица королевских чиновников. Затем звучат трубы, и Патрик Галлоуэй подходит к королю и королеве и благословляет их. Король поднимается со своего места, подходит к королеве, произносит приветствие и также благословляет. Гости встают, и порядок прежней процессии восстанавливается с той только разницей, что «на голове у королевы теперь покоится корона, а канцлер шествует впереди нее, держа в своих руках ее скипетр».

Торжественный въезд в Эдинбург

Торжественный въезд в шотландскую столицу завершал торжества, связанные со свадебной церемонией Якова VI и Анны Датской. В общем виде он повторял «сценарий» въезда в Эдинбург Марии Шотландской 1561 год⁵², хотя в деталях имели место определенные различия⁵³.

Как сообщает Барел, 19 мая королева покинула замок Холируд и около двух часов после полудня прибыла в Эдинбург. Праздничный кортеж Анны, сидевшей в привезенном из Дании открытом экипаже, образовывали 36 всадников, половину из которых составляли датчане, а другую половину шотландцы. Моиси, любивший всякого рода детали, проясняет маршрут королевы, считая, что, выехав из замка, кортеж обогнул Эдинбург с южной стороны с тем, чтобы занять необходимую позицию у Уэст-порта — городских ворот, через которые шотландские короли и королевы с незапамятных времен торжественно въезжали в город⁵⁴. За экипажем скакал королевский шталмейстер, державший наготове еще одну лошадь на тот случай, если королева решит скакать верхом. Упомянувшиеся уже Катрин Шинкель и Анна Каас и еще шесть «безымянных» датских вдов замыкали двигавшуюся за шталмейстером «женскую» часть процессии⁵⁵. Как только королевский кортеж поравнялся с городскими воротами, водруженные на замковом холме пушки дали троекратный залп, и от встречавших у ворот членов городского магистрата вышел вперед Роберт Брюс, который, подойдя к Анне, благословил ее. Встречавшие расступились, и «взору Анны предстал великолепный вид». Ворота были преобразены в триумфальную арку, на вершине которой по обеим сторонам стояли музыканты, которые, как отмечают послы, «заиграли в этот момент улаждающую слух музыку». Ниже, под аркой был сооружен огромный глобус, который после того, как Анна вышла из кареты и в сопровождении Брюса и провоста Эдинбурга (очевидно, присоединившегося в этот момент к королеве) подошла к нему, открылся, разделившись на две половины. Внутри глобуса оказался мальчик, «лет восьми-деяти, одетый в красный бархат, на груди у которого на золотой цепочке висели искусной работы часы». В руках он держал «не менее великолепной работы щит с городской символикой столицы, на котором по обе стороны лежали две связки ключей, а посередине богатого теснения книга». Наблюдавшие за церемонией послы пишут, что «мальчик, подобно ангелу, легко спустился

из открывшегося глобуса, подошел к королеве, затем троекратно поцеловал книгу (тут все увидели, что это была Библия) и вручил ее королеве, сказав при этом:

«О, величественная из королев, ты должно быть, догадываешься, что я ангел-хранитель города, в который ты сейчас торжественно въедешь; я спустился, чтобы объяснить тебе, что ты должна, прежде всего, почитать слово Божие: как знак напоминания я вручаю тебе эту Библию, которую я принес от того, кто находится выше всех: он обещал оберегать твою страну и изгонять из нее все, что будет мешать ее и твоему благополучию».

Затем мальчик взял лежавшие на щите ключи, и со следующими словами вручил их Анне:

«Вручаю тебе ключи от этого города с тем, чтобы ты могла охранять его и заботиться о его жителях; они дадут тебе силу управлять этим городом в согласии с законом и справедливостью, которые ты будешь укреплять и множить для нас».

За ключами последовал дар от города, состоявший из золотой чаши, наполненной, как пишут послы, драгоценностями. В знак благодарности королева совершает ответный дар, и мальчик «так же легко, как спустился к королеве, исчезает в глубине шара, который почти бесшумно закрывается».

Судя по всему, после церемонии обмена дарами Анна возвращается в экипаж, и торжественный кортеж въезжает в город через Уэст-порт, продвигаясь постепенно к церкви Сент-Джайлз. По пути следования перед кортежем королевы постоянно двигались пятьдесят человек, в обязанности которых входило расчищать дорогу, «так велико было количество желавших увидеть королеву». Шестеро известных горожан несли над королевской каретой богато декорированный балдахин.

Стоявшие по обеим сторонам городских улиц люди были в масках. Почти каждый городской квартал изображал сценки, демонстрируя

актерские способности его обитателей. Информаторы обращают внимание на одну из них, где инсценировали арабчата, сражавшиеся между собой и державшие в руках замысловатые гнутые мечи.

На Вест-боу состоялась следующая остановка праздничного кортежа. Там, на городской стене было сооружено подобие астрономической лаборатории, где замысловато одетый мальчик, изображавший кого-то вроде звездочета или предсказателя, обратился к королеве с пространной речью, сказав, в частности, следующее:

«... я послан в этот мир богами, дабы известить тебя о том, что звезды и твоя планета говорят; скажу тебе, что Бог создал тебя, и небеса к тебе благоволят; по чести я скажу, что ход планеты той, что жизнь твою объемлет, мне говорит, что ты — дочь короля, женою короля другого стала и матерью его детей достойной будешь; все добродетели твои умножат славу королей шотландцев, и, ты, всех покоряешь умом своим и мудростью великой; ... не посчитай мой тон ученым, а предсказания пустыми... в знак того, что помыслы мои серьезны, снег будет падать в сей майский день пригожий...».

В тот же самый момент из окон и чердаков домов на мостовую посыпался сахар, «сладкая пудра» и другие сладости, а «издалека донеслась божественная музыка».

Следующий «сюрприз» ожидал Анну на Баттер-сквер. Там были воздвигнуты величественные декорации, изображавшие дворец, у входа в который стояли одетые в белые туники шесть девиц (дочери почтенных горожан), державшие в своих руках украшенные золотом небольшие книжки. Когда королевский кортеж поравнялся с этим дворцом, из глубины сооружения вышел молодой человек, также как и девушки одетый в «греческие одежды», и обратился к Анне с пространной речью:

«... ты не должна смотреть на нас и думать, что скоты — дикари и, что мы лишены достоинств, мудрости и прочих достижений; король наш — один из тех, кто мудростью своей и благочестием

снискал почет и уважение среди богов; мы — всего лишь слуги одного, но времени не тратя попусту, мы рвением своим стремимся быть ему достойными... тебя же мы считаем предводительницей нашей и обещаем чтить тебя, детей твоих грядущих так, чтобы быть достойней предков всех твоих и данов всех великих».

Символика античных мотивов мудрости сменилась сценой протестантских добродетелей шотландцев, когда королевских кортеж, покинув Баттер-сквер, приблизился к ратушной площади, на которой были воздвигнуты декорации величественного храма. Перед ними Анну ожидали Добродетель и ее дочери Благоразумие, Справедливость, Стойкость и Умеренность. Прежде чем обратиться к Анне с речами, каждая из них поклонилась королеве, а Добродетель вручила ей небольшую золотую корону и богато инкрустированный рожок, сказав при этом:

*«Я, Добродетель, призванная здесь народом; ·
здесь все четыре дочери мои, О, милостивейшая королева,
возьми их, и каждую оставь с собой; ты, сделав это, дашь процветание
и дому твоему и всем твоим дворцам и замкам;
их ясный взор оценит каждого, кто будет рядом с ближними твоими
там и окруженьем; доверься им, и беды обойдут твой дом...,
поскольку сила в них и вдохновение... но знай, что те,
кто вдруг решают пренебречь моим советом, несчастными окажутся
потом, тревогу обретут и вскоре пожалеют».*

Разыгранная потом сцена скорее убеждала публику, что Анна не нуждается в таких предостережениях, и, что она и без увещевания была готова взять дочерей Добродетели под свое покровительство. Как только все сценические персонажи закончили свои монологи, декорации храма раздвинулись, показав уже стоявших на сцене музыкантов и певцов, уже готовых исполнить 120 псалом Давида.

Предпоследняя часть церемонии проходила сначала в церкви Сент-Джайлз, где состоялась торжественная служба, а затем на со-

борной площади. Когда кортеж королевы остановился у входа в церковь, четверо членов городского совета развернули над собой меньший по размерам, чем тот, что красовался над каретой королевы, балдахин, и подошли к королеве с тем, чтобы она прошествовала под ним в храм. У входа королеву ожидали П. Манк и лорд Гамилтон. В тот момент, когда королева входила вовнутрь церкви, певчие уже исполняли 19 псалом. Затем Роберт Брюс прочитал проповедь на 107 псалом Давида, после чего певчие затянули 23 псалом.

Окончание службы означало начало вечернего представления, которое было разыграно на соборной площади. Вышедшая из церкви Анна увидела перед собой очередные сооруженные по поводу новой пьесы декорации. Они изображали еще один величественный дворец, на стенах которого были изображены королевские символы Дании и Шотландии, а также родословная обоих королевских домов, замысловато переплетававшиеся в двух точках: там, где были выписаны имена Якова III и Маргрет Датской, а затем — Якова VI и Анны Датской. Разыгранная пьеса, длившаяся, по мнению послов, не менее двух часов также обыгрывала династическую тематику.

Толпа, оставшаяся ликовать на соборной площади, проводила «уже изрядно уставшую» Анну, которая направилась с тем же эскортом в сторону Ист-порта, где состоялось еще одно, теперь уже финальное действие, в ходе которого к ней присоединился Яков. Именно там праздничной церемонии было суждено закончиться.

1. Речь идет в первую очередь о работах двух его непосредственных учеников: Ральфа Гизи (*Giesey R. The Royal Funeral Ceremony in Renaissance France. Geneva, 1960*) и Сапы Хантли (*Huntley S. The Lit de Justice of the Kings of France: Constitutional Ideology in Legend, Ritual and Discourse. Princeton, 1983*).

2. У истоков этого движения стояли Артур Тэйлор, Томас Бэнкс и Уильям Маскелл: *Taylor A. The Glory of Regality: An Historical Treatise of the Anointing and Crowning of the Kings and Queens of England. London, 1920; Banks T. An Historical Account of the Ancient and Modern Forms, Pageantry and Ceremony, of the Coronations of the Kings of England. London, 1820; Maskell W. Monumenta Ritualia Ecclesiae Anglicanae. 3 Vols. London, 1846-1847.* Более подробно об этом: *Sturdy D. «Continuity» versus «Change»: Historians and English Coronations of Medieval and Early Modern Periods // Coronations: Medieval and Early Modern Monarchic Ritual / ed. by J. Bak. Berkeley, 1990. P. 228-245.*
3. *Schramm P. E. A History of the English Coronation. Oxford, 1937.*
4. См. в этой связи весьма убедительные рассуждения Гордона Киплинга по поводу торжественного въезда в Лондон Екатерины Арагонской: *The Receyt of the Ladie Kateryne / ed. by G. Kipling. Early English Text Society, 1990. P. XIV.* Такой же точки зрения придерживается Джон Нил: *The Queens Majesties Passage through the City of London to Westminster the Day before her Coronation / ed. by J. Osborn; introd. by J. Neal. New Haven, 1960. P. 11.*
5. *Papers Relative to the Marriage of the King James the Sixth of Scotland, with the Princess Anna of Denmark / ed. by J. Craig. Bannatyne Club, 1828. (Далее — PRM).*
6. Дневник датских послов, составленный частично на немецком, частично на латыни, охватывает период с 21.04 по 5.06.1590. Оригинал хранится в Королевском архиве в Копенгагене: *Rigsarkivet, Copenhagen. TKUA. Stokland. A II 4. Микрофильм: Rigsarkivet, Copenhagen. TKUA Stokland. 1-7. III. Я считаю своим долгом поблагодарить Датское культурное общество в Санкт-Петербурге за содействие в получении копии этого микрофильма. Отчет датских послов опубликован: Samtidig Beretning om Prindsesse Annas, Christian den 4des Systers, Giftermaal med Kong Jacob d. 6te af Skotland og hendes paafolgende Kroning / ed. og P. A. Munch // Norske Samlinger. Vol. I. Christiania, 1852. S. 450-512.*
7. О династическом строительстве Якова см.: Федоров С. Е. 1) Шотландская титулованная знать и аристократия к моменту унии корон // Актуальные проблемы всеобщей истории. 2002. Вып. 2; 2) Знать династии при первых Стюартах: «Бекингемовская фракция» // Актуальные проблемы всеобщей истории. 2004. Вып. 3; 3) Английская титулованная знать

- и аристократия: итоги династического строительства, 1603–1629 // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия №2. 2003. Вып. 4. С. 18-37.
8. 1 Цар. 10:4-9.
 9. Федоров С. Е. В поисках сценария: Анна Датская и ее последний путь // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2002. №3. С. 43-68.
 10. The Receiving of King James the Sixth and his Queen at Lyeth [издан первоначально отдельным изданием в Эдинбурге в 1590 году] (PRM. P. 39-41).
 11. Послы подчеркивают, что эти два корабля были датскими.
 12. В составе датской делегации был датский адмирал Педер Манк. Непонятно, почему на шотландских кораблях не были подняты королевские вымпелы. Возможно, опуская эту подробность, регламент подчеркивает уже отмеченную особенность: Анна не стала еще королевой, и дабы избежать известной «дискриминации» статусов супругов, шотландцы «обошли» принятую формальность.
 13. Стенон Брайт и Бредон Ранзон были послами; Николаус Теофилиус, Петер Янг выступали в качестве чрезвычайных посланников.
 14. По сообщению одного из английских агентов, присутствовавших при «сходе» на берег, это произошло несколько позднее — в 7 часов вечера: Collection of State Papers. Scotland, 1589–1593. P. 863. (Далее — CSP).
 15. Ни Бэлфур, ни датские послы не сообщают, кто возглавлял делегацию знати. Тот же агент указывает на герцога Леннокса (Лодовик Стюарт — первый кузен короля), лорда Гамильтона (очевидно, Джон Гамильтон, будущий маркиз Гамильтон — тогда же только барон, но при этом родственник короля) и графа Ботуэлла (Френсис Стюарт — один из кузенов короля). CSP. Scotland, 1589–1593. P. 865.
 16. Бэлфур и датчане не уточняют некоторые детали: так, Д. Калдервуд, основательно осведомленный в специфике подобного рода церемоний, уточняет, что вдоль мостовой была построена специальная, должно быть, полуоткрытая галерея, стены которой были украшены гобеленами и золотой парчой, а низ устлан коврами так, что «нога Ее Величества даже не касалась земли» (Calderwood D. The History of the Kirk of Scotland. 8 Vols. Edinburgh, 1842-1849. Vol. 5. P. 94). Судя по тому, что Яков крайне опасался провокаций со стороны шотландских католиков, факт специально сооруженной полуоткрытой галереи видится вполне возможным.

17. П. Манк, издавший официальный отчет датских послов, ошибочно полагает, что «Sistonius», указанный послами в качестве автора «Oratio», есть никто иной, как сэр Джон Сейтон из Барнза. При этом шотландский регламент «The Receiving of King James the Sixth and his Queen at Lyeth», официально опубликованный в Эдинбурге в 1590 году ясно указывает наряду с текстом «Oratio» его автора «James Elphistone of Invernachty», который в заглавии обращения назван Систоннусом. Очевидно, датские послы предпочли привести латинизированный вариант имени известного октавианца, будущего контролера-инспектора шотландского Казначейства (PRM. P. 39).
18. Думается, что детали были опущены преднамеренно, поскольку поведение Якова у входа в церковь было далеко от рамок приличия: Споттисвуд сообщает, что Яков весьма фривольно и подолгу «пожимал руки всем присутствовавшим у дверей церкви высокородным особам женского пола ... и к тому же весьма продолжительное время беседовал с Робертом Брюсом, будущим лордом Кинлосом» (*Spottiswood J. History of the Church of Scotland. 3 vols. Edinburgh, 1847-1851. Vol. II. P. 405, 406*). Подобную информацию приводит и Т. Риис: *Riis T. Should Auld Acquittance Be Forgot. Scottish-Danish Relations, c. 1450-1707. 2 vols. Odense, 1989. Vol. 2. P. 61*.
19. Судя по всему, таковым был Патрик Галлоуэй (1551-1626), известный пресвитерианский проповедник и богослов умеренного толка. Известно, что его карьера в качестве богослова началась не позднее 1576 года. 11 февраля 1590 года он был назначен на должность придворного проповедника, но его продвижение в ближайшем окружении Якова началось до отъезда короля в Данию. В самом начале 1590 года он был направлен в составе делегации, возглавляемой Уильямом Стюартов, для встречи и сопровождения Якова и Анны из Хельсингера в Лейт: *Fasti Ecclesiae Scoticae. 10 vols. Edinburgh, 1915-1981. Vol. I. P. 53-54*.
20. Проповедь читалась по-английски, поскольку Анна не знала шотландского, но немного понимала английский; этим обстоятельством могло быть недовольно консервативное большинство пресвитерианского духовенства, и Бэлфур в своих комментариях опустил этот момент: *Fasti Ecclesiae Scoticae. Vol. I. P. 53*.
21. Николас Теофилиус (1541-1604), известный датский юрист, получивший в 1569 году степень доктора права в Ростокке, был ректором юридической корпорации в Копенгагене; его услугами неоднократно пользовалась

- вдовствующая королева София, посылая его в составе различных дипломатических миссий в Саксонию и, по меньшей мере, дважды в Шотландию. См. Dansk Biografisk Leksikon. 16 vols. Copenhagen, 1979-1984. Vol. XIV. P. 436-437.
22. Калдервуд сообщает детали и порядок следования процессии: король в сопровождении графов и других лордов ехал впереди, за ними на небольшом расстоянии в украшенной карете, запряженной восьмью лошадьми, двигалась Анна, одетая во все белое; перед каретой, скакали три графа; за каретой двигались служанки королевы и вдовы: *Calderwood D. The History of the Kirk of Scotland. Vol. 5. P. 94-95.*
 23. Для подобной просьбы были вполне весомые основания, поскольку брачный договор Якова VI и Анны почти полностью повторял аналогичный документ, скреплявший брачные узы Якова III и Маргрет Датской.
 24. «Данная присяга обязывает меня впредь быть преданным моей Госпоже во всем, а именно в том, что я буду блюсти и защищать Ее интересы, предотвращать любые посягательства на Ее имущество всеми своими силами; я обязуюсь направлять моей Госпоже все доходы от Ее имущества; я буду верен делом данному Ей слову и потребую от каждого, кто держит землю в пределах моей юрисдикции, верности данной мною присяге. Да поможет мне Господь и Его Святое евангелие».
 25. Роберт Мелвилл не был королевским казначеем: в этом смысле датчане ошибаются; ему принадлежала должность вице-казначея, которую он занимал с 1582 по 1597 год. Любопытно, но из отчета послов складывается впечатление, что дом Мелвилла стал для них местом ночлега. Непонятно, по каким соображениям послы не упоминают, что ночевать им пришлось в доме Дэвида Уимисса из Уимисса, которого Яков лично просил о гостеприимстве в отношении датчан: *Memorials of the Family of Wemyss of Wemyss / ed. by W. Fraser. 3 Vols. Edinburgh, 1888. Vol. 3. P. 28-29.* О гостеприимстве Уимисса пишет и его современник Дэвид Мойси: *Moysie D. Memoirs of the Affairs of Scotland. Edinburgh, 1830. P. 158.*
 26. Любопытно, но и в этом случае датчане опускают детали бытового характера. Тот же Д. Мойси упоминает обед, устроенный Уитоном по случаю приезда датчан: *Moysie D. Memoirs of the Affairs... P. 158.*
 27. Тем же послам во главе с адмиралом.

28. Датчане не совсем точны в передаче формы этого обычая: вряд ли сенешал не знал, что камень и горсть земли должны быть переданы в обе руки: в противном случае передача права на фьеф могла быть признана незаконной.
29. Отчет содержит латинизированный вариант «*Haius*». Список королевских нотариусов, бывших, как правило, одновременно клерками Тайного совета дан: *Register of the Privy Council of Scotland, 1545–1624. 14 vols. London, 1878–1898. 1585–1592. P. 741; 1592–1598. P. 279.*
30. Документы (*sasine*), подтверждающие передачу земель в Фолкленде, Данфермлине и Линтлингоу сохранились только в фондах Королевского архива в Копенгагене: *Macray W. Third Report on the Royal Archives of Denmark and Report on the Royal Library at Copenhagen // 47th Report of the Deputy Keeper of the Public Records. London, 1886. P. 9–77.*
31. *Macray W. Third Report on the Royal Archives... P. 25.*
32. Очевидно, речь идет об официальных копиях всех документов, заверенных Большой королевской печатью.
33. Текст регламента: *PRM. P. 49–56.*
34. В отчете датских послов ошибочно указана цифра 50. Мойси упоминает то же число, что и регламент: *Moysie D. Memoirs of the Affairs... P. 159.* Относительно двух назначений Тирлстайна необходимы дополнительные пояснения: рыцарь-предводитель — исключительно почетная церемониальная должность; главный джентльмен парламента — шотландский аналог английского спикера.
35. Подытоживая движение первой группы, Бэлфур отмечает: «*all the foirsaidis personnes, in the manner and forme befoir expressit, repairt unto the kirke to the seattes and places that wes appoyntit for theme*». При этом Яков, двигавшийся в конце процессии, был также препровожден на подготовленное для него место: по понятным причинам шедшие перед ним особы должны были также занять отведенные им места: «*the Kingis Majestie ... wes convoyeth to the kirke, to the place appoyntit for him to sitte into*» (*PRM. P. 50, 51*).
36. Регламент сообщает о королевских гвардейцах, которые двигались впереди герольдов и разгоняли толпу: «*the kings gaird, to remove the multitude that wes conveynit*», но самостоятельной фигуры они, очевидно, не образывали (*PRM. P. 49*).

37. Очевидно, такое деление подчеркивало ординарный (*senatours*) и неординарный (*counsellours*) советников.
38. Гереальдическая служба в Шотландии имела в конце XVI века очень рыхлую структуру. Для меня оказалось затруднительно определить разницу между герольдами, шедшими в начале процессии и теми, кто шел в ее середине. Очевидно, акцент на одежде последних означал какие-то расхождения в их статусе.
39. Персональный состав шотландцев неизвестен: Бэлфур указывает только, что это были «*certaine noble Scottis men*» (PRM. P. 52).
40. Калдервуд уточняет, что во время этой части цкремонии были произнесены три проповеди на латинском, французском и английском языках. Проповедь на латинском была произнесена Галлоузем; авторство двух други проповедей неизвестно (*Calderwood D. The History of the Kirk of Scotland. Vol. 6. P. 96*).
41. Роберт Брюс (1554–1631), один из ведущих пресвитерианских проповедников того времени, председатель Холи-Кросс. Любопытно, что датские послы, испытывая сложности в распознавании пресвитерианской церковной иерархии, называют его «епископом», что, естественно, звучит неверно.
42. Калдервуд уточняет, что помимо приветствия, произнесенного Брюсом, небольшое отдельное приветствие было зачитано Джоном Крэйгом, королевским капелланом, для самой Анны: *Calderwood D. The History of the Kirk of Scotland. Vol. 6. P. 97*.
43. Регламент не сообщает ничего относительно помазания других частей тела. Очевидно, речь должна идти о трехкратном помазании. Такая процедура отличается, скажем, от девятикратного помазания английских королев. Так, в момент своей английской коронации Анна была помазана семикратно.
44. «*quhiliks pairtis efter the annoithment thereof, wer coverit with fum qyhyt silke*» (PRM. P. 53).
45. Калдервуд пишет о том, что королева удалилась в специально отведенную для этих целей комнату: *Calderwood D. The History of the Kirk of Scotland. Vol. 6. P. 97*.
46. Регламент сообщает, что эта речь была написана Дэвидом Линдси, настоятелем прихода Холи-Кросс, на французском языке, чтобы Анна могла «осознавать произносимое ею» (PRM. P. 54).

47. PRM. P. 55.
48. Эндрью Мелвилл (1545–1622), лидер шотландских пресвитериан, на момент коронации был близок к Якову, стремившемуся тогда решить проблему взаимоотношений между церковью и государством в пользу светской власти; после неудавшегося компромисса Мелвилл проводит семь лет в Эдинбургской тюрьме, а в 1607 году окончательно покидает приделы Шотландии.
49. PRM. P. 57.
50. Идентифицировать этих двух особ мне до конца не удалось. Должно быть, Д. Сетон — это известный контролер–инспектор Казначейства (1588–1596), лэрд по происхождению; занимал ли Д. Кокбурн какую-то государственную должность, а также каково было его происхождение, установить не удалось.
51. PRM. P. 57.
52. Анализ торжеств по этому поводу осуществил в свое время Э. МакДоналд: *MacDonald A. Mary Stewart's Entry to Edinburgh: An Ambiguous Triumph // The Innes Review. 1991. Vol. XLII. No. 2. P. 101–110.*
53. Регламент церемонии не сохранился; при этом до нас дошли достаточно подробное описание процессии, составленное Джоном Барелом: PRM. P. 39–42, одно анонимное изложение событий: *The Joyful Receiving of James the Sixt of that name King of Scotland. London, 1590.* И, наконец, описание, составленное датскими послами.
54. *Moysie D. Memoirs of the Affairs... P. 159.*
55. Неизвестно точное число двигавшихся за шталмейстером дам; непонятно, были ли они шотландками или датчанками. Послы указывают, что их было четверо.

«MAKING HER THE MAIRE WILFUL»: АННА ДАТСКАЯ И ЕЕ ПРИДВОРНОЕ ОКРУЖЕНИЕ (1590–1593)

Придворное окружение последней шотландской королевы не привлекало должного внимания специалистов. Отсутствие интереса было обусловлено не столько скудностью сохранившихся источников и свидетельств, сколько общим, к тому же весьма распространенным, представлением об Анне Датской как о непривлекательном персонаже, лишенном каких-либо достоинств и талантов и окруженном такими же безликими и неинтересными придворными¹.

Источники, действительно, весьма скудны, а сохранившиеся в них свидетельства противоречивы². Тем не менее общая канва придворной политики Анны и контуры ее персонального окружения 1590–1603 годов все-таки восстановимы. Прорисовывающаяся в них картина весьма определенно профилирует не только стойкие черты нордического характера тогда еще юной королевы, но и специфический характер близкого ей круга людей.

Анна Датская ступила впервые на шотландский берег, когда ей не было еще шестнадцати. Хрупкой, белокурой, ни слова не знавшей по-шотландски, но при этом бегло говорившей по-французски, ей —

¹ Оригинальная публикация: Федоров С. Е. «Making Her the Maire Wilful»: Анна Датская и ее придворное окружение (1590–1593) // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория, символика, церемониал / отв. ред. Н. А. Хачатурян. М., 2004. С. 114–132.

новой королеве была отведена роль спутницы Якова VI Шотландского — этого «возрожденного Соломона», матери его детей, гарантировавших преемственность династии на шотландском троне.

Современники отмечают почти пасторальный характер отношений между супругами. Король, до этого времени избегавший женского общества, был увлечен «маленькой Энни», и она отвечала ему взаимностью³. Но желание «всегда быть рядом с его королевой» не лишало Якова предусмотрительности. Датская партия была не по душе многим враждебно настроенным к Стюартам лордам, и предвидя это, сам Яков и его советники задолго до встречи с королевой озаботились поиском надежной резиденции⁴.

Обеспокоенность безопасностью Анны была порождена также воспоминаниями Якова о собственном детстве и отрочестве, которые были далеки от идиллических. Осторожность и предусмотрительность, к которым он привык с юных лет, боязнь повторения заговоров и переворотов обязывали короля и его ближайшее окружение вдвойне заботиться об его юной супруге. Ее изоляция от столичной жизни виделась каждому из них залогом успеха: спешно приведенная в порядок новая королевская резиденция неподалеку от Данфермлинского аббатства должна была стать «убежищем» его королевы.

Безопасность Анны была, несомненно, важной, но далеко не единственной заботой Якова. Помимо этого, на первых порах королева должна была «освоить» местные обычаи, выучить язык и, что полагалось еще более существенным, приобщиться к традициям шотландской церкви с тем, чтобы стать «достойной матерью его детей».

Коронация в Холируде, состоявшаяся 17 мая 1590 года, казалась бы, продемонстрировала готовность Анны, получившей корону из рук собственного мужа, следовать местным обычаям, а данная ею клятва «защищать истинные религию и служение Господу, способствовать их процветанию» — приверженность шотландскому протестантизму⁵. Оставался язык, который королеве следовало освоить в «естественной» обстановке.

Шотландский двор был двуязычным: придворные охотно и весьма умело объяснялись по-французски, и Анна, должно быть, испытывавшая первоначально сложности в обучении шотландскому, предпочитала, лишь изредка появляясь в Эдинбурге, пользоваться этим преимуществом. Возвращаясь к себе в Данфермлин, она попадала в среду, определявшуюся присутствием приехавших с нею датчан.

Известно, что по рекомендации королевы Софии она привезла с собою около десяти человек, которые вплоть до начала 1591 года составляли ее основное окружение. Уильям Ван дер Ваус был ее лордом-стюардом, Иоханнес Каликстус — хранителем архива и секретарем. Обычно упоминают еще пять-шесть фрейлин-датчанок, самой известной из которых была Анна-Мария Рус, остававшаяся при королеве вплоть до ее смерти, Иоханнеса Мейерна — лекаря и одновременно аптекаря королевы и искусного Ханса Дриера — придворного повара⁶.

Судя по всему, ситуация, складывавшаяся вокруг придворного окружения королевы, на первых порах устраивала Якова. Замкнутый мир ближайшего круга доверенных лиц, связанных с королевой еще в бытность ее датской принцессой, как нельзя лучше отвечал мерам безопасности. Вместе с тем казавшаяся необходимой и без особого труда достигнутая изоляция Анны значительно снижала темпы освоения языка, а приобщение к традициям и культуре шотландцев замедлялось.

Так или иначе симптомы беспокойства со стороны Якова были очевидны, и Анна, должно быть, ощущавшая тревогу супруга, попыталась впервые продемонстрировать свои успехи в освоении языка, прочитав публично небольшую, написанную в подражание шотландским бардам поэмку-песенку собственного сочинения. Старания Анны были замечены, но Яков, озабоченный идеей преобразовать данфермлинскую резиденцию, произвел два назначения. В сентябре 1591 года были объявлены имена кандидатов, присутствие которых должно было сделать двор Анны более шотландским. Джеймсу Мелвиллу из Халхилла, прежде приставленному к королеве в качестве внештатного советника-консультанта, главным образом при ее по-

ездах в Эдинбург и Стирлинг, надлежало стать хранителем ее личных бумаг и тем самым сменить на этом посту датчанина Каликстуса. Канцлер Шотландии знаменитый Джон Мейтленд из Тирлстайна обретал полномочия главы пока еще не существовавшего совета при дворе Анны⁷.

Второе назначение было особенно значительным. По традиции двор шотландских королев-консортов был небольшим и никогда не представлял из себя самостоятельного административного организма. Учреждавшийся по аналогии с основным Большим хаузхолдом, совет значительно поднимал статус данфермлинской резиденции Анны, сближая и превращая ее двор в самостоятельную, но вместе с зеркальную часть королевского хаузхолда. С учреждением совета двор королевы становился не только хозяйственным, но и управлявшимся административным центром с четко определенными и достаточными полномочиями.

Внешне реакция королевы казалась неожиданной. Прежде представлявшаяся шотландцам покорной и даже кроткой, она обнаружила в себе нестигаемые черты нордического характера, кстати, после этого события лишь только усиливавшиеся. Мелвиллу было отказано в праве постоянного пребывания в Данфермлине, а Якову было послано письмо с вежливым, но достаточно решительным отказом. Королева, пытаясь объяснить свою непокорность, ссылаясь на преждевременность назначения, поскольку она «по-прежнему справляется с делами сама и что поэтому не нуждается в хранителе»; Мелвилл же, в ее «представлении, был всегда человеком ненадежным», и она теперь весьма сожалеет о том, что долгое время, не желая противиться «высочайшему решению», была вынуждена «терпеть его подле себя»⁸. Относительно Мейтленда и учреждения совета, связанного с его назначением, семнадцатилетняя королева была не менее щепетильна. Идея создать при ее дворе совет показала ей своевременной: королю был послан благодарственный ответ и уверения в преданности, но кандидатура Мейтленда была отклонена; ожидаемые объяснения не последовали⁹.

В отношении между супругами установилась пауза, послужившая поводом для многочисленных слухов и догадок. Анна, как бы не замечая реакции мужа и его окружения, продолжала демонстрировать успехи, овладевая новым для нее языком с завидным упорством, и даже устроила небольшую реконструкцию западной части данфермлинской резиденции¹⁰. Видимая легкость, с которой юная королева переносила разлад с супругом, была умело продуманным приемом, скрывающим истинные переживания. Ее позиция в отношении канцлера тем не менее была легко объяснима, а ее истоки уходили в историю с брачным пакетом королевы.

Дело в том, что содержавшиеся в брачном договоре обязательства предполагали помимо всех формально оговоренных шотландских владений королевы, расположенных в Лейте и Фолкленде и, как известно, компенсировавших ее вдовью долю, право на выбор двух резиденций¹¹. Первая из них — неподалеку от Данфермлинского аббатства, предложенная королеве самим Яковом, оказалась ей по душе и стала на первые годы пребывания в Шотландии ее официальной резиденцией. Вторая — Масселборо, располагавшаяся в тридцати милях от Данфермлина, была выбрана во время одной из поездок верхом самой Анной, но по официальной версии, требовавшая капитальной реконструкции, казалась нежелательной для короля, склонявшего Анну к выбору другой резиденции.

Яков лукавил, пытаясь убедить супругу в нецелесообразности сделанного ею выбора. С 1587 года Масселборо владел Мейтленд: срок держания истек в 1591 году, но и тогда король вряд ли мог рассчитывать на широкий жест канцлера. Дело в том, что резиденция, располагавшаяся вблизи Данфермлинского аббатства, также до приезда королевы была владением Мейтленда. Считавшийся одним из самых укрепленных и безопасных в Шотландии замков, Данфермлин устраивал короля, и ему стоило немалых усилий заставить канцлера добровольно реверсировать владение и подыскать ему аналогичную замену — замок Калдуэлл. Просить его уступить во второй раз король, должно быть, не решался. Так или иначе, но в ок-

тябре 1591 года Мейтленд повторно получил королевскую хартию, объявлявшую его владельцем Масселборо¹², а королеве был в весьма категоричной форме предложен замок Далкейт.

Вопрос о назначении Мейтленда на должность президента совета королевы после этого события окончательно повис в воздухе. Она не могла не знать о закулисной игре супруга (близкий ко двору и смертельный враг Мейтленда граф Маришалл был ее надежным осведомителем¹³), как не могла не ответить на игру очередным демаршем. Демонстративно переехав на некоторое время в Далкейт, Анна приглашает прибыть ко двору тогда уже близкого к опале Френсиса Стюарта, графа Ботуэлла и оказывает ему блестящий прием¹⁴. Многие из тех, кто был близок с Ботуэллом, поговаривали, что королева намеревается сделать его президентом собственного совета, но слухи оказались безосновательными, поскольку в появившихся одновременно с этим приглашением сообщениях о назначениях в ее совет, имя графа не упоминалось. Значительным было другое. Граф, как и всякий, кто приглашался на «некоторое время» в Данфермлин, в сущности мог нескончаемо пользоваться ее щедрым гостеприимством и неограниченно находиться при дворе. При этом статус гостя ничем не отличался от статуса придворного, поскольку вплоть до конца пребывания Анны в Шотландии регламент ее двора был так и не принят.

Анна была знакома с Ботуэллом с весны 1590 года: он как лорд-адмирал Шотландии был среди встречавших королевскую чету в Ферте¹⁵. Тучи над ним уже тогда сгустились. Яков всегда, хотя и безосновательно, опасался его претензий на шотландский трон: Ботуэлл был одним из его многочисленных первых кузенов. Подогреваемый Мейтлендом, нелюбившим графа и постоянно игравшим на всем известной непредсказуемостью Ботуэлла, Яков даже подверг графа домашнему аресту в замке Танталлон накануне отъезда в Данию, чтобы тот в его отсутствие не совершил чего-нибудь неожиданного, но вскоре же его освободил.

Почти сразу же после возвращения упоминавшийся Мелвилл сообщил Мейтленду, а тот королю, что в январе 1590 года Ботуэлл

якобы тайно встречался с казненными позднее за колдовство сестрами Агнес и Ричи Грехэм с тем, чтобы узнать у них возможную дату смерти короля, а получив «невразумительный ответ», просил «использовать все их дьявольское искусство и вызвать смертоносный шторм, когда король будет плыть обратно из Дании»¹⁶.

В декабре 1590 года Ботуэлл предстал перед судом, где уверенный в своей непогрешимости признался в том, что встреча имела место, но ничего связанного с именем короля, там не обсуждалось. Яков колебался между графом и канцлером, не решаясь принять сторону того или другого. Тем временем направленный обратно в Танталлон, Ботуэлл, однако, бежал и вплоть до сентябрьского приглашения Анны был в розыске¹⁷.

Была ли Анна, действительно, восхищена обходительностью Ботуэлла при первой встрече, как не раз заявляла сама, и, желая продолжить диалог, направила ему приглашение? Была ли их встреча следствием отчаяния юной королевы, пытавшейся присутствием Ботуэлла в Далкейте скрасить свое пребывание в этом замке?

В истории с опальным графом было все-таки нечто большее. Слишком многое переплеталось: отказ от услуг Мелвилла, замешанного в деле Ботуэлла, сопротивление назначению Мейтленда, постоянно третировавшего графа даже непокорность самому королю, видевшего в Ботуэлле соперника — все это свидетельствовало в пользу Анны, безошибочно выбравшей фигуру опального графа и тем самым приковавшей к себе общественное внимание.

Желавшая лично определять жизнь и состав своего двора и, более того, стремившаяся и сейчас, и потом к самостоятельности, она была недовольна решением супруга, отказавшегося публично признать ее «поэтические старания» и не без труда приобретенные языковые навыки. Помимо этого, вмешательство канцлера в ее земельные дела, интриги Якова вокруг ее второй резиденции образовывали клубок противоречий, которые она, «верная дочь да-нов», стремилась решить, основываясь на обещаниях шотландцев, закрепленных в брачных обязательствах. Фигура Ботуэлла в данном

случае удачно дистанцировала ее притязания и противостояла всему тому, что ассоциировалось в ее сознании с кознями «коварного» Мейтленда и находившимся под его влиянием непоследовательным супругом.

Ее игра была продуманной затеей, в которой незадачливый Боуэлл был разменной фигурой. Посланное ему приглашение и его согласие прибыть в Далкейт позволяли в определенной степени скрыть особый интерес к канцлеру Мейтленду, которого считали самой влиятельной фигурой в королевстве и, хотя бы на время, перенести центр общественного внимания на супружеские отношения. Заинтересованная в усилении собственного влияния на Якова, она стремилась ослабить, а то и постепенно сломить авторитет канцлера, диктовавшего королю правила общения с молодой супругой.

Тем временем, пока придворные в Эдинбурге обсуждали поведение Анны и были озадачены ее строптивым поведением, она сделала первые распоряжения относительно состава ее советников. Известно, что вместе с посланием о назначении Мейтленда главой ее придворного совета, Анна получила от короля список с именами возможных претендентов на должности советников. Список не сохранился, но известны многочисленные указания на его содержание в личных бумагах Мейтленда. До нас дошли имена всех четырех назначенных ею особ. Уолтер Стюарт, коммендатор Блантира, Александер Сетон, коммендатор Пласкардена, сэр Томас Гамильтон и сэр Джеймс Элфистоун (не следует путать с сэром Джеймсом Элфистоуном из Баритона, будущим бароном Балмерино — недругом Анны) — все они были талантливыми администраторами и финансистами, будущими «октавианцами», сторонниками решительных реформ шотландского Казначейства и фискальной политики. Тогда в 1591 году у каждого из них было еще одно завидное качество — репутация злейших противников политики канцлера. Но Мейтленд, достаточно умело парировавший их критику как при дворе, так и за его пределами, был в этом смысле идеальной фигурой для главы совета¹⁸.

Достаточно сложно судить о том, почему Анна выбрала одних и отклонила фигуры других. Все четверо вошедших в ее совет вельмож были католиками. Возможно, список был составлен таким образом, что любая композиция советников была управляемой, и выбор королевы был заранее predetermined, а то и известен. Явная самостоятельность и преднамеренность Анны в таком случае были лишь кажущимися на деле. Мейтленд рассчитывал на это назначение, а Яков, должно быть, отводил ему решающую роль в организации придворного окружения королевы: умение канцлера лавировать между различными группировками было почти виртуозным.

Отказ Анны был, как представляется, весьма неожиданным как для короля, как и для канцлера: ни тот, ни другой не могли представить, что принципиальность королевы зайдет столь далеко. У осторожного Мейтленда стали сдавать нервы. Он, прежде невозмутимый и всегда предусмотрительный, позволил себе на одном из официальных приемов в Холируде высказаться в присутствии герцога Леннокса и графа Мара «о развлечениях королевы в весьма фривольном тоне», намекая тем самым на «сомнительное общество», собравшееся вокруг нее в Далкейте. Анна демонстративно покинула резиденцию Якова и спешно отправилась в Данфермлин, а затем в Далкейт. В течение нескольких месяцев она не отвечала на призывы короля прибыть в столицу и, по сообщению очевидцев, предавалась забавам, шумно объезжая местную округу¹⁹.

О накале ситуации, сложившейся после поспешного отъезда королевы из Холируда, можно судить по сообщению одного из осведомителей англичан, направленному лорду Берли в самом начале января 1592 года: «все только и говорят, что о короле и королеве, да о королеве и канцлере и что, дескать, королю вскоре придется выбирать, с кем ему остаться, либо с канцлером, либо с королевой...». Давление Анны на Якова и Мейтленда было столь велико, что канцлер уже в ноябре 1592 года был близок к отчаянию и собирался даже на время покинуть Шотландию и частным образом обосноваться в Англии, но и тогда письмо, направленное Анной Елизавете

содержало «нижайшую просьбу не оказывать канцлеру внимания и не принимать его при дворе»²⁰.

По сообщению современников, даже в апреле следующего года ситуация вокруг отбывшего в свое родовое поместье канцлера продолжала оставаться напряженной. Тот же осведомитель Берли писал ему в Лондон: «многие высокопоставленные чиновники неоднократно посещали королеву с тем, чтобы смягчить ее гнев против канцлера, и с тем, чтобы тот мог восстановить ее расположение и вернуться ко двору для исполнения своих обязанностей перед королем, столь в них нуждавшемся»²¹.

Наконец, Яков, прежде наблюдавший за происками жены с заведным спокойствием, принимает весьма странное на первый взгляд решение и обращается за посредничеством к самой Елизавете Тюдор. К этому моменту Анна успела написать английской королеве несколько писем и, судя по их содержанию, ситуация складывалась таким образом, что Елизавета воспринималась шотландской королевой в качестве наставницы. Яков, следовательно, был в курсе отношений между двумя королевами и посчитал, что ставка на авторитет «его старшей сестры» (так он предпочитал именовать Елизавету) будет наиболее решительной. Через осведомителя лорду Берли было послано письмо, в котором Яков просил о содействии. Берли, не мешкая сообщил о просьбе, и Елизавета охотно написала Анне обстоятельное письмо (датировано 20.05.1593), в котором помимо настоятельной рекомендации подчиниться воле супруга содержались весьма убедительные доводы относительно государственных заслуг Мейтленда²².

Реакция Анны на послание Елизаветы остается неизвестной. Тем не менее только 30 ноября 1593 года Мейтленд получил официально приглашение прибыть в Данфермин, где состоялось примирение²³. Что же происходило в те четыре пять месяцев, которые разделяют два эти события, догадаться несложно. Внешнее спокойствие, с которым Анна встретила Мейтленда у себя при дворе, неоднократно отмечавшееся современниками, на самом деле свидетельствовало об удовлетворении королевы. В июле того же года канцлер

отказался от своих прав на Масселборо. и Анна стала его владелицей. Борьба за исполнение брачных обязательств закончилась успешно: вместо двух предназначавшихся для нее резиденций она получила три. Причем каждая из них была среди лучших в Шотландии.

Прибывший в Данфермлин канцлер публично отказался помимо этого и от должности президента совета королевы и, согласившись на кандидатуру Джеймса Каннингэма, графа Глинкерна, «изъятую» из того же предложенного королем списка, уверил ее, что «непременно уладит само назначение с королем». Канцлер обещал Анне «вечную преданность и, если она сочтет возможным для себя, — дружбу»²⁴. Приняла ли Анна последнее — судить не берусь, но преданным королеве канцлер оставался вплоть до своей смерти, не раз выручая ее в сложных и щекотливых ситуациях.

Официальное утверждение графа Глинкерна в качестве главы совета Анны подводило определенный итог задуманным преобразованиям ее придворного штата, осуществлявшимся последовательно на протяжении трех лет. С конца 1591 года датское окружение королевы стало заметно таять и, к осени 1593 года замещенное шотландцами, перестало практически существовать²⁵.

Среди ее ближайших советников, состав которых, как можно убедиться, тщательно отбирался, фигурировали только католики или те из именитых особ, каковых было легко уличить в прокатолических симпатиях. Членство в нем в последующие годы будет расширяться и частично обновляться, но имена таких советников Анны, как Александер Левингстон, граф Линлитгоу, Джон Стюарт, хранитель Оркни были по-прежнему извлечены из упоминавшегося списка Якова, где, очевидно, преобладали особы, которые всегда связывались в сознании современников с католически настроенными лордами.

Были ли симпатии Лины к католицизму столь очевидными уже в начале 1590-х годов или же состав ее придворного окружения был кем-то заранее продуман? Была ли Анна в этом смысле заложницей высоких интересов, а ее связь с католиками лишь сознательно отработанной версией?

Анна, как известно, тайно приняла католицизм не позднее конца 1599 года и не без оснований подтвердила преданность своим новым религиозным убеждениям, отказавшись от причастия во время коронации в Вестминстере в июле 1603 года²⁶. Нам ничего не известно о мотивах, подтолкнувших ее к обращению. Можно строить только догадки, соглашаясь либо с бытующими в историографии и единственными в своем роде феминистскими объяснениями, указывающими на вызов патриархальному сообществу как на определяющую решение доминанту²⁷, либо не соглашаясь, искать иные объяснения этому явлению.

Многое из того, что происходило с придворным штатом королевы определялось, как представляется, конфессиональными взглядами самого Якова и его отношением к придворной политике вообще. Начну с того, что религиозные симпатии Якова никогда не отличались строгостью и определенностью. В большинстве случаев его позиция в церковных вопросах диктовалась интересами монархии и была, как представляется далека от его собственных взглядов и характерного для него внутреннего отношения к вере. Официальная приверженность протестантизму в его шотландском варианте определялась исключительно раскладом политических сил, открывших для него возможность единоличного правления. Он поддерживал пресвитерианскую церковь, поскольку та в свое время поддержала его. Тем не менее крещенный по католическому обряду²⁸, он до конца своей жизни испытывал неоднозначную тягу к «вере своих отцов», заставлявшую его идти на компромиссы.

Шотландия начала 1590-х годов переживала сложные религиозные катаклизмы. Протестантизм был силен, но при этом католики никогда не оказывались в меньшинстве. Особую трудность в этой связи представляли придворные группировки, разобщенные между собой по религиозному принципу. Конфессиональное противостояние подчас превращалось в политическую конфронтацию и тем самым угрожало стабильности государственной машины.

Королевский двор был связующим звеном этой машины, и именно в рамках придворного пространства религиозные противоречия

ощущались особо отчетливо. Так или иначе появление датской принцессы, ставшей последней шотландской королевой, внесло в этот придворный катаклизм конструктивный момент. Кажется, что отделенная и удаленная в Данфермлин женская половина двора могла сыграть решающую роль и оказать примиряющее воздействие²⁹. Многие католики, прежде рассчитывавшие на придворные должности подле самого Якова, изолировались, получая соответствующие назначения при дворе Анны Датской.

Создавалась иллюзия, что королева сама выбирает и приближает к себе сторонников «старой веры» и тем самым создает альтернативу большому королевскому двору. Уже отмечалось, что обретя совет, хаузхолд Анны Датской превращался в самостоятельный, функционировавший на собственной основе организм. Вместе с тем изолированный от Эдинбурга географически, он был един с ним в административном плане: женская половина оставалась неотъемлемой частью единого придворного пространства, в рамках которого католики и протестанты были разведены по разные стороны.

Яков и позднее будет весьма эффективно использовать тактику разведения, создавая баланс сил в рамках уже английского двора. Стоит вспомнить его парные назначения на придворные службы, когда англичанин делил одну и ту же должность с шотландцем³⁰. Карл I, нарушивший этот баланс и отказавшийся от тактики разведения, ничего, как известно, не добился.

Составив первоначальный список кандидатов в придворный совет королевы, Яков сознательно определил характер многих, если не всех последующих назначений. Предлагая Мейтленда в качестве главы совета, он должно быть, пытался сделать ближайшее окружение королевы управляемым. Когда же конфликт вокруг канцлера достиг угрожающих результатов, Яков, прибегнув к посредничеству Елизаветы, весьма охотно одобрил кандидатуру Глинкерна, на понимание которого, как покажет будущее, мог вполне рассчитывать.

Клан Стюартов был влиятелен и внушителен по размерам, но далеко не все родственники Якова были протестантами. Двор

королевы стал для них прибежищем, а для короля, стремившегося в 1590-е годы к определенному дистанцированию от католических лордов, — шансом для их разведения с «надежной» половиной. Это в равной степени относится к ближайшим родственникам Якова — семейству Ленноксов.

Летом 1592 года одиозная для многих протестантов Генриетта Стюарт, графиня Хантли стала первой шотландской фрейлиной королевы. Она была женой Джорджа Гордона, одного из крупнейших католических лордов Шотландии, но при этом пользовалась безупречной репутацией, поскольку приходилась дочерью второму кузену короля, знаменитому и всесильному Эсме Стюарту, графу Ленноксу.

Известно, что Леннокс, возвратившись из Франции в 1579 году, снискал помимо искренней привязанности тринадцатилетнего Якова, его почти доверительные отношения. В 1582 году он получил в благодарность за поддержку молодого короля герцогский титул, но во время десятимесячного пленения юного Якова его вынудили покинуть Шотландию и вернуться во Францию, где Леннокс вскоре и умер. В Шотландии остались четыре дочери герцога, которых Яков всегда усердно опекал и продвигал при дворе. Две из них чуть позже стали женами двух близких ему еще по детским годам друзей — будущих графов Хантли и Мара. Генриетта Стюарт вышла замуж за Джорджа Гордона, шестого графа Хантли, вокруг которого уже в те годы консолидировались основные лидеры католической оппозиции — Френсис Хэй, девятый граф Эррол, Дэвид Линдси, одиннадцатый граф Кроуфорд, а также Джон Максвелл, восьмой лорд Максвелл³¹.

Хантли, лишенный прямого покровительства короля, не скрывал своей заинтересованности в установлении прочных связей с двором Анны Датской. Завоевать расположение юной королевы было несложно. Сам граф, не раз посещавший Данфермлин и Далкейт в 1590–1591 годах, подолгу беседовал с Анной о живописи и театре. Королева же испытывала слабость ко всему изящному и утонченно-

му. Он был в хороших отношениях с Ботуэллом которому Анна безмерно покровительствовала. Но претендовать на постоянное присутствие при дворе королевы он либо не мог, либо не хотел.

Он пользовался расположением Анны Датской. Не исключено, что он мог каким-то образом повлиять на выбор и персональный состав «избранных» назначений в ее придворный совет. Все четверо из первоначально вошедших в число советников кандидатов были так или иначе связаны с католической оппозицией и ассоциировались в сознании современников с ближайшими соратниками Хантли³².

Граф первым, но уже по поручению Якова, представил новую фрейлину королеве, хотя та в официальном представлении уже не нуждалась, поскольку Анна и Генриетта были знакомы еще с момента прибытия королевской четы в Ферт. Графиня Хантли, выросшая в утонченной интеллектуальной атмосфере, вскоре стала «лучшей фигурой» в окружении юной королевы. Для Якова леди Генриетта была членом большой королевской семьи. Для Анны, блестяще говорившая по-французски, — интересным собеседником, скрашивающим будни в Данфермлине и Далкейте. Для Хантли — должно быть, возможным каналом, сохранявшим влияние на королеву.

Леди Генриетта была воспитана в протестантском духе, но уже в начале 1590-х годов ее религиозные симпатии были далеки от протестантских, и по мере того, как между ее супругом и королем возникали конфликты, ее связь с католицизмом укреплялась. Изоляция графини при дворе королевы, таким образом, была желательной для самого Якова.

Она оказалась активной и деятельной особой, как и все придворные дамы, но стремившаяся при этом влиять на королеву, была не всесильна. Известно, что приходящиеся на 1593 год назначения двух католичек Барбары и Беатрис Рафин — сестер четвертого графа Гоури в придворный штат Анны Датской были сделаны по рекомендации графини Хантли, но и тогда их утверждение состоялось с молчаливого согласия короля. Несмотря на то, что Анна, как из-

вестно, продолжала поддерживать обеих сестер вплоть до своего отъезда в Англию, недовольство короля было весьма эпизодичным и скорее наигранным, в то время, как общественное мнение, увязывало ее настойчивость с возможным покровительством или даже участием в заговоре Гоури³³.

Графине достаточно часто отказывали в праве сопровождать Анну в Эдинбург. Несмотря на критику со стороны королевских чиновников и придворных, королева, ведомая теперь уже известными нам силами, демонстрировала упорство и добивалась ее присутствия, но и в том мог заключаться тайный умысел короля, чтившего семейные связи и традиции и, должно быть, не отказывавшего себе в желании видеть свою кузину. Даже, когда отношения Джорджа Гордона и самого короля зашли в тупик в конце 1599 года, Анна, продолжая оказывать покровительство леди Генриетте, «везде и всегда возила ее с собой», не испытывала противодействия со стороны царственного супруга³⁴.

Ценившая преданность графини Анна не раз покровительствовала ее брату Лодовику Стюарту, второму герцогу Ленноксу, религиозные симпатии которого, как известно, отличались скорее прокатолической, чем протестантской направленностью. Яков, безмерно благоволивший к кузену, тяготился его нерешительностью в религиозных вопросах, и когда тот случайно ранил в его присутствии лэрда Лоджи, известного своими протестантскими амбициями, лишил герцога права присутствовать на официальных церемониях в Эдинбурге, но опять-таки не возражал против того, чтобы Анна почти сразу пригласила его на месяц-другой к себе в Данфермлин.

Предполагать, что в шотландских условиях тактика разведения католиков и протестантов между дворами короля и королевы была безупречна, нельзя: слишком строптивой была юная Анна. Точно также, как нельзя думать, что в этой ситуации сама Анна Датская, да и окружавшие ее католики не строили далеко идущие планы. Королева влияла на свое окружение, «пробивая и лоббируя», как ей казалось, те или иные кандидатуры, демонстрируя при этом твер-

дость и безупречность нордического духа. Те же в свою очередь, попадая в ее окружение пытались не только отстаивать свои интересы, но и расширять имевшиеся к этому моменту связи. Формировался круг противоречий, которые Якову предстояло решать, но уже после рождения наследника престола.

1. Наиболее типичным примером такого отношения к Анне Датской и ее шотландскому двору являются высказывания Мориса Эшли: Ashley M. *The House of Stuart: its Rise and Fall*. London, 1980. P. 116; Дональда Уилсона: Willson D. *King James VI and I*. London, 1956. P. 403; Майкла Линча: Lynch M. *Scotland: a New History*. London, 1991. P. 233. Ни одна из названных работ не относится к числу специальных, но и среди посвященных непосредственно самой королеве, преобладают исследования, относящиеся к английскому периоду ее жизни. Так, в двух имеющихся в настоящее время биографиях Анны Датской шотландский период освещен бегло и явно недостаточно: Williams E. *Anne Denmark, Wife of James VI of Scotland & James I of England*. London, 1970; P. 10-11; Barroll L. *Anna of Denmark, a Queen of England*. Philadelphia, 2001. P. 19. Собственно придворной тематике посвящены статьи Лидас Бэрролла: Barroll L. *The Court of First Stuart Queen* // *The Mental World of Jacobean Court* / ed. by L. Peck. Cambridge, 1991. P. 191-209; и Барбры Левальски: Lewalski B. *Enacting Opposition: Queen Anne and the Subversions of Masquing* // *Writing Women in Jacobean England*. Cambridge, 1993. P. 15-45. См. также мою статью: Федоров С. Е. В поисках сценария: Анна Датская и ее последний путь // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2002. №3. С.43-68.
2. Об этом пишет Морин Мейкле: Meikle M. *A Meddlesome Princess* // *The Reign of James VI* / ed. by J. Goodare, M. Lynch. Tuckwell Press, 2000. P. 126-127.
3. Bergeron D. *Royal Family, Royal Lovers: King James of England and Scotland*. Columbia (MA), 1991. P. 42.
4. Stevenson D. *Scotland's Last Royal Wedding: The Marriage of James VI and Anne of Denmark*. Edinburgh: John Donald. Publishers, 1997. P. 1-16.

5. Papers Relative to the Marriage of King James the Sixth of Scotland with the Princess Anna of Denmark, A. D. 1589, and the Form and Manner of Her Majesty's Coronation at Holyroodhouse, 1590 / ed by J. T. Gibson-Craig. Bannatyne Club, 1828. P. 54.
6. Первый состав двора Анны засвидетельствован самим Мейтлендом: Selections from the Family Papers Preserved at Caldwell / ed. by W. Mure. Maitland Club, 1854. P. 83.
7. Calender of State Papers. Scotland, 1547–1603. 13 vols. London, 1898–1969. Vol. X. P. 371, 406. (Далее — CSP. Scot.); *Melville J. Memoirs of His Own Life*. Bannatyne Club, 1830. P. 393–394.
8. CSP. Scot. Vol. X. 632, 645, 649; *Melville J. Memoirs of His Own Life*. P. 394.
9. О самом канцлере см.: *Lee M. John Maitland of Thirlestane and the Foundation of Stewart Despotism in Scotland*. Princeton, 1959; CSP. Scot. Vol. X. 272, 308.
10. CSP. Scot. Vol. X. P. 631, 645, 649.
11. Оригинал брачного контракта королевы хранятся в Государственном архиве Дании (Копенгаген). Частичная публикация: *Stevenson D. Scotland's Last Royal Wedding*. P. 84–86. Полный латинский текст опубликован: *Traites du Danemark et de la Norvege (Danmark-Norges Traktater)*, 1523–1750. Copenhagen, 1916. P. 14–21.
12. CSP. Scot. Vol. X. P. 757, 788, 793, 824. Подробнее об отношениях Анны с канцлером в этот период см.: *Lee M. John Maitland...* P. 245–267.
13. Анна встретила впервые с графом Маршалом еще в Дании: CSP. Scot. Vol. X. P. 81, 103–105, 108, 126–127.
14. CSP. Scot. Vol. X. P. 626–627.
15. CSP. Scot. Vol. X. P. 587, 589, 610, 814.
16. *Melville J. Memoirs of His Own Life*. P. 403–404; *Chambers R. Domestic Annals of Scotland*. 3 vols. Edinburgh, 1861. Vol. I. P. 211–219; *Learner C. Enemies of God: the Witch-hunt in Scotland*. London, 1981. P. 83.
17. CSP. Scot. Vol. X. P. 601.
18. *Caldervood D. The History of the Kirk of Scotland*. 8 vols. London, 1898–1968. Vol. VI. P. 230, 231; *Register of the Privy Council of Scotland, 1545–1625*. 14 vols. London, 1877–1898. Vol. VI. P. 571, 577–578.
19. CSP. Scot. Vol. X. P. 788, 803, 824.

20. Roayal Historical Manuscripts Comission. Salisbury MSS. Vol. IV. P. 178; CSP. Scot. Vol. X. P. 602-610.
21. CSP. Scot. Vol. IX. P. 722.
22. Письмо не сохранилось, но современники достаточно часто упоминают о его благоприятном воздействии на отношения между королевой и канцлером (*Lee M. John Maitland... P. 266*).
23. CSP. Vol. X. P. 230-231. 233-234.
24. Например, Мейтленд был среди тех, кто сопровождал королеву в Стирлинг, когда она попыталась без разрешения короля встретиться со своим старшим сыном — принцем Генри. Различные упоминания о его участии в «нежелательных» действиях королевы: CSP. Scot. Vol. XI. P. 386, 416, 466, 476, 498, 529, 531, 550, 553, 559, 610, 624.
25. CSP. Scot. Vol. XI. P. 1 19-120, 343, 420, 472, 537.
26. Об этом свидетельствуют замечания епископа Лода, сделанные на полях рукописи, предназначавшейся для коронации Карла I и составленной на основе яковитского регламента (*St. John Library. MS. L.12. fol. 34*).
27. См. характерные в этом плане замечания В. Левадски: *Lewalski B. Enacting Opposition: Queen Anne and the Subversions of Masquing // Writing Women in Jacobean England. Cambridge, 1993. P. 15-45*.
28. *Lynch M. Queen Mary's Triumph: the Baptismal Celebration at Stirling in December 1566 // The Scottish Review. 1990. Vol. 69. P. 1-23*.
29. О перспективах такого подхода: *Федоров С. Е. «Альтернативный» двор в раннестюартовской Англии: принц Уэльский и его окружение в 1605–1612 гг. // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени / отв. ред. Г. Е. Лебедева. 1996. №1. С. 89-99*.
30. Вопрос обстоятельно исследован в диссертации В. С. Ковина: *Ковин В. С. Королевские слуги и яковитский двор в Англии 1603–1625 гг. Дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 1999*.
31. CSP. Scot. Vol. X. P. 591; Vol. XI. P. 233; Vol. XII. P. 730, 758.
32. *Calderwood D. The History of the Kirk of Scotland. Vol. VI. P. 193*.
33. CSP. Scot. Vol. XII. P. 679, 691.
34. CSP. Scot. Vol. XI. P. 681-683; Vol. XII. P. 313, 317; Vol. XIII. P. 133, 264.

В ПОИСКАХ СЦЕНАРИЯ: АННА ДАТСКАЯ И ЕЕ ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

Английский королевский церемониал¹ всегда отличался от его континентальных аналогов. Он начал складываться значительно раньше, чем общеевропейский, и даже во времена безраздельного господства католической церкви обнаруживал черты, дававшие право считать его оригинальным и в чем-то неповторимым². Даже тогда, когда бургундское влияние стало более чем очевидным, заимствования были только частичными, а их общее композиционное решение рождало негативные отклики континентальных соседей³.

Среди королевских церемониалов похоронные процессии были особенно необычны. Их своеобразие усилилось при Тюдорах, когда Англия взяла курс на отделение от католической церкви. Судьба потомков Генриха VII сделала их еще более своеобразными. Вынужденные ориентироваться в том числе на атрибуты женского правления, они преобразились, внося в королевскую символику ранее неизвестные формы⁴.

Стюарты продолжили искания Тюдоров, разработав собственный сценарий власти⁵. Похороны наследника престола — принца Генри, а затем Анны Датской — супруги Якова I Стюарта подвели в них известную черту, разведя мужскую и женскую обрядность. Це-

* Оригинальная публикация: Федоров С. Е. В поисках сценария: Анна Датская и ее последний путь // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2002. №3. С.43-68.

ремониал похорон принца Уэльского стал прообразом похоронной процессии Якова I и затем Карла II и Якова II Стюартов. Похороны Анны Датской⁶ — образцом для подражания в процессиях, организованных по случаю кончины представительниц знатнейших английских родов во второй половине XVII столетия и много позднее.

Королева Анна скончалась 2 марта 1619 г., но тело ее было предано земле только 13 мая того же года. Официальная причина смерти, засвидетельствованная ее личным врачом — датчанином Мейерном и его двумя английскими коллегами — докторами Аткинсом и Тарнером, гласила, что «сердце королевы остановилось», Анна «перестала дышать», и последствия этого «оказались необратимыми».

Анна долгое время страдала от двух типичных для того времени заболеваний. Доктора часто указывали на то, что «обе ноги королевы выглядят отеками из-за разбухших вен». Судя по всему, у нее был тромбофлебит, причина которого коренилась в последствиях тяжелых родов и малоподвижном образе жизни. Возможно, определенную роль играли осложнения после какого-то перенесенного в младенчестве заболевания: некоторые современники указывали на то, что по неизвестным причинам маленькую принцессу вплоть до девяти лет носили на руках, не давая ей двигаться самостоятельно. Наконец, у королевы случались частые легочные кровотечения, последнее из которых доктор зафиксировал в конце февраля 1619 г. Судя по симптоматике протекавших подобным образом обострений, Анна была больна еще и чахоткой — заболеванием то прогрессирующим, то входившим в стадию ремиссии.

Королева была не готова покинуть этот мир. Должно быть, она не отдавала себе отчета в том, что смерть ее была близка: обострения, как правило, были недолгими, и она регулярно появлялась на многочисленных в ту пору представлениях и даже отправлялась в поездки по стране. Но с конца февраля 1619 г. двор жил в ожидании кончины королевы. С 26 февраля в Гемптон-Корт стали съезжаться придворные. Прибыл туда и наследник престола Карл в сопровождении архиепископа Кентерберийского и епископа Лондонского. С самого

утра 1 марта двери королевской спальни были закрытыми для посетителей. В окружении двух наиболее преданных фрейлин — графинь Бедфорд и Эрандел, а также ее давней приближенной — датчанки Анны-Марии она предавалась воспоминаниям и молитвам. К вечеру того же дня королева впала в беспамятство, но около полуночи ее сознание прояснилось. Судя по всему, тогда состоялся последний разговор с сыном о завещании, которое так и не было составлено. Она смогла ответить на вопросы о судьбе принадлежавших ей драгоценностей, и сделать последние распоряжения. Около трех часов ночи ей стало хуже, и к шести часам утра 2 марта 1619 г. Анна Датская скончалась. Ее тело было предано земле 13 мая.

Причины столь длительной подготовки официальной церемонии похорон королевы до сих пор вызывают недоумение. В английской истории это, пожалуй, единственный пример беспрецедентных церемониальных проволочек.

Церемониал погребения английских монархов, действовавший в начале XVII в., был разработан Коллегией герольдов совместно с Маргарет Бофорт — бабушкой Генриха VIII. Он был известен как Вестминстерский порядок. Предусмотренная в нем процедура похорон была в религиозном отношении нейтральной, что сохраняло определенную привлекательность этого регламента и для протестантски ориентированных монархов⁷. Этот порядок содержал все необходимые рекомендации и разъяснения церемонии похорон монарха-мужчины и наследных принцев. Женская половина королевской семьи — собственно королевы и принцессы — подлежали захоронению согласно сокращенной процедуре, которая в целом не утрачивала сходства с начальной версией Вестминстерского порядка.

Трудности с использованием этого регламента возникли тогда, когда умерла Мария Тюдор. Герольдмейстеры столкнулись с противоречием, поскольку обе версии регламента — полная и сокращенная — учитывали ситуацию, когда на престоле находился государь/мужчина, а королева/женщина была лишь его супругой. Именно тогда в регламент были внесены поправки, и он претерпел

существенные изменения, касавшиеся символики власти и атрибутов женского правления. Элементы, заимствованные для создания обновленной версии церемониала, были скорее испанскими, чем английскими, а религиозные акценты процедуры — ортодоксальными католическими. После смерти Елизаветы Тюдор Коллегия герольдов пересмотрела и изъяла исправления, внесенные в регламент после смерти ее старшей сестры, и восстановила начальную версию.

В основу процессии и процедуры погребения Анны Датской была положена сокращенная версия Вестминстерского порядка. Об этом свидетельствуют сохранившиеся описания похорон королевы-консорта, хранящиеся в Бодлеанской библиотеке в Оксфорде⁸, а также опубликованные Джоном Николсом регламенты из коллекции Бирча в Британской библиотеке⁹. Эти документы фиксируют только часть процедуры — процессию от Денмарк-хауза до Вестминстера и церемонию оплакивания и подношения даров усопшей. События, происходившие в Гемптон-Корте и затем в Денмарк-хаузе до начала официальной процессии, в них не описываются; их освещают современники (в частности хорошо информированный Джон Чемберлен). В сообщаемых ими сведениях много несоответствий и противоречий, хотя некая общая канва все же ощутима.

Смерть английских монархов и членов их семей влекла за собой целую серию последовательно исполнявшихся процедур и церемоний. После официального освидетельствования смерти начиналась процедура бальзамирования тела усопшего. Затем гроб с телом покойного выставлялся для всенощного бдения в специально отведенном для этого холле — процедуре, длившейся около семи дней и предполагавшей присутствие узкого круга придворных капелланов и джентльменов/дам. Далее гроб, водруженный на катафалк-колесницу, перемещали в один из лондонских королевских дворцов, где, как правило, в придворной часовне организовывали периодически повторявшиеся службы, куда допускали знать и придворных. Продолжительность этой части церемонии могла варьироваться, но, как показывает практика, англичане отводили для нее более скромные

сроки, чем их континентальные соседи. Следовавшая за этим церемония перемещения гроба с телом усопшего в Вестминстер была, несомненно, наиболее регламентированной и упорядоченной, символизировавшей величие умершего монарха или члена его семьи. С начала XVI века дальнейшие мероприятия проходили в часовне Генриха VII — усыпальнице Тюдоров и практически всех Стюартов. Именно там последовательно происходили процедуры оплакивания усопшего, подношения даров и само захоронение.

Было бы ошибочным предполагать, что процедура похорон Анны Датской с точностью повторяла версию погребального церемониала ранних Тюдоров. При самом поверхностном сличении сохранившихся описаний и регламента процедуры с елизаветинскими обнаруживаются определенные расхождения. Во-первых, герольдмейстеры (Подвязки, Кларенсо и Норрой), готовившие процедуру захоронения, должны были учесть появившийся на момент коронации Якова I Стюарта и Анны Датской титул новой королевы. Она, как известно, была коронована в качестве королевы-консорта, т.е. королевы-супруги. Ранее регламенты не выделяли подобного статуса. В версии коронационного регламента 1603 года подобное уточнение становилось ощутимым и улавливалось в символике и атрибутах, обозначающих место королевы-консорта в торжественной процессии. Во-вторых, определенное значение имело отсутствие монарха на церемонии погребения. Яков, избегавший «печальных» событий, не присутствовал ни на похоронах старшего сына — принца Генри (1612 год), ни жены.

Итак, Анна скончалась 2 марта 1619 года. До 9 марта набальзамированное тело находилось в королевском дворце в Гемптон-Корте, а затем было перенесено в Денмарк-хауз — перестроенный по проекту Иниго Джонса старый дворец герцога Сомерсета.

Что происходило сначала в Гемптон-Корте, а затем в Денмарк-хаузе вплоть до начала мая 1619 года практически неизвестно. Времени от времени туда наведывались принц Карл, архиепископ Кентерберийский и глава лондонской епархии, но основная тяжесть

приготовлений падала на придворных дам и кавалеров. Чемберлен сообщает, что те, кто непрестанно находились с телом королевы, жаловались на усталость и недоумевали на счет отсутствия конкретных распоряжений по поводу предстоящих похорон. Ходили слухи, что причиной задержки являются финансовые сложности, которые испытывал король в этот момент. Некоторые полагали, что английские герольдмейстеры заняты составлением нового регламента. Кто-то видел причины задержки в очередной болезни короля. Часть придворных все-таки были склонны считать, что торжественное погребение королевы состоится сразу же после Пасхи и, следовательно, надеялись, что все произойдет не позднее конца апреля¹⁰. Так или иначе похороны задерживались.

Только к вечеру 2 мая 1619 года гроб с телом королевы, покрытый золотой парчой, был установлен в холле Денмарк-хауза, после чего началась изрядно запоздавшая подготовка процедуры всенощного бдения. Для этой цели во дворец прибыли четыре королевских капеллана, двое из которых несли верную службу королеве на протяжении многих лет. В полном составе собрались ее личные фрейлины, приехал принц Карл. Присутствовавшие при подготовке церемонии архиепископ Кентерберийский и епископ Лондонский удалились из дворца, когда пробило полночь. 3 мая, согласно сложившейся традиции, гроб был перенесен во дворцовую часовню, где впервые после длительного перерыва собрался весь двор Анны Датской. Для участия в первой официально назначенной траурной службе к придворным королевы присоединились титулованная знать, епископы и принц Карл. На протяжении десяти последующих дней подобные службы повторялись. Причем перед каждой герольдмейстер Норрой торжественно оглашал все титулы усопшей королевы.

Утром 13 мая траурная процессия двинулась из Денмарк-хауза в Вестминстер, где в часовне Генриха VII должно было состояться погребение. Гроб с телом покойной королевы был установлен на колеснице, задрапированной золотой парчой. На ней же установили барельеф с изображением Анны Датской, работы Максимилиана

Колта¹¹. Барельеф искусно прикрепили к колеснице шелковыми лентами, на которых были вышиты изображения с символикой королевских домов Англии, Шотландии и Дании. Шестерка лошадей, запряженных в колесницу-катафалк, была покрыта попонами из черного бархата, спускавшимися до самой земли. В их хвосты заплели шитые золотом траурные ленты, сделанные из того же черного бархата.

Вся процессия символизировала величие усопшей и подчинялась строгой иерархии¹².

Впереди процессии, облаченный во все черное, шел лорд Эффингем, державший знамя Норвегии. За ним двигались трубачи. Следом — с опущенными головами 260 нищих, специально собранных по всему Лондону и ближайшей округе. Далее в определенном порядке шествовала младшая прислуга королевы, представлявшая различные службы ее хаузхолда. За ними в три колонны шли граверы и виночерпии королевы, ее советники и юристы. Завершал эту часть процессии начальник королевского Суда по опеке.

Отдельно друг за другом шествовали сэр Томас Стаффорд — придворный инспектор королевы и сэр Томас Трейси — ее казначей. За ними — лорд Клиффорд нес поднятым знамя Дании.

Следующая часть процессии, согласно традиции, должна была символизировать начало иерархии титулов, ее основание. В четырех колоннах по шесть человек в соответствии с порядком следования двигались 24 барона. Каждая из колонн попарно замыкалась ее наиболее родовитым представителем, так обозначалось направление качественно возрастающей родословной, и образовывалось подобие четко размеченных генеалогических треугольников или пирамид. Бароны должны были олицетворять единство английской, шотландской и ирландской знати.

Левая колонна в основании была представлена шотландским лордом Дингуоллом, обретшим титул 8.06.1609. Далее по порядку шли лорды Ниветт (4.05.1607), Данверз (21.07.1603), Грей Бриджес, представлявший пятое поколение лордов Чандосов, Эдвард Кромвелл, пятый барон Кромвелл, Эмманюэль Скруп, одиннадца-

тый барон Скроуп из Болтона. Следующая (слева направо) колонна начиналась шотландцем-лордом Кланкливеном (10.08.1607), затем по порядку шли лорды Эранделл из Уордура (4.05.1605), Расселл (21.07.1603), Дадли Норт, представлявший третье поколение баронов Нортов, Джон Мордонт, пятый барон Мордонт, Томас Стаффорд, тринадцатый барон Стаффорд. Третью колонну открывал лорд Дигби (25.11.1618), далее последовательно шествовали лорд Денни (20.10.1604), Френсис Норриз, представлявший второе поколение баронов Норризов из Рикота, Уильям Пэджит, восстановленный в наследственных правах на титул (18.04.1604) и, следовательно пятый барон Пэджит, Томас Уэнтворт, четвертый барон Уэнтворт и Грегори Дакр, восьмой барон Дакр. Четвертая колонна начиналась с барона Хаутона (1616), затем шли лорды Спенсер (21.07.1603), Оливер Сент-Джон, представлявший третье поколение баронов Сент-Джонов из Блесто, Эдмунд Шеффилд, третий барон Шеффилд, лорд Уиндзор, представлявший шестое поколение баронов Уиндзоров, лорд Беркли, восьмой барон Беркли. Над первой и второй колонной главенствовал Роберт Берти, четырнадцатый барон Уиллогби из Ресби; над второй и третьей — Эдвард Зуч, одиннадцатый барон Зуч, а над третьей и четвертой — Эдвард Невилл, восстановленный в правах на родовой титул (25.04.1604) и, следовательно, десятый барон Эбергавенни.

Указанные в регламенте персоны свидетельствуют о том, что ирландское баронство оказалось на этом уровне непредставленным. Шотландское также присутствовало весьма условно (двое против двадцати двух). Приоритет, отданный англичанам, казалось, должен был преследовать вполне определенную цель: их было изначально больше. Порядок следования среди них считался наиболее выверенным, но и в этом случае выстроенная композиция на деле была недостаточно продуманной, если не случайной.

Следуя традиционным принципам ранжирования, герольдмейстеры должны были создать в генеалогическом отношении правильные прямоугольники, в которых каждая активная точка — участву-

ющий в процессии барон должен был рядопоставлен так, чтобы каждая колонна сочеталась с другой вполне определенным образом. Начало и конец одной колонны должны были соответствовать началу и концу другой так, чтобы при чтении родословная участников возрастала не только справа налево, но и сверху вниз. Но требуемые пропорции не были соблюдены как внутри колонн, так и среди главенствующих над ними баронов.

За баронами шествовали духовные лорды — епископы. Согласно установившейся практике, они двигались по двое в четырех колоннах в соответствии с годами посвящения в епископский сан. Логика подсказывала, что справа налево между колоннами и снизу вверх внутри колонн должны были читаться те же принципы, что и у предшествующей группы. В левой колонне в основании шествовал епископ Бристоля, впереди него — Или; далее — епископ Чичестера, перед ним — Дарема; затем Ковентри, а впереди него — Уинчестера; в крайней правой колонне шли епископ Рочестера, впереди него — Лондона. Семеро из них представляли церковную провинцию Кентербери и только епископ Уинчестера — Йоркскую. Среди них не было викарных епископов.

Любопытна фигура, которая выстраивалась в этой части процессии. Справа налево, т.е. от епископа Рочестера к епископу Бристоля и от епископа Лондона к епископу Или возрастал срок пребывания во главе епархии. Также сохранялась правильная пропорция и внутри колонн. При этом Даремская и Уинчестерская епархии оказывались самыми древними. Получалось так, что их главы как бы выступали вперед, а стоявшие в том же ряду главы Лондонской и Илийской епархий несколько задвигались. Епископы, шествовавшие в заднем ряду, образовывали в целом единый ряд: возникала фигура 2+2+4.

Следующую фигуру похоронной процессии образовывали лорды старшие сыновья, носившие так называемые титулы учтивости. Регламент не дает четких рекомендаций относительно того, как должна была быть организована эта часть процессии. Есть указание лишь на то, что в основании шествовал Джон Полетт, лорд Полетт,

приходившийся вторым сыном Уильяму Полетту, маркизу Уинчестеру, а далее — старшие сыновья графов. Судя по всему, их строй должен был все-таки напоминать колонну, поскольку лорды Кавендиш (старший сын графа Девоншира), Берли (графа Экзетера), Уолден (графа Саффолка), Бичам (графа Гертфорда), Райозли (графа Саутгемптона), Фитцуолтер (графа Сассекса), Клиффорд (графа Камберленда), Рафин (графа Кента), Мотраверз (графа Эрандела и Сарри), перечислены в регламенте в порядке возрастания их родословной.

Уильям Кавендиш — отец лорда Кавендиша, открывавшего колонну, стал графом Девонширом 7.08.1618, а Томас Говард — отец лорда Мотраверза, возглавлявшего ее, был восстановлен в наследственных правах на титул как двадцать шестой граф Эрандел и Сарри 18.04.1604 и, следовательно, считался самым родовитым среди перечисленных особ. Недоумение вызывает позиция, отведенная лорду Клиффорду, уступавшему в родословной как своему предшественнику, так и следовавшему за ним лорду: он приходился сыном пятому графу Камберленду в то время, как предстоявший ему лорд Фитцуолтер — десятому графу Сассексу, а надстоявший ему лорд Рафин — семнадцатому графу Кенту.

Обычно подобные ситуации специально оговаривались в регламентах и, кроме того, весьма ревниво воспринимались участниками процессии. Но в двух сохранившихся описаниях церемонии не содержится никаких разъясняющих это обстоятельство положений; да и современники, судя по всему, на этот счет никак не отреагировали: о смысле состоявшегося нарушения приходится только гадать.

За старшими сыновьями графов шествовали виконты Хаддингтон (Джон Рамзи) и Уолингфорд (Уильям Ноллиз). Первый был шотландцем, а второй — англичанином. Оба представляли знать династии: продвижение барона Ноллиза из Риконта к виконтскому титулу Уоллингфорда состоялось 7.11.1616, а креация Хаддингтона — 11.06.1606.

Лорд Обиньи — старший сын Лодовика Стюарта, графа Леннокса, был единственным среди представлявших эту часть процес-

сии и соответствующий ранг в порядке следования особ. Благодаря ему число шотландцев, участвующих в похоронах Анны Датской, увеличивалось до четырех человек.

Следующую фигуру в траурном шествии занимали графы. Регламент выстраивал эту часть процессии подобно тому, как было организовано шествие баронов. Четыре колонны по два человека в каждой и трое ведущих эти колонны графов образовывали подобие треугольников. В крайней левой колонне шли сначала граф Келли, а впереди него граф Бриджуотер; далее в той же последовательности графы Девоншир и Солсбери, Уорвик и Дорсет, Нортгемптон и Линкольн. Между первой и второй колонной впереди — граф Эссекс; между второй и третьей — граф Саутгемптон; между третьей и четвертой — граф Сассекс.

Среди всех перечисленных графов только Томас Эрсклайн (Келли) был шотландцем; все остальные — англичанами. Самым знатым преемником графского титула был Роберт Деверо, насчитывавший в родословной девятнадцать предшественников. Генри Говард, граф Нортгемптон, Роберт Рич, граф Уорвик, Томас Саквилл, граф Дорсет, Джон Эгертон, граф Бриджуотер были яковитскими креатурами. Джон Сесил, второй граф Солсбери был старшим сыном Роберта Сесила, получившего графский титул 4.05.1605. Генри Райозли, четвертый граф Саутгемптон был восстановлен в наследственных правах на титул 21.07.1603. Только Джон Клинтон, восемнадцатый граф Линкольн и Роберт Рэдклифф, десятый граф Сассекс были потомками достюартовских креатур.

В целом представленная композиция титулов была составлена с нарушением требуемых правил. Лишь отчасти внутри пар порядок следования сохранен, но между колоннами явно нарушен; среди ведущих колонны графов только Сассекс и Эссекс занимают, казалось бы, подходящие места (от десятого колена к двадцатому), но в отношении Линкольна позиция Сассекса явно носит дискриминирующий характер (от восемнадцатого к десятому). Позиция Саутгемптона выглядит почти исключительной, хотя его тесные связи

с двором Анны Датской, возможно, но лишь только отчасти проявляют такое ранжирование.

Впереди таким образом выстроенной фигуры участвовавших в процессии графов шествовал лорд-канцлер Бэкон. Его положение как бы завершало иерархию титулов английской и шотландской знати, подчеркивая то место, которое это должностное лицо занимало в верхней палате парламента. Известно, что к моменту похорон Анны Датской Френсис Бэкон был лишь бароном Веруламом и надстоять над графской процессией ему позволяла канцлерская должность — обстоятельство, специально оговоренное в регламенте.

Канцлер, подчеркивавший в какой-то мере иерархию светских титулов, уступал место в процессии архиепископу Кентерберийскому (Джорджу Эбботу) — примасу англиканской церкви. Он, особым местом в процессии, также подчеркивал конец иерархии духовных титулов.

В следующем ряду Филипп Герберт, граф Монтгомери (англичанин) и Джон Мюррей, граф Тулибардин (шотландец) несли Большое знамя с объединенной символикой Англии и Шотландии. Герольдмейстеры Кларенсо и Норрой (в центре), персиванты Колборн (слева) и Стюард (справа), следуя чуть впереди, акцентировали значимость этой части процессии и близость центра события. От колесницы-катафалка их отделяли лорд-чемберлен (Роберт Сидни, граф Лестер) и лорд-стюард (Эдвард Сеймур, граф Гертфорд) хаузхолда королевы и шествовавший за ними принц Уэльский Карл.

Траурный катафалк королевы был установлен на колеснице, запряженной шестеркой великолепных лошадей. Со всех сторон в несколько рядов его окружали скорбящие. Впереди, как уже отмечалось, шел облаченный в черный бархат наследник престола. По бокам — самые родовитые и высокопоставленные представители английской титулованной знати.

Начиная с принца Уэльского порядок церемонии изменялся. До наследника престола принципы следования участвующих в церемонии особ предполагали нарастание как родословной, так и знат-

ной составляющих. От прица Уэльского в силу вступал иной принцип: обе составляющие действовали теперь в убывающей последовательности.

Справа за Карлом двигались по порядку двадцать шестой граф Эрандел, за ним — восемнадцатый граф Оксфорд. Третья позиция в правой колонне была обозначена как предназначавшаяся маркизу Бекингеу. Любопытный момент: титул маркиза по естественным причинам был выше, чем титулы даже таких графов как Эрандел (Томас Говард) и Оксфорда (Генри де Вер), несмотря на то, что продвижение Джорджа Вильерса к новому титулу состоялось только 4.01.1618. Его место в церемонии должно было предшествовать обоим графским позициям. При этом оба сохранившихся регламента подтверждают мнение, что Бекингом отсутствовал на траурной церемонии и был вместе с королем в Теобалдсе. При этом утвержденный в качестве замены Френсис Маннерз, граф Ратленд — шурин фаворита уступал и де Верам, и Говардам в родословной. Однако, если нарушения порядка следования среди присутствовавших на похоронах королевы баронов никак не оговаривались, то факт специального распоряжения в пользу Ратленда — документально зафиксирован.

В левой колонне шествовали Чарльз Говард, десятый граф Ноттингем, Уильям Герберт, двадцать второй граф Пемброк и затем Джон Гамильтон, первый маркиз Гамильтон и граф Эрран. Относительно предпочтения, отданного Говарду, в регламенте нет никаких пояснений. Факт — необычный, но все-таки, как представляется, весьма симптоматичный.

К моменту похорон Анны Датской Чарльз Говард помимо прочих занимал должность лорда-адмирала Англии, а Уильям Герберт — лорда-чемберлена. Официально действующий порядок следования¹³ не оговаривал отдельно позиции, которые должны были занимать лорд-адмирал Англии и лорд-чемберлен королевского хаузхолда, поскольку в начале XVII века эти должности занимали исключительно пэры. Как свидетельствуют факты, ранжирование

пэров, занимавших такие государственные посты, осуществлялось при Якове I с учетом S. 8 парламентского акта 1539 года, известного как *The House of Lords Precedence Act*. В нем содержались четкие разъяснения, что лорд-адмирал Англии всегда предшествует лорду-чемберлену в том случае, если должности занимают пэры одинакового достоинства. В данном случае Говард и Герберт были графами, следовательно, их ранжирование в траурной колонне было осуществлено согласно указанному акту.

У основания гроба посередине шел глава королевских герольдов — герольдмейстер Подвязки сэр Уильям Сегар. Справа и слева от него двигались персиванты Бэтелл и Таншелл.

Катафалк королевы накрывал специально сооруженный по этому поводу балдахин, который несли разделенные на две колонны двенадцать рыцарей, расположенных в порядке убывания дат креаций. Рядом с ними в той же последовательности двигались знаменосцы, державшие так называемые надгробные знамена (*bannerolles*), символизировавшие родственные связи усопшей королевы. В правой колонне по порядку несли надгробные знамена Англии и Дании; Дании и Саксонии; Дании и Померании; Ольденбурга и Бранденбурга; Ольденбурга и Шлезвига; Ольденбурга и Голштейна. В левой колонне: Дании и Мекленбурга; Саксонии и Брауншвейга; Померании и Польши; Бранденбурга и Саксонии; Шлезвига и Брауншвейга; Ольденбурга и Дейпхольта.

В двух крайних колоннах двигались десять рыцарей в соответствии с датами креаций, которым предстояло снять гроб с катафалка, водрузить на специально сооруженные носилки и затем внести его в часовню Генриха VIII через западные ворота.

За королевским герольдмейстером на расстоянии двадцати шагов, облаченная в черный шитый по краям золотом покров, двигалась главная скорбящая — Элтеа Тэлбот, графиня Эранделл (обер-камеристка Анны Датской). Ее траурный шлейф за оба конца поддерживали Элизабет де Вер, графиня Дерби и Франсес Сидни, графиня Сассекс; между ними шел Джордж Керью, лорд Керью

из Клоптона — вице-чемберлен хаузхолда королевы. Справа и слева от главной скорбящей двигались Эдвард Сомерсет, граф Вустер (лорд-хранитель Малой королевской печати) и Лодовик Стюарт, герцог Леннокс (любопытно, но к этому времени он был уже графом Ричмондом, 6.10.1613) — лорды скорбящие.

Графини-помощницы главной скорбящей образовывали следующую фигуру похоронной процессии. Они шествовали в четыре колонны по три особы в каждой. Вторую и третью колонны замыкали еще две графини-помощницы Катарин Клифтон, леди Обиньи и Джоан Бойл, графиня Килдар. Первая вовсе не была графиней и ее участие в траурной процессии объясняется только родственными связями ее мужа Эсме Стюарта, приходившегося вторым кузеном Якову I Стюарту. Присутствие леди Джоан Бойл — единственный для этой церемонии факт участия жены ирландского графа. Семейству Килдаров будет оказана исключительная для этой церемонии честь, поскольку помимо жены Килдара в процессии будет участвовать и его тетка — баронесса Оффали.

В первой слева колонне шли по порядку Катарин Сеймур (Гертфорд), Элизабет Кранфилд (Бриджуотер), Элизабет Уортли (Девоншир); во второй — Мэри Сидни, вдова двадцать второго графа Пемброка, Франсес Смит (Экзетер), Пенелопа Деверо (Уорвик); в третьей — Люси Гаррингтон (Бедфорд), Энн Саквилл (Дорсет), Барбра Гемидж (Лейстер); в четвертой — Элизабет Вернон (Саутгемптон), Элизабет Клинтон (Линкольн) и Мэри Бомонт, графиня Бекингем (мать маркиза Бекингема).

Женская часть процессии с точки зрения ее комплектования была наиболее непоследовательной. Мотивы, по которым формировался ее состав, остаются неизвестными. Должно быть, существовали какие-то дополнительные разъяснения, не сохранившиеся до наших дней. Этель Уильямс приводит сведения о разногласиях по поводу кандидатуры главной скорбящей¹⁴. На эту церемониальную должность претендовали изначально Элтеа Тэлбот, графиня Эрндел и Маргарет Стюарт, графиня Ноттингем. Последняя на-

стаивала на предпочтении, основывая притязания на том, что ее муж Чарльз Говард — лорд-адмирал Англии. Но древность рода леди Элизабет, а также родословная ее мужа все-таки оказались более весомым аргументом, чем те, на которых настаивала графиня Ноттингем. Судя по всему, ранжирование женских позиций в траурной процессии было осуществлено именно с учетом каких-то дополнительных аргументов. В противном случае объяснить имевший место порядок не представляется возможным.

За графинями-помощницами следовала любимая лошадь Анны Датской Персиваль, поддерживаемая под уздцы шталмейстером королевсы сэром Томасом Сомерсетом.

Выстроенная за шталмейстером фигура была составлена в основном из жен старших сыновей английских графов, шедших в три колонны по семь особ в каждой. Композиция фигуры должна была ориентироваться на определенные принципы мужского порядка.

Официальный порядок следования отдавал предпочтение только старшим сыновьям маркизов, младшим сыновьям герцогов королевской крови и старшим сыновьям маркизов, рожденных графами, которые по сложившейся традиции должны были следовать за графами, но впереди виконтов. Очевидно, что по аналогии с этими требованиями выстраивались и соответствующие женские порядки.

В процессии, двигавшейся за шталмейстером королевы, женские позиции, приравненные к виконтским, не были выделены в отдельную фигуру. За женами старших сыновей графов следовали баронессы. Согласно установленным правилам для мужского порядка, впереди баронов должны были следовать младшие сыновья герцогов, рожденные графами, но таковые на церемонии также не присутствовали.

Должно быть, отчасти в силу этих обстоятельств фигуры, предназначенные для особ перечисленных выше рангов, были попросту изъяты, а вместо них была буквально вставлена та, что описывают оба сохранившихся регламента. Состав колонны в целом органичен и знатность супругов, казалось бы, полностью соблюдена. От леди

Фитцуолтер — невестки графа Сассекса (первая в левой колонне) до леди Уолден — невестки графа Саффолка (третья в правой колонне) все необходимые условности соблюдены. Но при этом складывается впечатление, что в достаточно ровный строй англичанок, видимо, составленный заранее, были сделаны более поздние и, как представляется, весьма поспешные вставки. Мотивы, которыми руководствовались организаторы, мне неизвестны.

Появление в этой части процессии Люси Перси, виконтессы Донкастер, двигавшейся первой в третьей колонне, следовательно, обозначенной самой знатной из всех составлявших эту фигуру особ, может вызывать недоумение при том, что отсутствие других виконтесс в процессии выглядит вполне объяснимым.

К моменту похорон королевы в Англии ситуация с виконтскими достоинствами складывалась весьма особым образом. Из двух елизаветинских виконтов-англичан Томас Говард, виконт Говард из Биндона скончался в 1611 году, не оставив после себя ни наследников, ни вдовы: его титул был объявлен выморочным. Здравствующий Этайни Мария Браун, виконт Монтагю, к этому времени овдовел. Из яковитских виконтов Томас Эгертон, виконт Брэкли скончался в 1617 году, успев к тому времени похоронить свою жену. Его сын был продвинут Яковом к графскому титулу Бриджоутеров 27.03.1617. Уильям Ноллиз, виконт Уоллингфорд, шедший за графами вместе с виконтом Хаддингтоном, был вдовцом, так что единственным, женатым на тот момент английским виконтом оставался Джеймс Хэй, виконт Донкастер.

Шотландец Джон Рамзи, виконт Уоллингфорд был к тому времени вдовцом, а его соплеменник Джон Мэйтленд, виконт Лодердейл в отличие от него был женат, и отсутствие его самого и супруги на похоронах королевы, пожалуй, необъяснимо, если учитывать его особые связи с королем.

Ирландцев, как уже легко можно было убедиться, от церемонии похорон королевы Анны фактически отстранили, а виконтов не пригласили и вовсе. Ирландские тюдоровские виконты Батте-

вант, Маунтгаррет, Горманстон, Фермой, а также яковитские — Батлер, Пауэрзкорт были женаты и, должно быть, могли прислать жен ко двору, но приглашение не было послано, и фигура, которая предназначалась для виконтесс явно не получалась.

Видимо, поэтому леди Люси Перси оказалась первой и единственной виконтессой в фигуре, следовавшей за шталмейстером королевы. Остальные особы женского пола, представлявшие старших сыновей графов, гармонично вписывались в установленный для процессии порядок.

Второе обстоятельство, явно нарушавшее порядок следования, касалось жен шотландских лордов, включенных в эту часть процессии. Из двадцати особ, следовавших за виконтессой Донкастер, леди Сьюзан Лонгвилл (четвертая во второй колонне), леди Кланкливен (пятая в той же колонне) и Элизабет Горджес (пятая в третьей колонне) были женами сыновей шотландских лордов. Каждая из них по полагающейся процедуре должна была быть включена в отдельную колонну в соответствии с родословной их мужей или датами креаций последних и таким образом следовать в процессии. Однако позиции, которые занимают леди, разбиты по двум колоннам (второй и третьей), и осуществленное таким образом ранжирование явно предполагает нарушения.

Как отмечалось ранее, виконты Хаддингтон и Уоллингфорд следуют по отдельности и представляют два пэрских порядка в соответствии с датами возведений — обстоятельство вполне допустимое. Смешение английских и шотландских позиций в порядке следования жен старших сыновей графов — обстоятельство непривычное, необычное и вряд ли объяснимое. Не проясняет этот вопрос и следующая фигура процессии, в которой шествуют баронессы и где шотландские, английские и появляющаяся ирландская позиции — напротив не совмещены.

Баронесса Оффали — сестра Уильяма Фитцджералда, тринадцатого графа Килдара, разделившая наследственный титул Килдаров и Оффали после его смерти с племянником Джералдом Фитцджерал-

дом, четырнадцатым графом Килдаром, была второй (помимо Джона Бойл — жены пятнадцатого графа Килдара) представительницей этого старинного англо-ирландского рода на траурной церемонии. Энн Чичестер, баронесса Кинлосс — жена Томаса Брюса представляла третье поколение лордов Брюсов из Кинлоса. Обе баронессы шли за четырьмя колоннами, образованными двадцатью английскими баронессами и, не нарушая общего порядка, занимали отдельные позиции между третьей и второй, второй и третьей колоннами.

Последнюю значимую фигуру в процессии занимали камеристки королевы, выстроенные в три колонны по двенадцать особ в каждой, замыкавшиеся двумя фрейлинами-датчанками. Далее следовали прислуживавшие графиням-помощницам служанки; за ними — приживалки королевы Анны: датчанки Томсен, Анна-Мария, Дуппа, Сванстид, Ридер, Мюллер, француженки Лавьен, Гвильом и Тилльер. Далее двигались служанки жен старших сыновей графов. Каждая из частей, замыкавших процессию прислуги, таким образом, в очередной раз подчеркивала значимые приоритеты обозначенной ранее иерархии женских титулов. Замыкал процессию капитан королевских гвардейцев (лорд Уолден) и следовавший за ним вооруженный отряд.

Процессия, достигнув входа в часовню Генриха VII, остановилась. Началась перестройка ее рядов. Участвующие в ней слуги и знать расступились так, что главенствующей фигурой стал архиепископ Кентерберийский. Лорд Эффингем, несший знамя Норвегии, торжественно прошел вдоль расступившихся рядов и встал за графами Монтгомери и Туллибардином, державшими Большое знамя. Архиепископ Кентерберийский вместе со стоявшими за ним особами первым вошел в часовню.

Процессия сократилась так, что принц Карл и двигавшаяся за ним колесница-катафалк выдвинулись вперед. При этом королевский герольдмейстер (Уильям Сегар) и два персиванта, покинув прежние позиции, описав против часовой стрелки полукруг, обогнули тем самым гроб с телом усопшей и встали впереди наследника престола, возглавив процессию.

Балдахин, возвышавшийся над катафалком, был сдвинут и собран; двенадцать рыцарей, несших его, встали слева от входа в часовню. Рыцари, несшие надгробные знамена, разделились. Шестеро из них, начиная от сэра Кэри Реннелла, державшего знамя Англии и Дании, до сэра Ричарда Янга, несшего знамя Олденбурга и Голштейна, заняли места в той же последовательности справа от входа в часовню, а шестеро во главе с сэром Робертом Осборном, державшим знамя Дании и Мекленбурга, слева от входа.

Облегченная таким образом процессия включала герольдмейстера Подвязки, двух персивантов, следующего за ними принца Карла, катафалк, окруженный с каждой стороны графами и рыцарями, которым надлежало снять гроб с катафалка и на специальных носилках внести в часовню. Оставшаяся часть процессии сохраняла прежний состав.

Снятие гроба с колесницы-катафалка и его перемещение на носилки — одна из наименее ясных частей церемонии. Носилки были подготовлены заранее и находились где-то у входа в часовню. Возможно, именно носилки служили центром, вокруг которого выстраивались рыцари, несшие балдахин и рыцари-знаменосцы.

Э. Уильямс, упоминая эту часть ритуала, указывала, что гроб с телом усопшей королевы через западные ворота часовни был внесен графами Эранделом, Пемброком и Оксфордом, маркизами Бекингемом и Гамилтоном¹⁵. Она ошибается. Известно, что Бекингема на церемонии не было, его заменял граф Ратленд. Граф Ноттингем, возможно, гроба не нес. На момент похорон он был в очень преклонном возрасте: ему шел восемьдесят четвертый год. Так или иначе пять человек не могли нести гроб: требовался, хотя бы ради симметрии еще один человек. Уильямс этого противоречия не замечает. Складывается впечатление, что она в чем-то уподобляет описываемый процесс современному.

На самом деле графы (включая престарелого Ноттингема) и маркиз только снимали гроб с катафалка и устанавливали его на носилках. Рыцари, стоявшие слева и справа от графов, вносили

гроб в часовню. Затем графы и маркиз переставляли его с носилок и устанавливали на специально сооруженный перед алтарной частью постамент. Происходившее далее полностью следовало установившейся традиции и повторяло в сокращенной форме церемониал похорон Елизаветы Тюдор.

После отпевания, совершенного архиепископом Кентерберийским, следовала церемония подношения даров усопшей. Любопытен факт, что оба сохранившихся регламента не указывают на то, что собственно подносили к гробу королевы. Обычная процедура подношения даров усопшему монарху подразумевала, что в качестве даров фигурировали покровы (лат. *pallium*; англ. *rawl* или *rall*). Начиная с Генриха VIII, эта процедура четко регламентировалась¹⁶. Так, например, во время его похорон архиепископу Кентерберийскому было вручено в сложенном виде шесть покровов; графы получили по четыре, а бароны по два покрыва.

Нет оснований думать, что покровы в расправленном виде вносили к ногам усопшего монарха. Судя по всему, их складывали рядом на постаменте. Истоки церемонии подношения даров усопшему монарху не совсем ясны. Отчасти подношения дублировали часть коронационной процедуры, когда до инвеституры после помазания монарха облачали помимо прочих атрибутов в епископский покров.

В Англии, особенно после Реформации, эта процедура приобрела особое значение, поскольку короновавшийся становился не только светским главой государства, но и духовным главой церкви. Прощание с королем, таким образом, включало и форму обряда прощания с духовным лицом. В этом смысле подносимые покровы играли вполне определенную роль. Прощание приобретало не только скорбную форму, символизировавшую сложение определенных сакральных функций, но и обновление, знаменовавшее собой приход нового духовного владыки.

По всей видимости, определенное влияние могли оказывать и ренессансные тенденции. *Pallium* даровали умершим философам в знак признания их мудрости. Тюдоры значительно более предше-

ственников использовали в символике власти атрибуты мудрости, а Стюарты настаивали на первенстве этого атрибута, считая его источником их успешного воцарения и правления. В этом смысле ренессансные аллюзии могли играть вполне значимую роль.

Если в похоронных процессиях Гериха VIII и Эдуарда VI дуализм этого символа мог быть вполне допустим, то в похоронной процессии Елизаветы подобные мотивы должны были оказаться смягченными. Покров, подносимый к ее гробу, играл, должно быть, исключительно ренессансную роль, поскольку его сакральная функция, связываемая с женщиной-государыней, выглядела бы слишком смелой.

Анна Датская, естественно, не была Елизаветой Тюдор, но процедура подношений отрабатывалась не менее тщательно. Были ли среди даров покровы — судить не берусь. Может быть, их наличие подразумевалось, хотя и имела место ритуальная симуляция. При коронации Анна не облачалась в покров, как не облачалась в него и Елизавета Тюдор.

Регламент детально описывает действия, совершаемые участниками ритуала. Графиня Эранделл — главная скорбящая в сопровождении графов Вустера и герцога Леннокса первой подходит к постаменту с гробом Анны Датской и совершает подношение. Затем аналогичную процедуру проделывают графини-помощницы, за ними в строгой последовательности — лорд-стюард, лорд-чемберлен, казначей, контролер. Джентльмены личных покоев королевы присутствуют при этом. Каждый из подносящих совершает скорбный путь вокруг гроба и возвращается на место. За всем наблюдает герольдмейстер Подвязки; он же всякий раз шествует с подносящими вокруг постамента. Принц Карл, сидящий все это время на специально отведенной скамье, наблюдает за происходящим.

После того, как первая часть обхода завершена, герольдмейстер Подвязки подходит к нему; тот встает и в сопровождении герольдмейстера подходит к гробу королевы и совершает подношение. Оставаясь в изголовье, он принимает знамена.

Герольдмейстеры Кларенсо и Норрой поднимают с колен и подводят к нему графов Монтгомери и Туллибардина, несущих Большое знамя. Затем те, получив согласие принца, устанавливают его с западной стороны от постамента рядом с главной скорбящей.

После этого к нему последовательно подходят герольды и лорды, держащие знамена. Йорк поднимает с колен и подводит лорда Клиффорда со знаменем Дании в руках; Сомерсет — лорда Эффингема со знаменем Норвегии в руках; Уиндзор — лорда Хансона со знаменем Швеции в руках; Ланкастер — сэра Эндрю Кейта со знаменем Готланда; Ричмонд — сэра Фердинандо Дадли со знаменем Вандалии; Честер — сэра Роуланда Сент-Джона со знаменем Шлезвига и Голштейна. В сопровождении персивантов Красного Креста и Голубой Мантии сэр Томас Джерард подносит знамя Олденбурга и Делменхурста, а сэр Джордж Чауорт, сопровождаемый персивантами Красным Драконом и Решеткой — знамя Унии. Все знамена устанавливаются с восточной стороны от постамента.

После водружения знамен в соответствии с требованиями процедуры, принцу подносят надгробные знамена. Шесть из которых (Англии и Дании; Дании и Саксонии; Дании и Померании; Олденбурга и Бранденбурга; Олденбурга и Шлезвига; Олденбурга и Голштейна) устанавливаются с южной стороны от гроба, а шесть других (Дании и Мекленбурга; Саксонии и Брауншвейга; Померании и Польши; Бранденбурга и Саксонии; Шлезвига и Брауншвейга; Олденбурга и Дейпхолта) с северной стороны от постамента.

Когда знамена и надгробные знамена расставлены, к принцу подходит герольдмейстер Подвязки и отводит его к скамье. К постаменту во второй раз подходит главная скорбящая и уже одна делает подношение; за происходящим следит герольдмейстер Подвязки; он же сопровождает главную скорбящую на отведенное ей место.

Герольдмейстеры Кларенсо и Норрой подходят к графам Вустеру и герцогу Ленноксу, поднимают их с колен, подводят к принцу. Совершив поклон принцу, они уходят на свои места.

Герольдмейстер Подвязки подходит к графам, следовавшим прежде с катафалком. Маркиз Гамильтон, графы Оксфорд, Пемброк и Эранделл встают. Ноттингем, сославшись на недомогание остается на месте; вместо него встает граф Ратленд.

Герольдмейстер Норрой подходит и поднимает с колен графинь Дерби и Сассекс.

Герольды Уиндзор, Честер, Йорк, Ричмонд, Ланкастер и Сомерсет последовательно подходят к титулованным особам и поднимают их с колен. Видимо, в этот момент происходит необходимая перестройка рядов прощающихся с королевой.

Лорд-канцлер покидает свое место и присоединяется к графам. Капитан королевских гвардейцев — лорд Уолден уходит туда, где стоят старшие сыновья графов. Лорд Керью занимает подобающее место среди баронов.

Начинается последняя часть церемонии подношений. К постаменту подходят члены Тайного совета, лорд-казначей и контролер королевского хаузхолда, два государственных секретаря (Наутон и Калверт); канцлер Казначейства (сэр Юлиус Сизар), хранитель королевских свитков (сэр Томас Филиппс) и генеральный атторней (сэр Эдуард Кок).

После завершения церемонии подношений к гробу подходят в определенной последовательности придворные королевы, каждый из которых у ее изголовья ломает символы власти над непокрытой головой. Затем герольдмейстер Подвязки провозглашает все титулы королевы. Раздаются трубы, и декан Вестминстера (Роберт Тоусон) просит публику удалиться.

В часовне остаются только принц Карл, главная скорбящая, графы, герольдмейстеры, герольды и персиванты. Около шести часов вечера гроб с телом Анны Датской был опущен в каменный саркофаг и накрыт надгробной плитой. Постамент, на котором покоились останки королевы, оставался в часовне вплоть до 12 июля, и только потом был разобран герольдами.

1. Вклад в изучение раннего этапа складывания английского королевского церемониала внесли следующие работы: *Wilkinson B. The Coronation of Edward II // Historical Essays in Honour of James Tait / ed. by E. Jacob. Manchester, 1933. P. 405–416; Idem. The Coronation Oath of Edward II and the Statute of York // Speculum. 1944. Vol. XIX. P. 445–469; Idem. Constitutional History of Medieval England, 1216–1399. London, 1952; Idem. Notes on the Coronation Records of the Fourteenth Century // English Historical Review. 1955. Vol. LXX. P. 581–600; Schramm P. A History of English Coronation. Oxford, 1937; Idem. Ordines-Studien III: die Krönung in England vom 10. Jahrhundert bis zur Neuzeit // Archiv für Urkundenforschung in Verbindung mit dem Reichsinstitut für ältere deutsche Geschichtskunde. 1938. Vol. XV. №2. S. 369–375; Idem. Die Krönung bei den Westfranken und Anglesachsen von 878 bis um 1000 // Zeitschrift der Savigny Stiftung für Rechtsgeschichte. 1934. Vol. LIV; Hoyt R. The Coronation Oath of 1308: The Background of Les leys et les custumes // Traditio. 1935. Vol. IX; Ward P. The Coronation Ceremony in Medieval England // Speculum. Vol. XIV. P. 160–178; Idem. Early Version of the Anglo-Saxon Coronation Ceremony // English Historical Review. 1942. Vol. LVII. P. 345–361.*
2. Более подробно об этом см.: *Müller E. Die Anfänge der Königssalbung im Mittelalter. Köln, 1939.*
3. *The Household of Edward IV. The Black Book and the Ordinance of 1478 / ed. by A. R. Myers. Manchester, 1972.*
4. *Loach J. The Function of Ceremonial in the Reign of Henry VIII // Past & Present. 1994. Vol. 142. P. 43–68.*
5. *Smuts R. M. Court Culture and the Origins of a Royalist Tradition in Early Stuart England. Philadelphia, 1987; Федоров С. Е. Стюартовские придворные // Англия XVII века: социопрофессиональные группы и общество. СПб., 1997.*
6. Об Анне Датской написано совсем немного. Наиболее общей и единственной биографией королевы является работа Этель Уильямс: *Williams E. Anne of Denmark, Wife of James VI of Scotland and James I of England. London, 1970.* Барбра Левальски написала прекрасную главу в монографии о придворных масках Анны, пытаясь проследить возможные формы ее антипатриархальных выступлений: *Lewalski B. Enacting opposition: Queen Anne and the Subversions of Masquing // Writing Women in Jacobean England. Cambridge, 1993. P. 15–45.* Наконец, совсем недавно появилась работа Лидс Бэрролл: *Barroll L. Anna of Denmark,*

- Queen of England: a Cultural Biography. Philadelphia, 2001. См. рецензию Джейн Арчер, опубликованную в *Renaissance Journal*. Vol. 1. №5. 2002. P. 29–31.
7. Оригинал хранится в архиве Коллегии герольдов: College of Arms. MS. I. 3. Fol. 52. Полный текст см.: *Ordo de exequiis regalibus // Missale ad usum ecclesie Westmonasteriensis* / ed. by J. W. Legg. 3 vols. London, 1891-1897. Vol. 2. P. 734-735. Описание самой церемонии погребения можно найти у Джона Страйпа: *Strype J. Ecclesiastical Memorials*. 6 vols. Oxford, 1822. Vol. 6. P. 257-290.
 8. Bodlean Library. Rawlinson MSS. B. 138. Fol. 16. (Procession at Queen Anne's Funeral) Bodlean Library. Tanner MSS. 236. Fol. 80. (Offerings at Queen Anne's Funeral). В регламентах указаны лишь титулы участвующих в похоронной церемонии особ. Их личные имена идентифицированы мною.
 9. British Library. Birch MSS. 4174. *Nichols J. The Progressess, Processions and Magnificent Festives of King James the I*. Vol. I-IV. London, 1828. Vol. III. P. 538-541; 542-543.
 10. Chamberlain to sir Dudley Carleton. March. 6. 1619 (описание событий, происходивших в Гемптон-Корте до переноса гроба в Денмарк-хауз); Chamberlain to sir Dudley Carleton. April, 24. 1619 (описание слухов о причинах задержки похорон королевы Анны); Chamberlain to sir Dudley Carleton. May. 14. 1619 (описание церемонии похорон королевы Анны) // *Chamberlain Letters* / ed. by D. Mclure. Philadelphia, 1939.
 11. Об этом см.: *Hope W. On the Funeral Effigies of the Kings and Queens of England, with Special Reference to those in the Abbey Church of Westminster* // *Archaeologia*. 1907. Vol. LX. P. 517-570; *Howgrave-Graham R. The Earlier Royal Funeral Effigies: New Light on Portraiture in Westminster Abbey* // *Archaeologia*. 1961. Vol. XCVIII. P. 159-169.
 12. О порядке следования см.: *Федоров С. Е. Порядок предпочтения титулованных особ и должностных лиц в раннестюартовской Англии: к истории становления* // *Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. 2001. Вып. 3. С. 250-275.
 13. Там же. С. 272-273.
 14. *Williams E. Anne of Denmark...* P. 203.
 15. *Ibid.* P. 204.
 16. *Strype J. Ecclesiastical Memorials*. Vol. VI. P. 290.

«АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ» ДВОР В РАННЕСТЮАРТОВСКОЙ АНГЛИИ: ПРИНЦ УЭЛЬСКИЙ И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ В 1605–1612 гг.

Распад традиционных общественных структур, начавшийся при первых Тюдорах, превратил королевский двор в один из важнейших факторов обновления английской аристократии¹. В основе этих изменений были два значимых процесса. С одной стороны, происходило приобщение английского дворянства к институтам публичной власти. На этом фоне видоизменялось прежнее отношение дворянства к сенъериальным правам как к главнейшему системообразующему звену в понятии знатности. С другой — ширилась практика присвоения земли социально-активным чиновничеством. Дальнейшее размывание основных феодальных ценностей обращало право делегировать или присваивать публичную власть в один из важных компонентов знатности. Родовитость, оставаясь при этом все еще уязвимым звеном ценностных спекуляций английской аристократии, постепенно отодвигалась на второй план, уступая место новым приоритетам².

Этот важнейший сдвиг в общественном сознании, однако, не означал, что все сферы публичной власти в равной степени признавались дворянами. Среди всех институтов государственно-админи-

¹ Оригинальная публикация: Федоров С. Е. «Альтернативный» двор в раннестюартовской Англии: принц Уэльский и его окружение в 1605–1612 гг. // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени / отв. ред. Г. Е. Лебедева. 1996. Вып. 1. С. 89–99.

стративной системы Англии выделялись звенья, служба в которых считалась почетной и приносила возможность участвовать в разработке основных направлений государственной политики. Причем речь шла не всегда о размерах годового жалованья и других финансовых проблемах. Игравшие не последнюю роль в житейских делах, они все-таки были не основными там, где действовали социальные приоритеты.

Уже в первой половине XVI века королевский двор начинает привлекать стремившееся к возвышению нетитулованное дворянство. Его службы, занятые прежде выходцами из незнатных семей, значительно обновляются по своему составу и расширяются. Выходцы из благородных семей постепенно окружают короля и берут на себя заботу о его делах и досуге.

Интерес нетитулованной знати к королевскому двору вряд ли можно считать новым для XVI века и предшествующих столетий. Известно, что придворные структуры были всегда местом притяжения для искавших удачи под солнцем дворян. Однако до правления Генриха VIII речь шла об интересе к возможности временного пребывания при короле, о так называемых «экстраординарных» случаях, ибо длительное присутствие было практически бессмысленным. Гораздо выгоднее по тем временам было заручиться поддержкой местного патрона-лендлорда и уже на его деньги и с привлечением его связей строить будущее у себя в графстве. Там же, как правило, разрешались и все стоящие перед жаждущим земельные проблемы. Служба своему патрону-покровителю в конечном счете была сопряжена с земельными интересами его вассала, удовлетворяемыми после получения земельной компенсации.

Реформация разрушила прежнее положение вещей. Огромные объемы земельной собственности церквей и монастырей, перешедшие короне, превратили английского монарха из номинального в реального владельца значительных угодий³, часть из которых потенциально могла подлежать дальнейшему перераспределению среди королевских слуг. Это обстоятельство и способствовало в не-

малой степени изменению прежнего состава королевского двора, его своеобразному «одворяниванию», расширению и изменению части его функций.

Английский королевский двор конца XVI — начала XVII века долгое время не привлекал внимания современных историков. Занятые преимущественно изучением истории парламента, королевской власти вообще, они считали эту область интересов неприоритетной⁴.

Ряд специальных исследований конца 70-х годов нашего столетия показал, что начиная с последних десятилетий XVI века происходило постепенное усиление публично-правовых функций английской монархии, сопровождавшееся ослаблением аналогичных функций парламента. Возникшая на этом фоне, ставшая теперь общепризнанной, «ревизия» английской истории конца XVI — начала XVII века способствовала поиску альтернатив прежней парламентской активности (известно, что обе его палаты были согласно традиционной историографии деятельными агентами государственной политики). Поиск этой альтернативы был почти безошибочным. Работы, посвященные истории Тайного совета, показали, что, наряду с его постоянными членами, прежнюю парламентскую инициативу разделили ближайшие королевские фавориты, возглавлявшие в свою очередь различные чисто придворные (ранге фискально-хозяйственные) службы⁵. Так интерес к истории королевского двора приобретал свои должные очертания.

В конце правления Елизаветы Тюдор королевский хаузоход и его многочисленные службы и ведомства активно творили государственную политику. Секретари елизаветинского двора, отвечавшие за международную переписку государыни, почти полностью контролировали внешнеполитические акции короны; грумы и джентльмены ближней комнаты и спальни королевы выполняли различные дипломатические поручения монарха; стюард и чемберлен, заседаая в качестве членов Тайного совета, ведали земельной политикой Елизаветы, готовили необходимую информацию о претендентах на различные государственные должности и дворянские титулы. Двор

постепенно становился центром, сосредоточивающим значительные публично-правовые функции⁶. Именно поэтому при Елизавете появляется тенденция к замыканию придворных структур, а сама сфера деятельности в них — в поле деятельности определенного социального слоя; складывается специфически английская система придворного вассалитета⁷.

Существует мнение, что восшествие на английский престол династии Стюартов значительных изменений в жизнь королевского двора не привнесло; произошло практически полное заимствование тюдоровской модели⁸. Особенно в первое десятилетие правления Якова I Стюарта двор по-прежнему оставался под контролем елизаветинских кланов, и королю приходилось предпринимать значительные усилия, чтобы ослабить их влияние⁹.

Устремившиеся вслед за Яковом Стюартом представители шотландской знати (главным образом отпрыски знатных фамилий) пытались, однако, использовать преимущества придворной жизни, разделить с английской аристократией традиционные привилегии. Немаловажным стимулом в этом стремлении была необходимость натурализации. Двор же по-прежнему оставался жесткой структурой; возрастающий поток внутренней миграции заставлял шотландцев (а может быть, и самого Якова I) искать иные возможности¹⁰.

Яков I Стюарт был счастливым отцом. Определяя размеры своего хаузхолда, он учел интересы своих детей, определив статусе и компетенции их ближайшего окружения¹¹. Являясь частью королевского хаузхолда, дворы его сыновей и дочерей обладали известной самостоятельностью. Каждый из них был мини-слепком отцовского двора. Дублируя часть его структуры, каждый из них, хотя и по-разному, проектировал возможную систему привилегий. Дочери (Элизабет и Мэри) и младший сын (Карл) имели почти исключительно почетные права. Престолонаследник (Генри) обладал в том числе и правом участвовать (при желании) в работе королевского Совета. Его влияние на внутрисполитическую жизнь в стране, таким образом, могло быть потенциально значительным.

Генри Фредерик Стюарт был старшим сыном Якова VI Шотландского и Анны — дочери датского короля Фредерика II. Он родился в ночь на 17 февраля 1593/94 года в замке Стирлинг. Крещенный 30 августа того же года в дворцовой часовне, он унаследовал титул герцога Ротсейского и должность Главного стюарда Шотландии. После восшествия Стюартов на английский престол к его имени были присоединены титулы герцога Корнуолского (23 сентября 1603 года), графа Честерского и принца Уэльского (4 июня 1610 года).

Уже с раннего детства Генри Стюарт обнаружил примечательную способность непринужденного общения с людьми, душевную открытость и простоту. Усердие к наукам не мешало ему слыть прекрасным спортсменом и наездником. Музыкальные способности, артистизм, тяга к прекрасному очень рано сделали его почитателем изящных искусств¹². Современников радовало это удачное сочетание качеств в молодом Стюарте, и он очень быстро стал предметом живых шутивых рассказов сначала в Шотландии, а потом и в самой Англии. Ему была уготована участь всеобщего любимца и, по меньшей мере, счастливое пребывание на престоле, если бы не внезапная болезнь и последовавшая за нею скоропостижная смерть¹³.

Однако образ этого восемнадцатилетнего юноши еще очень долгое время не стирался в памяти англичан, испытывавших безграничное сожаление по поводу его смерти. Скоротечная жизнь молодого Стюарта оставила значительный след в английской истории. Формировавшееся вокруг него окружение, придворные, жившие в Стирлинге, Виндзоре и Ричмонде, — этих трех резиденциях молодого принца — оказали решающее воздействие на английское общество первых десятилетий XVII столетия¹⁴.

Двор Генри Стюарта не был в целом типичным для образований подобного рода. Он был значительно больше, чем двор его матери, сестер и брата¹⁵. Естественно, он не мог соперничать с отцовским окружением, однако степень активности его придворных, их изобретательность и интеллект могли составить серьезную конкуренцию двору Якова I¹⁶.

Окружение короля в основном состояло из англичан. Окружение Генри было смешанным, но в нем преобладали шотландцы. Двор Якова I оставался по-прежнему елизаветинским по составу, жестко контролируя инкорпорацию новых членов. Двор принца, как можно судить по источникам, достаточно часто обновлялся. Состав приближенных Якова I всегда определялся строгим регламентом. Подвизавшихся при дворе Генри было всегда больше, чем позволяла утвержденная процедура¹⁷. Число натурализовавшихся из окружения Якова I было незначительным, те же, кто приобщался к службе у принца, в случае необходимости получали необходимую натурализацию¹⁸.

Таким образом, окружение сына и отца демонстрировали действие двух совершенно противоположных систем. Одна продолжала последовательно удовлетворять социальные интересы английской аристократии, другая, несомненно, учитывала смешанные интересы.

Понятие «альтернативного» механизма формирования королевского двора (в широком смысле этого слова) относится к числу гипотетичных. Его составляющие нуждаются в дальнейшем исследовании. Ясным остается одно. Сам факт существования подобной возможности развития в начале XVII века предвещал для Англии вполне безоблачную перспективу, во многом способную смягчить размеры национального конфликта середины XVII столетия.

Расширение реального состава двора наследника престола влекло за собою не только создание новых дополнительных должностей в рамках большого королевского хаузхолда, но и к вполне приемлемому для тех времен перераспределению земельной собственности в периферийных графствах королевства. Последнее, в свою очередь, влияло на функциональную стабильность локальной, как графской (окружной), так и муниципальной, администрации. И удачливые шотландцы, и преуспевающие на социальном поприще «неродовитые» англичане, внедряясь различными путями в состав провинциальной элиты, создавали вдалеке от Лондона мощный поддерживающий монархию и династию социальный слой. Так или иначе традиционное противостояние двор — провинция заметно смягчалось.

Стоявший у истоков этой «традиции» Генри Стюарт, сам того не подозревая, решал важнейшую для страны задачу социального мира.

Распад быстро растущего двора наследника престола после его смерти заставил Якова Стюарта усилить давление на старые елизаветинские кланы. Не выдержавшие напора со стороны короны, они сделали провинцию местом своей дальнейшей активности. Отличие (и одновременно угроза) существовавшему режиму заключалось в том, что социальный аспект их деятельности приобрел политическую окраску.

Придворный «инстинкт» старой елизаветинской знати постепенно перерастал в гражданский, направленный против шотландцев и вообще против того, что несли с собою Стюарты — против смуты. Слившись с иными накопившимися в стране противоречиями, эти притязания составили вначале комплекс причин, вызвавших шотландскую войну конца 30-х годов, а затем и гражданские войны середины XVII столетия.

В начале же правления Стюартов эта «альтернатива» выглядела вполне реальной. Шотландский вопрос с легкостью решался в тех подразделениях большого королевского двора, которые можно считать субфункциональными. Старая елизаветинская знать по-прежнему сохраняла приоритетные позиции в рамках королевского двора в Уайтхолле, шотландцы, стремившиеся к натурализации, решали свои проблемы, завладевая должностями при дворе наследника престола.

С одной стороны, отсутствуют прямые доказательства участия Якова I в определении основополагающих приоритетов окружения престолонаследника. Большинство (19 из 25) из первоначального списка придворных принца Генри, определенных королевским регламентом, бесследно исчезло, не оставив сведений о дальнейшей карьере. Закрепившиеся при дворе, за исключением двух — сэра Дэвида Мюррея и сэра Дэвида Фоулиса, также не оставили значительных следов своей деятельности ни в годы жизни принца, ни по-

сле его смерти¹⁹. Обновленный же состав двора был куда более примечательным, настойчиво придерживаясь линии учета смешанных интересов.

С другой стороны, двор принца Уэльского, как уже отмечалось, был составной частью королевского двора. Присущие ему особенности, таким образом, являлись отражением двора Якова I, подчеркивая ранее не наблюдавшиеся тенденции. Был ли в этом смысле королевский двор таким елизаветинским по своей природе? Во всяком случае, столь категоричное восприятие придворной машины вряд ли является оправданным. В любом случае либо королевский двор сам, либо двор наследника престола, без сомнения, подтверждали наличие определенных изменений, искажавших елизаветинский вариант.

Первые сведения о комплектовании двора молодого Стюарта относятся к весне 1605 года. К этому времени основной резиденцией Генри оставался Стирлинг. Малолетство наследника, видимо, не обязывало отца предусматривать весь перечень традиционных придворных служб. В королевском регламенте, составленном не позднее середины марта 1605 года, указаны имена 25 придворных и их годовое жалование. Судя по всему, речь шла лишь о комплектации основных служб, связанных с опочивальней наследника, ряде постов, ответственных за делопроизводство и финансы, учителях, капеллане, придворных поварах и аптекаре²⁰.

Выбор соответствующих кандидатур для их последующего утверждения монархом был осуществлен герцогиней Маргарет Марстертон и начальником охраны наследника — графом Энтони Мором. Видимо, при определении списка возможных кандидатур принимал участие и первый наставник Генри — сэр Адам Ньютон, занявший впоследствии пост личного секретаря наследника и руководителя службы делопроизводства.

Размеры установленного жалования позволяют (при сопоставлении с аналогичными позициями в регламенте) установить, что изначальными замыслами Якова I в первую очередь мотивы личной безопасности наследника. В ближайшее окружение Генри вошли ис-

ключительно проверенные службой при шотландском дворе люди. Среди них в первую очередь следует назвать сэра Дэвида Мюррея — Главного грума и Хранителя мантии принца, Уолтера Александра и Энтони Абингтона — Привратников спальни молодого Стюарта, Ричарда Кокнока — Генерального стряпчего, сэра Дэвида Фоулиса — Казначея двора, Джона Харрисона и Томаса Бичмора — Грумов. Ряд придворных должностей, включая пост чемберлена, оставался вакантным²¹.

Среди названных в первоначальном регламенте лиц многие, видимо, не сумевшие выдержать последующей конкуренции, покинули Стирлинг. Однако семьи Мюрреев, Ньютонов, Кокноков и Фоулисов прочно закрепили свои позиции при дворе, сохранив свое влияние па Стюартов и после смерти наследника.

Н. Кадди, занимавшаяся структурой придворных связей, отмечает, что в раннестюартовском придворном вассалитете особое место занимали должности королевской спальни, куда, по ее мнению, в начале XVII века перемещается центр политического управления²². Судя по всему, институт королевской спальни играл и соответствующую роль в организации и функционировании придворной жизни. Если пользоваться принятой классификацией, то назначенные и идентифицируемые, по регламенту 1605 года, лица были в первую очередь распределены между четырьмя основными подразделениями спальни молодого Стюарта (*Chamber, Bed Chamber, Privy Chamber, Great Chamber*). Уолтер Александер, Энтони Абингтон, сэр Д. Фоулис входили в службы *Chamber*, сэр Д. Мюррей, Джон Харрисон, Томас Бичмор — *Bed Chamber*, Ричард Кокнок и Адам Ньютон — *Privy Chamber*. Должности в *Great Chamber* оставались незаполненными²³.

До составления нового регламента 1610 года указанные лица значительно преуспели в протаскивании на придворные службы своих родственников и клиентов. Особенно отличился сэр Д. Мюррей, устроивший при дворе своих трех сыновей и четырех клиентов²⁴. Т. Бичмор, сэр А. Ньютон и У. Александер, Р. Кокнок решили

будущее своих старших сыновей и нескольких клиентов²⁵. Однако их влияние при дворе не следует переоценивать, ибо в процентном отношении они сами и их ставленники составляли абсолютное меньшинство (14, 50, 11% соответственно). Вся дальнейшая история комплектования двора наследника престола зависела от деятельности совершенно других людей и служила исполнению их интересов.

Одним из самых активных действующих в окружении принца лиц был сэр Томас Чалонер (1563–1615) — выходец из захудалого йоркширского дворянского рода, имевшего английские и шотландские корни. Только смерть Генри помешала ему получить пэрство²⁶.

Изучение ранней карьеры сэра Т. Чалонера показывает его тесную связь с елизаветинскими кланами Лестера-Сидни и Эссекса. Клиенты, подвизавшиеся вокруг этих вельмож, жаждали на уходящей своими корнями в эпоху первых Тюдоров придворной культуре и в значительной степени зависели от традиций набирающего в те годы активность протестантизма²⁷.

Т. Чалонер сблизился с окружением Лестера-Сидни в середине 1580-х годов. Первое упоминание о нем как активном деятеле окружения Лестера-Сидни относится к 1586 году. Двумя годами позже Чалонер уже исполнял обязанности наставника внебрачного сына Лестера — Роберта Дадли. Эта должность, как покажет время, сыграла значительную роль в рекомендации и назначении Чалонера на пост чемберлена двора молодого Стюарта²⁸.

Поддерживая свою связь с Робертом Дадли, а через него и с Лестером, Чалонер в конце 80-х годов XVI века входит в окружение Р. Эссекса, который, как известно, был «наследником придворного триумфа» Лестера. Уже в 1591 году по рекомендации Эссекса Чалонер был возведен королевой в рыцари.

В окружении Эссекса Чалонер знакомится с Генри Данверсом, бывшим уже к тому времени влиятельным фаворитом при формирующемся дворе Генри Стюарта. По поручению Эссекса и Данверса Чалонер отправляется во Флоренцию. Его двухлетнее пребывание в Италии значительно поправляет его финансовые дела. После сво-

его возвращения на родину он выкупает все закладные по своим йоркширским владениям²⁹.

Земельные угодья Чалонеров располагались главным образом в Гвисборо (Северный Йоркшир), Сент-Бизе (Кэмберленд) и Клайдоне (Бакингемшир). К моменту активной деятельности Чалонера они находились в полнейшем расстройстве, чему способствовал его отец — Томас Чалонер-старший (ум. в 1568 году), известный елизаветинский дипломат³⁰.

В конце 1590-х годов Чалонер-младший отдаляется от Эссекса и по рекомендации У. Сесила (старинного друга его отца) направляется к шотландскому двору, возлагая надежды на восшествие Стюартов на английский престол. Перед отъездом Чалонер по протекции У. Флитвуда — другого старого приятеля отца, знакомится с Д. Фоулисом, бывшим в то время эмиссаром Якова VI в Лондоне. После отъезда в Шотландию Чалонер очень быстро, не без участия Фоулиса, становится приближенным шотландского короля. Уже в первое время он активно включается в работу по активизации патронажных связей Якова среди прошотландски настроенных кругов в Лондоне.

Как известно, в 1590-е годы Яков был в затруднительном положении. Он не мог решить своих сложных отношений с Эссексом и Сесилом. Его недоверие к личному секретарю Елизаветы диктовалось соображениями политического порядка: он был долгое время уверен, что Сесил симпатизирует Эдварду Сеймуру. В свою очередь Эссекс недолюбливал Сесила и враждовал с ним. Необходимость сложной игры между двумя влиятельными елизаветинскими фаворитами отпала сразу же после казни Эссекса. Яков примкнул к Сесилам.

Д. Фоулис был одним из пяти шотландцев, находившихся в тайной переписке с Р. Сесилом и Генри Ховардом. Именно они становятся активными агентами назначения Чалонера на пост чемберлена при дворе престолонаследника³¹. Запутанная игра увенчалась успехом, и Чалонер был назначен сначала управляющим, а затем занял пост чемберлена. Его положение при дворе позволило ему протолкнуть на королевскую службу грех своих сыновей. Уильям

(1587–1620) представлял интересы Генри Стюарта во Флоренции, Эдвард (1590–1625) был джентльменом спальни принца, Томас (1595–1661) и Джеймс (1602–1661) были пажами принца и блистали в его придворных спектаклях. Среди клиентов Чалонера числилось 43 человека, которые занимали различные придворные чины³².

Служба Чалонера при дворе принца протекала при активной поддержке двух семей — Флитвудов и Фоулисов. С Фоулисом его связывала личная дружба. Флитвуды получили доступ ко двору принца через брак Чалонера и Элизабет Флитвуд — дочери сэра Уильяма Флитвуда — друга Чалонера старшего, рекордера Лондона. В свою очередь, Д. Фоулис при содействии самого Чалонера был представлен Флитвудам. Знакомство закончилось браком Фоулиса с Корделией — одной из дочерей сэра Уильяма. Так сложился семейно-родственный союз Чалонеров — Флитвудов — Фоулисов, определявший придворную жизнь принца Генри вплоть до его смерти. Благодаря действиям этого союза в состав двора были инкорпорированы 16 новых членов³³.

Первой удачной акцией этого клана было решение интересов Фоулиса в Йоркшире. В качестве свадебного подарка принца он получил земли, прилегающие к манорам Темхарс и Гринхау. Земля этих маноров прилежала к владениям Чалонеров в Гвисборо. Между 1608–1611 годами Чалонер купил недостающие участки земли в Инглеби и Батерсбитсе, образовав тем самым непрерывную территорию семейных владений в Северном Йоркшире.

Успехи Фоулиса при дворе способствовали передаче ему права на получение годовой ренты еще с пяти маноров в этом же графстве³⁴. Рента составила 3800 фунтов годовых, фэйны по землям — 150, 250, 41, 400, 211 фунтов соответственно³⁵. Даже знаменитый Томас Бодли выступал посредником в ряде земельных операций Фоулиса и Чалонера, получив в благодарность приличный лиз и деньги на покупку книг для своей библиотеки³⁶.

Интересы Фоулиса в Северном Ридинге (Йоркшир) были также удовлетворены при поддержке Чалонера. Он и Флитвуды получили

в благодарность за услуги исключительное право на изготовление квасцов. Уже в 1609 году доход от операций составил сумму около 6 тыс. фунтов³⁷.

Активность этого клана просматривается и на примере другого графства — Бакингемшира. Д. Фоулис получил право на владение землей в Грейт Миссендене, Литтл Миссендене и Астон Санфорде. По условиям соглашения эти земли должны были отойти Флитвудам в случае бездетного брака сэра Дэвида и Корделии³⁸. Интересы же Флитвудов издавна были представлены в этом графстве, ибо в своем титуле они носили названия Флитвуды из Бейча, Чалфонта и Сент-Джайла.

Непосредственной благодарностью местной администрации графства стало завидное представительство бакингемширской знати при дворе принца Генри. Сэр Эдмунд Верни был назначен стряпчим. Его двоюродный брат Фрэнсис Верни был придворным капелланом. Далее следует назвать сэра Генри Бойера, сэра Тимоти Турнела, сэра Томаса Венмана, Герга Гerrarда, сэра Эдмунда Ансфилда, а также многочисленных отпрысков семей Моров, Мейнсварингов, И. Вилли³⁹. С подачи Флитвудов ряд придворных — выходцев из Бакингемшира — получили земли в пределах влияний принца в Чешире⁴⁰.

Возможности разворачивавшихся отношений при дворе принца Генри были действительно велики: работал вполне отлаженный механизм оземеливания и аноблирования. Смерть принца прервала эти процессы, но возможное выполнение смешанных англо-шотландских интересов и, таким образом, альтернативы елизаветинскому развитию фактически было им узаконено.

1. Princes, Patronage and the Nobility: The Court at the Beginning of Modern Age / ed. by R. G. Asch, A. M. Birke. Oxford, 1991; Adams S. Faction, Clientage and Party. English Politics 1550–1603 // History Today. 1982. Vol. 32. P. 33-39; English Court: from the Wars of the Roses to the Civil War / ed. by D. Starkey. London, 1987.
2. The Memoirs of sir Robert Carey / ed. by N. E. McLure. Oxford, 1972. P. 113-115; Starkey D. From feud to faction // History Today. 1982. Vol. 32. P. 16-22.
3. Peck L. V. Court patronage and corruption in Early Stuart England. London, 1990. P. 30-47.
4. Starkey D. Introduction // English Court: from the Wars of the Roses to the Civil War. P. 1.
5. Кондратьев С. В. Юристы в прореволюционной Англии. Политические и правовые воззрения. Шадринск, 1993. Гл. I (в монографии дан прекрасный анализ новейшей литературы по данному вопросу).
6. Peck L. V. Court patronage and government policy: the Jacobean Dilemma // Lytle G. F., Orgel S. Patronage in Renaissance. New York, 1981. P. 27.
7. Peck L. V. Court patronage and corruption... P. 40-47.
8. Peck L. V. Court patronage and government... P. 28.
9. Ibid. P. 28-29.
10. Peck L. V. Court patronage and corruption... P. 185-208.
11. Наиболее ранний вариант регламента см.: Historical manuscripts Commission. Salisbury. Vol. XXIV. P. 63-64.
12. Birch T. Life of Henry, Prince of Wales. London, 1760. P. 23.
13. Ibid. P. 28.
14. Public Record Office. E. 101/433/8. Accounts of Privy Purse and Robes; British Library. Harleian MS. 252/3; Public Record Office. L. C. 2 / 1 (6) List of Accredited mourners at Prince Henry's funeral.
15. Aylmer G. E. The Kings Servants. The Civil Service of Charles I, 1625–1642. London, 1974. P. 474-475.
16. Birch T. Life of Henry... P. 127-129.
17. Этот аспект исследован в неопубликованной диссертации Тимоти Уилкса: Wilks T. The Court culture of Prince Henry and his circle. Oxford Univ. Ph. D. Th., 1987.

18. Public Record Office. L. C. 2 / 4 (6).
19. Ibid. E. 101/433 8.
20. Historical Manuscripts Commission. Salisbury. Vol. XXIV. P. 63-64.
21. Public Record Office. L. C. 2 / 4 (6); Historical Manuscripts Commission. Salisbury. Vol. XXIV. P. 63.
22. *Cuddy N.* The revival of the entourage: the Bedchamber of James I, 1603–1625 // *English Court: from the Wars of the Roses to the Civil War*. P. 177.
23. Historical Manuscripts Commission. Salisbury. Vol. XXIV. P. 63-64.
24. British Library. Harleian MSS. 252/3.
25. Ibid.
26. Public Record Office. 11/126/95. Thomas Challoner.
27. *James M.* English politics and the concepts of honour. 1485–1642 // *Past & Present*. Supplement. 1978. Vol. III. P. 178 ff.
28. Historical Manuscripts Commission. Ruthland. Vol. I. P. 415.
29. Public Record Office. 11/126/95.
30. Ibid.
31. National register of Archives Report. V. II. 837. De Lisle (Foulis) MS. (Далее — Foulis MS).
32. Public Record Office. E. 101/433/8; *Федоров С. Е.* Просопография позднего индепендентства // *Англия XVII века: идеология, политика, культура*. СПб., 1992. С. 34-35.
33. Ibid., E. 101/433/8; Ibid., 11/126/95; *Федоров С. Е.* Пуританизм и общество в стюартовской Англии. СПб., 1993. С. 57-58.
34. Foulis MS. 49/7.
35. Ibid. 49/8
36. Ibid. 49/55
37. Ibid. 49/6
38. Ibid. 49/55
39. Historical Manuscripts Commission. Cowper. Vol. 1. P. 71.
40. Ibid. P. 72.

ВТОРАЯ КОРОНАЦИЯ КАРЛА I СТЮАРТА: ШОТЛАНДСКАЯ ВЕРСИЯ СЦЕНАРИЯ

Первым официальным свидетельством, подтверждающим желание Карла короноваться в Шотландии, служит его письмо, адресованное Тайному совету в Эдинбурге и датированное 17 августом 1625 года¹. С момента первого упоминания об этом событии и до самой церемонии прошло без малого восемь лет. Срок, даже по тем временам, весьма значительный, если учитывать значимость планируемого события.

Историки редко задавались вопросом о причинах такой задержки и как следствие не утруждали себя поиском возможных ответов. Все, что можно обнаружить на эту тему в современных исследованиях, ограничивается краткими указаниями на сложный характер взаимоотношений короля с пресвитерианским духовенством и всем известную бедность шотландцев².

Казалось, следуя заветам своего отца, он должен был стремиться использовать это событие с тем, чтобы еще раз подтвердить особый статус Шотландии в рамках композитарной монархии, но, как представляется, его планы несколько расходились с определенными Унией корон задачами. В июле 1625 года Карл объявил о начале ревокации, которая должна была сопровождаться массированным наступлением на сеньориальные привилегии шотландской знати.

* Оригинальная публикация: Федоров С. Е. Вторая коронация Карла I Стюарта: шотландская версия сценария // Власть, общество, индивид в средневековой Европе / отв. ред. Н. А. Хачатурян; сост. О. С. Воскобойников. М., 2008. С. 495-518.

Обычно монархия использовала политику ревокаций для того, чтобы восстановить справедливость, поправную, как правило, в период малолетства монарха. Знать чаще всего использовала его несовершеннолетие для продвижения своих земельных интересов. Именно в период регентств резко сокращались размеры королевского домена. Знать также в значительной степени узурпировала возможности земельного рынка. Ревокации служили, таким образом, традиционным средством возвращения незаконно отторгнутых или приобретенных нобилитетом земель.

Достаточно сложно судить о том, кто был реальным инициатором этого проекта. Так или иначе, но на момент кончины Якова I его наследник уже перешагнул рубеж совершеннолетия. В этом смысле традиционное назначение ревокаций, которое с успехом реализовал его отец, казалось неоправданным.

Противоречие со сложившейся практикой, казалось, не смущало Карла, руководствовавшегося вполне определенными соображениями. Объявляя о ревокации земель, он имел в виду владения светских магнатов, секуляризованных пресвитерианской церковью во второй половине XVI века и затем пущенных ею на вторичный земельный рынок. Желая восстановить справедливость, Карл не упускал из вида ни интересы короны, ни интересы самой церкви. Страдали только те владельцы, которые приобрели эту землю после секуляризации и среди которых представители старинных знатных родов занимали особое место.

Суть ревокации сводилась к тому, что формально весь приобретенный церковью земельный комплекс отходил короне. Ей же в перспективе предназначались все связанные с владениями второй руки платежи, часть из которых после их поступления в казну перераспределялась в виде дотаций к содержанию шотландского духовенства. Добавка к жалованию была значительной, и материальное благополучие клира увязывалось напрямую с земельным благополучием короны.

Ревокация считалась возмездным мероприятием, поскольку прежние владельцы получали денежную компенсацию. При этом

за каждым из них мог отказаться от возмещения и тем самым сохранить за собой прежний статус с той только разницей, что инициатива преемства оставалась за короной.

Ослабление владельческих позиций шотландской знати, получившей или приобретшей такую землю во второй половине XVI века, не исчерпывало намеченных планов. По большей части ревокации были подвергнуты земли, позволявшие магнатам контролировать выходявшие за пределы их наследственных владений территории. Эти земли издревле служили «крепостью» для распространенных в Шотландии наследственных должностей шерифов и бейлифов. Даже при формальном отторжении этих земель корона приобретала право при необходимости упразднить сложившуюся практику и назначать в органы местного самоуправления государственных чиновников.

Открывавшиеся таким образом перспективы обнажали истинное назначение ревокаций, поскольку корона не скрывала своих намерений использовать разрастающийся земельный рынок, с одной стороны, для финансового подчинения шотландской церкви, а с другой — для последующих выборов в местный парламент. При этом Карл форсировал намеченные мероприятия и, как представляется, надеялся на быстрый результат, полагая возможным приступить к одновременной подготовке к собственной коронации и парламентским выборам. Оба события должны были подчеркнуть особые отношения монархии с местной знатью и духовенством. Претензии Карла были очевидными, но намеченная им программа преобразований требовала специальной проработки. Плохо подготовленная и продуманная, она с самых первых шагов столкнулась не только с недовольством шотландцев, но и с их решительным сопротивлением. В результате коронация и созыв первого с момента смерти Якова шотландского парламента неизбежно откладывались. Приезжать же в страну, которая, по его мнению, была лишена должного единства и покорности, Карл, очевидно, не желал.

Спустя три года после начала ревокаций идея Карла прибыть в шотландскую столицу для коронации вновь стала материализо-

ваться. Земельная политика короны все еще была далека от успеха: доходы, поступавшие в казну, не оправдывали ожиданий. Подготовка к парламентским выборам затягивалась, поскольку сменившие наследственных шерифов и бейлифов государственные чиновники не находили общего языка с местной публикой. Только там, где корона утвердила прежних владельцев должностей, были заметны определенные сдвиги³.

В этих условиях Карл, очевидно, последовал совету Уильяма Лода, полагая, что возобновление переговоров о подготовке предстоящей коронации должно подстегнуть местную публику, после чего подготовка к созыву парламентской сессии закономерно ускорится. 1 августа 1627 года в неофициальной беседе между королем и эдинбургским эмиссаром Джоном Фуллертоном был заново поднят вопрос о коронации. При этом в качестве возможного места для церемонии король назвал Сент-Джайлз⁴. Намек был воспринят должным образом: отправленная Фуллертоном депеша дада основания графу Мару не только возобновить приготовления, но и учредить специальный комитет по проверке церковного здания на предмет его пригодности для проведения церемонии⁵.

В свое время считавшийся кафедральным, этот собор давно утратил свое прежнее значение, став, как считали современники, своеобразным символом пресвитерианства. Именно в нем были произнесены первые публичные проповеди Джона Нокса, именно он оказался одним из первых католических храмов, которые постигла участь перепланировки. Некогда величественная по внутреннему убранству центральная часть здания лишилась знаменитого алтаря и дубовых панелей; была разделена с севера и с юга перегородками, отвечавшими потребностям обосновавшихся при нем нескольких пресвитерианских общин.

«Зрелище было жалким», как признавался один из членов комитета, «но не безнадежным». Перегородки были сложены из местного камня, и их при желании можно было бы разобрать, но проведенная 27 августа инспекция дала все-таки неутешительный ответ⁶. Дело

в том, что во время реконструкции храма по решению городского совета в его восточном пределе была устроена приходская школа. Для этих целей была использована, помимо прежнего святилища, значительная часть клироса. Состояние здания было таково, что одновременное размещение подмостков с необходимыми для коронации атрибутами и хора было невозможным⁷. Так звучали строки официального ответа, но за техническими сложностями, очевидно, скрывались и другие веские аргументы. Сент-Джайлз, помимо возможных ассоциаций с началом пресвитерианской реформации в Шотландии, располагался по ходу знаменитой Роял Майл — самой широкой улицы Эдинбурга. Ее размеры были неудобны не только для организации церемониального пространства коронационной процессии, но и для должного обеспечения ее безопасности. Общественное мнение в Шотландии осуждало женитьбу Карла на французской принцессе, а духовенство не разделяло его симпатий к англокатолицизму. Известное конфессиональное противостояние монарха и большинства его шотландских подданных было более чем очевидно.

Не смотря на результаты инспекции члены комитета, решили отправить Карлу не только текст своего вердикта, но и подробную калькуляцию расходов на тот случай, если монарх будет упорствовать в своем желании провести церемонию именно в Сент-Джайлз. По их предварительным расчетам требуемая реконструкция восточного предела храма потребует от казны сумму, равную 12000£⁸.

Мне не удалось найти свидетельств реакции Карла ни на доводы комитета, ни на представленную им сводку возможных расходов. Так или иначе, но в официальной переписке между Лондоном и Эдинбургом упоминания о Сент-Джайлзе как о желательном месте коронации становятся менее регулярными, а вскоре и вовсе исчезают⁹. При этом с весны 1628 года шотландская сторона возвращается к идее, которая осталась в свое время без внимания со стороны Карла, настаивая на проведение самого действия в небольшой церкви Холи-Кросс, располагавшейся в Холирудском аббатстве¹⁰.

Известная пауза в обсуждении места для церемонии была связана, как представляется, с тем, что внимание Карла переключилось на другую, связанную с нею проблему. Ему совместно с иерархами обеих церквей предстояло принять решение, по какому образцу следует организовать саму церемонию. Выбор был небольшим и подразумевал две возможности. С одной стороны, организаторы мероприятия могли использовать опыт Вестминстерских коронаций 1603 и 1626 годов, с другой — последовать другому примеру и провести церемонию согласно шотландской традиции.

Вестминстерские коронации Стюартов отличались между собой возрастающим влиянием англокатолицизма. Средневековые шотландские церемонии были с литургической точки зрения, не смотря на известные расхождения с континентальной практикой¹¹, сугубо католическими. Возможность компромисса осложнялась догматическими спорами между англиканским и пресвитерианским духовенством по обе стороны северной границы.

Судя по всему, осознавая беспрецедентность предстоящей церемонии, Карл обратился одновременно за советом к двум авторитетам в области литургики. Он написал Джону Споттисвуду, занявшему к тому времени архиепископскую кафедру в Сент-Эндрюзе¹², и пригласил для консультаций Уильяма Лода, будущего архиепископа Кентерберийского, главного вдохновителя литургических новаций коронации 1626 года. Особое задание получили шотландский Тайный совет и, очевидно, Герольдмейстерская палата.

В личных бумагах Споттисвуда есть небольшой набросок, содержащий извлечения из *Liber Regalis*, снабженные краткими комментариями¹³. Судя по всему, это могла быть одна из черновых или промежуточных версий отосланного Карлу окончательного варианта литургического сценария, до сей поры не обнаруженного. Текст комментариев касался в основном тех моментов литургического действия, которые, по мнению архиепископа, противоречили сложившейся в Шотландии к началу XVII века практике. Речь шла в основном о последовательности антифонов и литаний, языке службы,

облачении церковных иерархов во время самой церемонии, коленопреклонении, помазании и причащении, кратности и формы самого помазания. Очевидно, предложенный архиепископом вариант был ориентирован на известный компромисс английской и шотландской традиций.

Лод, находившийся среди ближайшего окружения монарха, пользовавшийся доверием Карла, очевидно, не оказывал давления на его консультации с шотландским архиепископом и держался в стороне. Его мнение стало, однако, решающим или, по крайней мере, было принято к сведению на последней стадии подготовки, когда был утвержден окончательный вариант коронационного порядка¹⁴. Что же касается позиции Тайного совета в Эдинбурге, то, исполняя волю монарха, его члены обратились с просьбой составить необходимый обзор шотландских коронационных обрядов к сэру Джерому Линдси — главе Герольдмейстерской палаты. Подготовленный обзор был рассмотрен на заседании совета и затем отослан в Лондон¹⁵. С этого момента и вплоть до самой коронации англичане и шотландцы, по всей вероятности, разграничили свои полномочия. Английская сторона сосредоточилась на разработке самой процессии и составлении окончательного регламента, а шотландская — на материализации этого проекта. Каким образом обе стороны постепенно реализовывали намеченный общими усилиями план, неизвестно, поскольку сведения об этой стадии подготовки обнаружить не удалось. Все, чем я располагаю, относится уже к самой церемонии, а также ее различным описаниям¹⁶.

Составленная Линдси версия коронационного порядка по своему характеру обобщала известную только самому составителю традицию и опиралась, по всей видимости, на группу латинских протографов, идентифицировать которые лишь по очень краткому замечанию герольда¹⁷, не представляется возможным¹⁸. По меньшей мере, о наличии одного из таких протографов говорят и заметки, оставленные архиепископом Споттисвудом, в которых упоминается некая «форма» («forme») и ее латинский эквивалент «modus»¹⁹.

Современному специалисту достаточно сложно судить о том, что представляли собой вдохновившие Линдси и Споттисвуда источники: слишком скудны, сделанные каждым из них замечания. Тем не менее среди дошедших до нашего времени рукописных и печатных памятников есть материалы, позволяющие сделать определенные предположения относительно положенных в основу, по меньшей мере, высланного в Лондон коронационного регламента протографов.

Из всех сохранившихся к моменту составления этих двух документов средневековых регламентов самыми известными были коронационные порядки Александра III (1249) и Роберта II (1371). В фонде Адвокатской коллегии (Национальная библиотека Шотландии) сохранились две латинские рукописные версии порядка коронации Александра III, отличающиеся лишь в изложении второстепенных деталей²⁰. В том же фонде хранятся три рукописные копии порядка коронации Роберта II: одна — латинская, вторая, содержательно ей идентичная, написанная на шотландском диалекте²¹, наконец, третья, отличающаяся от предыдущей пространными интерполяциями²². Все версии этих средневековых регламентов принадлежали в свое время известному шотландскому герольду Джеймсу Бэлфуру, после смерти которого Адвокатская коллегия выкупила их в составе обширной коллекции шотландских рукописей XIII–XVII веков у родственников герольда.

Наличие в коллекции рукописей известного герольда средневековых шотландских регламентов XIII–XIV веков с трудом можно считать случайным, если учесть значимость состоявшегося в 1633 году события и стремление шотландской стороны организовать церемонию в соответствии с традицией. Тем не менее, по справедливому замечанию Р. Лайолла, аутентичность этих коронационных порядков остается недоказанной, поскольку современная наука не располагает точными сведениями об источнике, вдохновившего их составителя²³.

Трудности при их сопоставлении очевидны, а сам анализ осложняется, тем, что обе коронации восходят по существу к двум взаимосвязанным, но все-таки различающимся в деталях тради-

циям. Дело в том, что после 1329 года сама церемония коронации шотландских монархов претерпевает определенные изменения, поскольку папа Иоанн XXII не только признал право шотландской короны использовать процедуру помазания, но и преподнес в качестве дара ряд королевских регалий, обновив тем самым состав традиционной инвеституры и видоизменив текст произносимой будущим монархом клятвы.

Сложность в определении источника двух версий первого из сохранившихся регламентов кажется мне, тем не менее, вполне преодолимой, если в качестве отправного момента анализа использовать текст Фордуна, описавшего коронацию Александра III (1249)²⁴. Составляя его, Фордун, должно быть, отталкивался от известного только ему источника, до нас недошедшего. О том, что находившийся в его распоряжении материал был хорошо отобран и систематизирован, свидетельствует структура самого повествования. Фордун или его информатор были прекрасно знакомы с тем, что принято называть рубриками порядка. Его рассказ можно разделить на десять содержательных разделов, которые, хотя и не полностью соответствовали рубрикам коронационного чина, все же отражали его основное содержание. Состав этих разделов универсален и, насколько мне известно, такая композиция основных этапов церемонии сохранялась вплоть до последней в Шотландии коронации 1567 года²⁵.

Речь идет о собственно предваряющем коронацию избрании монарха сначала из числа более достойных, а затем после Малколма III — с известными отклонениями от нормы — из числа родственников. Следующая за ним часть церемонии предполагала явление избранного таким образом «кандидата» перед народом. Обычно шотландские монархи появлялись перед таким собранием облаченные во все белое. Цвет символизировал невинность их помыслов, готовность защищать «общее дело» и интересы церкви.

Третья часть церемонии была связана с инаугурацией на символическом камне в Сконе. После того, как Эдуард I вывез ритуальный камень в Англию, шотландцы использовали, согласно легендам,

различного рода симулякры, но, в конце концов, восприняли континентальный вариант этой части процессии. Инаугурация сменялась клятвоприношением, содержащим, как правило, обещание соблюдать мир внутри королевства, пресекать усобицы и бороться с несправедливостью и, наконец, проявлять милосердие к подданным. Далее следовала процедура, предписывавшая присутствующим на церемонии «друзьям и последователям» собраться у трона. После чего в два этапа осуществлялась инвеститура. Королю вручали «белый жезл»-скипетр — источник Силы, а затем меч (после 1329 года — меч Справедливости). Инвеститура сменялась декламацией родословной монарха. После чего следовало семикратное благословение. Завершалась церемония коронационным пиром и всеобщим гулянием.

Боуэр, снабдивший описание коронации Александра III некоторыми деталями, также следует за одним исключением вытекающим из описания Фордуна разделам. В его тексте процедура инвеституры занимает одну (шестую по порядку) позицию и не делится на две составляющие. При этом складывается впечатление, что скипетр и меч вручались королю одновременно. Боуэр не только упоминает их в паре, но и путает, очевидно, саму последовательность вручения («... и тогда *скипетр и меч* были ... вручены королю ... » или «после того, как *меч и скипетр* (курсив мой. — С. Ф.) были отданы в его руки ... »²⁶.

Очевидная неточность в передаче последовательности вручения регалий, тем не менее, не снижает оригинальности сообщаемых им сведений. Подобного рода заблуждения были типичными для описаний и более позднего происхождения. Существенным оказывалось другое обстоятельство. Обычно авторы, составлявшие продолжение хроник, подчас изменяли содержание текста своих предшественников. У Боуэра были вполне веские обстоятельства последовать этому примеру, поскольку ко времени завершения работы над хроникой церемония коронации претерпела изменения. По меньшей мере, инаугурация Роберта II прошла при соблюдении

последовательности нового коронационного чина: он был помазан на царство. Произшедшие изменения остались, однако, достоянием своего времени и не коснулись в изложении Боуэра описания коронации Александра III.

При сопоставлении последовательности рубрик регламента в версии Adv. 33.2.26 с текстом описания Фордуна-Боуэра обнаруживается их почти полная идентичность. Некоторые несовпадения в деталях могут быть объяснены за счет вполне понятных различий в форме организации материала: регламент всегда более точен, лаконичен, и даже сух, при этом описание всегда более свободно в выборе лексических единиц и оборотов и, конечно же, выглядит эмоционально насыщеннее.

Несмотря на почти полное совпадение содержательных разделов повествования Фордуна-Боуэра и рубрик регламента из коллекции Бэлфура, непонятным остается, в какой последовательности следует располагать эти два взаимосвязанных источника. Во-первых, сам регламент, если признать его аутентичность, мог служить основой для соответствующих повествований как Фордуна, так и Боуэра. При таких обстоятельствах сохранившийся в оригинале или копиях он мог быть воспроизведен по заказу Карла I Стюарта либо самим Бэлфуром, либо еще кем-нибудь из его ближайшего окружения. Во-вторых, он мог быть составлен самим Бэлфуром в начале XVII века по сохранившимся текстам обоих хронистов. Тогда функция герольда или же его окружения оказывалась решающей, но и при таком стечении обстоятельств основная нагрузка составленного даже таким образом регламента оставалась неизменной. Его присутствие в коллекции Бэлфура, помимо антикварных наклонностей самого собирателя, свидетельствовало о наличии у него определенного интереса к поиску наиболее древнего из сохранившихся вариантов церемонии. В этом смысле коронационный порядок Александра III мог рассматриваться в качестве нейтрального и с литургической точки зрения наиболее близкого разделяемым Бэлфуром идеалам пресвитерианского духовенства.

Иначе обстоит дело с объяснением происхождения второй версии регламента (Adv. 33.7.10), которая, как уже отмечалось, незначительно отличается от уже рассмотренной. На первый взгляд, любые суждения о происхождении этого текста облегчаются наличием прямого указания на источник заимствования. Речь идет о так называемой хронике из Скона и о ее составителе Магнусе Маккулохе²⁷. Согласно У. Николсону, Маккулох изготовил, по меньшей мере, две сокращенные копии «Шотландской хроники» Фордуна-Боуэра. Одна из них, датированная 1481 годом, предназначалась для неизвестного заказчика (ныне — *Brechin Castle MS*), а вторая, относящаяся к 1484 году — для библиотеки архиепископа Сент-Эндрюзского²⁸.

Копия, изготовленная для библиотеки архиепископа, была утеряна в конце XVII века: во всяком случае, в каталоге средневековых шотландских рукописей из университетского собрания, составленного Томасом Иннезом в 1701 год, она уже отсутствовала. При этом записи, оставленные Дэвидом Бьюкененом — одним из хранителей рукописной коллекции, указывают, что еще в середине XVII века «хроника Маккулоха из Скона» находилась в университетской коллекции, но исчезла, после того, как Патрик Лайон, граф Стратмор, получив рукопись под предлогом ее подготовки к публикации, не вернул ее обратно²⁹. Поскольку Сент-Эндрюзская рукопись, оставалась доступной в 1620–1630-х годах, ею, вполне вероятно, могли воспользоваться как Джон Споттисвуд, так и находившийся с ним в дружественных отношениях Бэлфур. При этом, скорее всего, именно Споттисвуд, достаточно хорошо осведомленный в рукописном составе университетской коллекции, тем более находившейся недалеко от его резиденции, мог подсказать Бэлфуру еще один источник для интересовавшей его темы.

Во всей этой истории с хроникой Маккулоха непонятным остается одно, как Бэлфур, прекрасно осведомленный в содержании хроники Фордуна-Боуэра³⁰, не распознал в университетской рукописи одну из копий известного ему повествования. Сокращения Маккулоха, значительные для раннего периода шотландской исто-

рии, практически не коснулись истории XIII века: описание коронации осталось также нетронутым, хотя текст повествования был составлен с использованием лексических оборотов, характерных уже для самого Магнуса Маккулоха и отвечавших литературным вкусам второй половины XV века.

Текст регламента Роберта II значительно отличается и по структуре, и по содержанию от порядка 1249 года. В «Шотландской хронике» Фордуна-Боуэра описание самой церемонии в таком объеме отсутствует, что позволяет предполагать иные обстоятельства и, очевидно, иной источник происхождения этого документа. Существование двух версий регламента, идентичных по содержанию, но составленных на латыни и шотландском диалекте, также нельзя объяснить простым желанием владельца иметь оригинальную копию и ее перевод, поскольку непонятым остается, какая из версий была исходной. Третья — более пространная копия регламента еще более усложняет выдвижение какой-либо единой версии происхождения этих текстов.

Д. Бют и Д. Купер, обращавшие внимание на существование обеих версий регламента, склонялись к мысли об их позднем происхождении и, следовательно, считали оба документа «талантливыми» подделками. Суждения этих двух известных авторитетов в области шотландских древностей основывались на весьма логичном выводе, вытекающем из анализа филологических особенностей этих документов. Они полагали, что латинская версия регламента была переводом его шотландского протографа, который при невыясненных обстоятельствах был составлен его владельцем Д. Бэлфуром почти сразу же после коронации 1633 года. В пользу такого вывода свидетельствовали как особенности диалектной формы английского языка, сформировавшейся в Шотландии не ранее середины XVI века, так и далекий от средневековых идеалов лексический и синтаксический строй использованной при переводе документа латыни³¹.

Р. Лайолл, не разделяя критических суждений Д. Купера и Д. Бюта, ссылается на указание самого Бэлфура о том, что текст регламента был заимствован им из латинской рукописи, изготов-

ленной каноником из Холирудского аббатства³², которая в свою очередь была передана ему клерком Тайного совета Джеймсом Примройзом, позаимствовавшим ее из рукописной коллекции графа Маришала в Дуннотаре³³. Рукописи, принадлежавшие графам Маришалам, хранятся сейчас в Национальной библиотеке Шотландии,³⁴ но среди них нет упоминаемого Бэлфуром памятника. Тем не менее присутствующее в коллекции описание коронации Карла I³⁵, значительно отличающееся от бэлфуровского, но содержащее надпись, которая подтверждает ее связь с рукописями, хранившимися в первой половине XVII века в Дуннотарском замке³⁶, не исключает наличие в собрании Маришалов и копии упомянутой рукописи³⁷. Добавлю, что Примройз был сам собирателем средневековых раритетов³⁸, а, оставаясь при этом клерком Тайного совета, мог иметь неограниченный доступ к монастырской библиотеке: известно, что часто собиравшийся в 1620–1630-х годах в Холируде совет неоднократно обращался за помощью к хранителям монастырской библиотеки. При этом подобная миссия, как правило, поручалась клеркам, которые со временем могли превратиться в знатоков располагавшегося в Холируде рукописного и печатного собрания.

Связь регламента Роберта II с холирудским манускриптом или же каким-то иным, но отличным от повествования Фордуна-Боуэра источником косвенно подтверждает датировка коронации и место ее проведения, указанные в заглавии короткой и пространной версий порядка. Речь идет о том, что коронация состоялась 23 мая 1371 года, а местом ее проведения было Холирудское аббатство. При этом известно, что Роберт II был коронован, подобно своим предшественникам в Сконе 26 марта того же года. Именно такая датировка события содержится в Шотландской хронике Фордуна-Боуэра³⁹; ее же воспроизводит и сам Бэлфур в своих «Анналах»⁴⁰. Я далек от убеждения как в том, что дата и место проведения коронации были искажены преднамеренно, так и от того, что в момент составления регламента Бэлфур мог не знать точной даты, затем исправленной при написании его «Анналов».

Датировка работ самого Бэлфура значительно затруднена тем, что часть из них увидела свет лишь после смерти его автора. Тем не менее весьма существенным представляется то, что «Анналы» считаются большинством исследователей одной из поздних работ Бэлфура, тем более основанной в их средневековой части на повествовании Фордуна-Боуэра. Скорее всего, сведения были почерпнуты герольдом из иного источника, которым могла вполне оказаться названная им холирудская рукопись. Желая сохранить содержащиеся в ней сведения в первозданном состоянии, он, несмотря на свое знакомство с «Шотландской хроникой» и эпитомой Маккулоха, воспроизвел заведомо неточные сведения.

Из двух сохранившихся версий регламента Роберта II, оригинальный характер пространной редакции вообще не поддается идентификации. Сам Бэлфур умалчивает об источнике, послужившей основой для его воспроизведения, наличие поздних интерполяций не позволяет напрямую отождествлять его содержание с версией Adv. 33.2.26. Тем не менее их сравнение все-таки возможно, но только при сопоставлении с соответствующими рубриками регламента Линдси. Мне представляется, что между двумя шотландскими версиями регламента Роберта II и отосланным в Лондон порядком существует определенная генетическая связь, указывающая на сходство вдохновлявших их составление или воспроизведение источников. С этой целью я привожу ниже в качестве исходного текст сокращенной версии регламента одновременно с транскрипцией его пространной версии (левая колонка) так, что существующие между ними различия видны при воспроизведении и выделены жирным шрифтом. В правой колонке, предназначенной для текста регламента Линдси, напротив соответствующих мест бэлфуровских регламентов указаны только опущенные места и буквальные расхождения (помечены цифрами) с тем, чтобы была видна несомненная схожесть всех трех порядков.

	Инаугурация Роберта II Шотландского при монастыре Сент-Кросс в Эдинбурге 23 мая 1371 года	Порядок коронации королей Шотландии
1.	In the morning, befor the king *[Koing]* came in publicke, ther came to him 2 *[tuo]* Bischopes, 2 *[tou]* Abbots, with 24 *[twenty four]* uther [other] of the clergie ¹ , 4 [four] noblemen, the Constable and Marishcall *[Mariscall]*. Hauing their battons *[battans]* of office in their hand, (...) ² sex commissioners of the Barrons, *[and als maney of the Burrowes]*.	*опущено* **опущено** *опущено* ¹ churchmen *опущено* *опущено* ² (four or) *опущено*
2.	The King wes brought furth with the Constable, on the *[hes]* right hand, and the Marishall *[Mariscall]* one the [hes] lefte, quher he wes set wnder a clothe of stait (...) ³ , to declaire, that as yet *[zet]* he had not receauid the Croune. Not: that it wes closed after the Coronatione	*опущено* *опущено* ³ (which is open); *опущено*
3.	The Churchmen, *[Nobles]* (...) ⁴ , *[Barrons]*, and Burgesses (...) ⁵ , askit at the King if he wer lawfull successor *[or not]* to hes father, and wer villing to accept the dignity of the croune, wich they doe *[did now]* offer to his Maiestie, then *[wes his genealogie recited.]* must ther be sex geneologis to quhome he heth succidit. Upon the Kinges grant *[graunt]* to accept, the Bishops and all the rest caused the pail to be halfe opened, *[((which befor is called a` clouth of stait))]*, and they said God blisse you Schir; *[then did the Queir and all sing]* and they all sange God Blisse Him, as he *[did hes]* had done his *[father]* (...) ⁶ .	*опущено*; ⁴ (nobility) *опущено*; ⁵ (in ordour) *опущено* *опущено* *опущено* *опущено* *опущено* *опущено* **опущено**; ⁶ forefathers

4.	<p>Then the Lyone King of Armes was callid one by the Lord Marischall, quho *[attendit one by]* with the *[Herauldes]* (...)⁷, came in ther coates, <i>and sitt doune befor the kinge</i> *[the Lyon satt doune at the Kinges feete, and the Herauldes went to ther stage prepared for them, and ther the Marischall, by the mouthe of the Bishope of St. Andrewes, did sueire the Lyon, quho being suorne, then did he put one hes croune, ordained him to weare for that solemnitie]*. <i>And ther Marischall by the mouth of the Bischope of St. Andreues did suere the Layone, quho being suorne and crouned with his auen Croune (wich he is to wear at Solenitie) the suord and shepter being carried be tuo heralds⁸ befor him, they cam fourthe to the therter quher the king wes to be crouned, the Biscops, Nobles, Gentrey and Commissioners of the burroghes being with him.</i></p>	<p>**опущено**; ⁷ brethrein</p> <p>*опущено*</p> <p>⁸brethrein</p>
5.	<p>*[Then did they all come fourth to the Theater, quher the King wes to be crouned, the Bischopes, nobles, gentrey, and Commissioners of the Burrowes, being with him]*. The Marischall *[desired]* <i>sayes</i> *[to]* the Lyone *[to]* show the King's pleasure, *[quho sayes aloud]* <i>and he seyed</i> to the People. *[That]* the King is villinge to accept the croune, then *[all]* the commissioners *[and standers bay crayes]* <i>sayed</i>, God bliss him quho is to be our King, *[and all]* then with *[in one]* loud voyce, *[with shouts,]* the people crayed <i>Bring him to us</i>, God bliss him and us, for his caus.</p>	<p>*фрагмент опущен*</p> <p>**опущено**</p> <p>*опущено*</p> <p>*опущено*</p> <p>*опущено*</p> <p>*опущено*</p> <p>**опущено**</p> <p>*опущено*</p>

6.	Then the Lyone *[returned]* (...) ⁹ with the Bischopes, Constable, and Marishall &c. <i>shoues</i> *[shew]* the (P. 38) King that the people would haue him crowned, and call *[very]* earnistlie for him.	*опущено*; ⁹ (is to returne) *опущено* *опущено*
7.	*[Then does the King come fourth of hes close paill with the Croune, Suord, and Scepter borne befor him, the Bischopes being one his right and left hand at his outh comeing, and the Lyone going befor, crayes, heir comes the King, the people with acclamations ansuer, God bliss him]*. <i>Then the Layon, hauing the Croune one hes head and tou heralds the suord and the septer, the rest going befor, crayes Here comes the king! And the people ansuered, God bliss him! The Bischops goe one hes right and left at outcominge.</i>	*фрагмент опущен*
8.	The King *[hath one hes]* [<i>heth</i>] (...) ¹⁰ <i>ordinairei</i> [apparel] <i>apparrall</i> *[for that day]* onlye, hauing his clothes open one the boughts of *[the]* <i>hes</i> Armes and *[shoulders]* <i>shoulder poynts</i> , *[with loupes fastened]*, and his clocke about him, — the Grate Constable and Marishall did bear his Roabes, the Gtate Seall and Spurs, *[with honors, wer]* <i>are</i> layed doune one *[a little]* <i>ane</i> table, befor the Kinge (...) ¹¹	*опущено*; ¹⁰ (is in his) *опущено* *опущено* *опущено* *опущено* **опущено** ¹¹ (and than ane bishop is to preache)
9.	*Then did the Bischope *[make a sermone]* <i>did preache</i> , *[wich endit]* <i>thereafter</i> , *[the Lyone brought]* tuo *[vials]* *[<i>pigges</i>]* (...) ¹² of *[sacred]* oyle, <i>carried by the Layone</i> *[deliuering]* wes given *[the one]* to the Constable and the *[one]* uther to the	*опущено* *опущено* ***опущено*** ¹² jugs; *опущено* **опущено** *опущено*

(9)	<p>Marishall. *[Which they deliuered]* and they gaue it to the Bischopes, (...) ¹³ *[quo therwith anointed]* poured one the kinges head *[the King one the croune of the head]*, and upon the one side and one the uther. They oyled him also one* the boughes of hes armes, one the laufess of hes hands, topes of hes shoulder *[blades]*, and *[palmes of hes handes]* okesters.</p>	<p>*опущено* ¹³ (one on the one side and the other on the other, and oyle him in); **опущено** *опущено* *опущено* *опущено*</p>
10.	<p>*[The Bischopes said diuers prayers and orations at the anointing of each place.]* The Marishall takes upe hes doublet and puts it one; the Bischops haue ther auen words to speake the Lyone of the Anoynting.</p>	<p>*опущено*</p>
11.	<p>Then the Constable (...) ¹⁴ toke upe the robes and gaue it to the Bischopes, *[quho forthwith did]* pute it one the kinge, and at euvry piece they put one they say or pray, Indue Rex tunicam Iustitiae. Quhen the robes ar pute one, (P. 39) then *[did]* takes the Lyone *[take]* off his croune *[from his head]*, and layes it doune *[at the King's feete]*, and coming to the neix to the place quher the kinges croune layes and coming to Marischall says these wordes *[all, sayes]*, I surrender and commands the King to be crowned, repetting sex generations of his discente.</p>	<p>¹⁴ (Marishall) *опущено* *опущено* *опущено* *опущено* *опущено*</p>
12.	<p>Then *[wes]* the croune is put one the king's head, the Bischopes craying aloud, God bliss the King, *[the Herauldes at their stage]* and ane other pray, God Bliss the people, and *[the Lyone, with a loud woyce, crayes]* ouer againe, God bliss the King and *[the]* People.</p>	<p>*опущено* *опущено* *опущено* *опущено*</p>

13	<p>*[After]* <i>Quhill</i>¹⁵ the Croune is on the King's head, he *[solemnlie suers]* <i>promissis</i> by othe, taken *[one]* the *[Euangell]*, by the Bischopes, to be a (...) ¹⁶ fathert to the people, *[to do justice, to manteine the religion he professt, to serve God, &c. to route out all heretickes out of his realme, to procure peace to the church, to the vttermost of hes pour, to preserve the rents, rights, and priuledges of his croune, and not to transfer nor alienat the same, to forbid and quashe all oppressions, to defend the vidues house, and fatherless, &c.]* <i>in the wordes</i> *[<i>thought good at that tyme by the Bischopes</i>]* (...) ¹⁷. Both [<i>since</i>] (...) ¹⁸ <i>the forme of the othe is sett doune by</i> (...) ¹⁹ <i>acte of parliament, made</i> *[<i>by</i>]* (...) ²⁰ <i>the king James of</i> (...) ²¹ <i>blessed memorie, first parl., cap. 8, [in the words following:</i> <i>{The full text of the prescribed oath is here given}</i>]*</p>	<p>*опущено*; ¹⁵ when *опущено* **опущено** ¹⁶ (loving) *опущено* *опущено*; ¹⁷ (that bishops thinkes good); ¹⁸ (now) ¹⁹ (special); *опущено* ²⁰ (be); ²¹ (ever) *опущено*</p>
14.	<p>Then the Marischall hauing *[in his hand]* the obligaritie othe of the people, goeth to the foure *[corners]* (...) ²² of the scaffold, *[quho]* *[and]* <i>reades it to the Layone</i>, *[quho]* (...) ²³ crayes it out to the people, (...) ²⁴ *[they]* [holding] (...) ²⁵ vpe ther hands *[all the tyme]* <i>and say al, Amen</i></p>	<p>*опущено* *опущено*; ²² nuikes **опущено** *опущено*; ²³ (who) ²⁴ (who); *опущено*; ²⁵ (hold); *опущено*</p>
15.	<p>*[The wordes of the othe wer thesse, "I become your man, as my liege King, in Land, Lyffe, Lithe, and Lime, and varldes honer, feule and laule, against all that lieu and dyie may. Your counsaill celand that ze shaw to me, the best counsaill giueand if ze charge me. Your skaith, na dishonor to heir nor see, bot I shall lett it, at all my goodlie pouer, and varne you thereof. Sa help me God. Amen."]*</p>	<p>*рубрика опущена*</p>

16.	<p>Then the Constable *[tooke]* (...) ²⁶ the Croune *from off the Kinges head*, and layed it doune befor the King, and the Bischope put²⁵ one the Kinges hat.</p>	<p>*опущено*; ²⁶ (takes. aff) *опущено*</p>
17.	<p><i>The quihuoll noblemen came, *[one by one],* and touched the croune (...) ²⁷, saing these words, Sua mote God helpe me as I shall supporte the. *[Wich done]*, and quhen they hue done they all of them againe holdeinge upe their hands, (...) ²⁸ — I sueare and holde vpe my hande *that [to manteine, defender, and supporte the, as I vishe the Lord in my need to help me], &c</i></p> <p><i>{Forma Iuramenti Regis suis tribus statibus. I shall be leile and true to God, and Haliekirk, and to the thre estates of my realme, and ilk estaite keipe, gouerne and defend in ther auen fredome, and preuilldge at my goodlie pouer, after the laues and custumes of the realme, the lau Cristine & statuts of the realme nother to eike nor mynisshe without the consent of the 3. estates, and nothing to wyrke na use touching the common profit of the realme bot consent of the three estates, the lau and status made by my forbears keipe and use at all points with all my pouer till all my lieges in all thinges, sua that they repung naught the faith: Sua helpe me God and this Halydoume.</i></p> <p><i>Forma fidelitatis praelatorum</i></p> <p><i>I sall be lele and true to you, my liege lord Schire, James king of Scotts, and not heir your skaith nor see it bot I sall lett it at all my pouer, and warne you thorgh your Counsaill heile that you shau me, the best counsaile I can to geue you, quhen ye charge me, In Werbo Dei, and als helpe me God and haly Euangells.</i></p>	<p>*опущено* ²⁷ (on thair knees)</p> <p>*опущено* ²⁸ (and say again)</p>

(17)	<p><i>Iuramentum Baronum et ipsorum Homagij</i> <i>Iuramentum</i> <i>I becume your man as my liege king, in land, life, lithe and lyme, and warlds honoure, feute and laute, agains all that lieu and dee may, your Counsaile celand tgat ye shau to me, the best counsale gifand if ye charge me; your skaith na dishonour to heir nor see bot I sall lett it at al my goodle pouer and warne you thereof, sa helpe me God.</i> <i>Forma fidelitatis iuramenti Regi.</i> <i>I sall be leile and true to my Souerane Leige lord Schir James king of Scotland; I sall nather heir your skaith nor see it bots all lett it at my pouer and warne you theof; your consaile shauin to me I sall conseile, the best conseile I can I sall giue it you quhen ye charge me therewith, sa helpe me God.</i> <i>Thir forsaid aithis wer made in parliament beginning at Perth the 14 day of Junij in Anno 1445 and ther after continued to Edinburghe in Anno afforesaid.}* (...)²⁹</i></p>	<p>*фрагмент опущен*; ²⁹ (Then ar psalms sung and the trumpets sound, heraulds, people and all cry, God keepe the King, thrise.)</p>
18.	<p>*All which ceremonies performed, with maney more not heir particularly set done, the King rysse from his chaire, and solely accompanied with all hes Bischopes, Abbots, Nobles, and Commissioners forsaid, went to the gteat hall of the Abey, quher with the King, each estait in order, hathe their deue to the King's feast, prepared for them.* (...)³⁰</p>	<p>*фрагмент опущен* ³⁰ (At the outgoing the King gives to be carried to his Chancellor and the rest of the noblemen the crowne, scepter, sword, and great seale, and so they marche as they come in with the Lyoun and the rest, the Constable and Marishall going behind to carie up the traine of the Kings robe)</p>

19.		The Marishall with his owne hands putts on spurres and boots and takes thame off again when the King goes in.
-----	--	---

Сопоставление трех регламентов дает следующие результаты. Рубрики 1-7 обнаруживают почти полное сходство. Различия, весьма несущественные, очевидно отражают либо идущую от краткой версии к регламенту Линдси определенную правку текста (правописание, выбор более удачных оборотов и т.д.), либо уже характерную для пространной версии и конечного, отосланного в Лондон регламента редакторскую работу. При этом основной смысл руководства, характерного для всех трех регламентов, остается неизменным.

Две следующие рубрики, помимо незначительной правки, отличаются тем, что фраза «и тогда один из епископов прочел проповедь» была перемещена из девятой (место, которое было подтверждено краткой и пространной версией регламента Роберта II) в восьмую рубрику, что придало ей по смыслу законченный характер. При этом в обоих текстах Бэлфура можно обнаружить определенную несогласованность оборота, описывающего действия епископов при помазании, которая оказывается исправленной в соответствии с принятой традицией в регламенте Линдси.

Десятая рубрика любопытна тем, что пространная редакция снимает весьма необходимую в таких случаях фразу, указывающую на то, что во время помазания епископы читают проповеди и произносят речи, в которых для присутствующих разъяснялся смысл совершаемых действий. В пространной версии и регламенте Линдси подобное с соизволения епископов делает глава Герольдмейстерской палаты. Рубрики 11-12 содержат лишь стилистическую правку. При этом в 13 рубрике пространной версии появляется вставка, сохраненная почти без изменений в регламенте Линдси.

Речь идет о присяге-клятве, произносимой монархом, текст которой, по словам самого Бэлфура, восходит к парламенту 1445 года (полный текст помещен в рубрике 17). Известно, что текст этой присяги, изъятый из парламентских свитков, был обнаружен и опубликован Д. Пинкертоном только в конце XVIII века⁴¹. Лайолл указывает на идентичную по содержанию английскому манускрипту копию этой присяги, изготовленную Джеймсом Монинетом в 1488 году и входившую в свое время в коллекцию средневековых раритетов Бэлфура.⁴² Наличие этого текста, интерполированного в регламент Роберта II и воспроизведенного Линдси, по всей видимости, позволяет говорить о двух важнейших обстоятельствах, связанных с историей каждого из порядков. Оставшаяся в рукописной коллекции пространная версия регламента Роберта II была, скорее всего, промежуточным вариантом подготавливаемого Бэлфуром сводного регламента, идентичного по функции тому, что представил Тайному совету его предшественник на посту главы Герольдмейстерской палаты. При этом весьма существенным остается и тот факт, что оба герольда, очевидно, располагали одними и теми же протографами и обменивались ими.

14 рубрика краткой и пространной версии также почти идентичны. При этом в регламенте Линдси обнаруживается существенная стилистическая правка, не меняющая, однако, смысла содержащейся в ней рекомендации. Следующая рубрика, относящаяся к краткой версии, по вполне понятным соображениям, опущена в пространной версии и регламенте Линдси. 16 позиция сохранена в краткой редакции и без изменений, а 18 рубрика, отсутствующая в пространной версии, заменена в отосланном в Лондон варианте разъяснениями, связанными с окончанием церемонии.

Таким образом, генетическая связь текста этих документов очевидна, что делает вполне вероятным предположение о серьезной работе, которая была проведена шотландскими герольдами в связи с поступившим из Лондона запросом. В ответ на желание Карла I ознакомиться с церемонией средневековых шотландских корона-

ций местные герольды, очевидно, извлекли из частных рукописных коллекций и монастырских библиотек известные к тому времени регламенты и реконструировали по описаниям хронистов недостающие порядки. Дошедшие до нас в собрании Адвокатской коллегии регламенты Александра III и Роберта II, при всей их условной исторической достоверности, свидетельствуют о том, что шотландская сторона далеко не сразу пришла к той версии порядка, которая легла в основу отосланного в Лондон варианта. Очевидно, наличие этих памятников в рукописных коллекциях первой половины XVII века говорит о том, что обсуждались две версии регламента: одна — нейтральная, восходящая к XIII веку и другая — менее всего отвечавшая интересам пресвитерианского духовенства, связанная с церемонией уже конца XIV столетия. При этом предпочтение, отданное Линдси и членами Тайного совета коронационному порядку Роберта II, указывает на неоднозначность ситуации, определявшей отношение герольдов и советников, с одной стороны, и иерархов пресвитерианской церкви — с другой. При всем притом, что обе версии регламента 1371 года из коллекции Бэлфура менее всего, в отличие порядка 1249 года, поддаются исторической идентификации, их существование свидетельствует о предпочтениях, которые шотландская сторона считала обязательными в сценарии предстоящей коронации 1633 года.

Фигура Роберта II, тогда в условиях почти открытого противостояния Лондона и Эдинбурга, могла означать одно в сознании ощущавших себя ущемленными шотландцев. Основатель династии Стюартов, он, очевидно, продолжал восприниматься соотечественниками как монарх, заложивший основы стабильности и преемственности шотландского королевского дома, преумноженных его знаменитыми потомками.

Интерполированная в текст регламента редакция королевской присяги 1445 года, как представляется, указывала на гарантии, обеспечивавшие эту стабильность и преемственность. Только заручившийся поддержкой церкви, сословий и следующий заветам еванге-

листов монарх мог рассчитывать на успех своего правления. При этом и церковь, и сословия, поддерживая монарха, видели в нем, прежде всего, защитника их незабываемых свобод.

Карл, разрушивший политикой ревокаций основанный на уважении взаимных прав и обязательств трехсторонний диалог, попирали традицию. В этом смысле шотландский сценарий коронации мог восприниматься не иначе как напоминание о том, чего ждут шотландцы от своего монарха не только во время самой церемонии, но и на чем они будут настаивать в ходе парламентских сессий.

1. The Register of the Privy Council of Scotland. Second series / ed. by D. Masson. 8 vols. Edinburgh, 1899-1908. Vol. II. P. 388-389. (Далее — RPCS).
2. Обстоятельство, хотя и общеизвестное, но не бесспорное. Так, доходы британской короны в Шотландии в 1628 году составили всего лишь 16500 стерлингов (для сравнения Ирландия давала около 40000£) — это весьма скромная даже по тем временам сумма. Однако уже в 1631 году на долю шотландцев приходилась сумма в 620000£. Более подробно об этом: *Stevenson D. Union, Revolution and Religion in 17th Century Scotland. Norfolk, 1997. P. 18-19.*
3. Сведения, позволявшие связать подготовку коронации с затянувшимися парламентскими выборами, оставались до недавнего времени недоступными для меня. Ситуация изменилась после публикации второго тома нового проекта наших шотландских коллег (руководитель — профессор К. Браун) по истории шотландского парламента: *The History of the Scottish Parliament. Vol. II: Parliament and Politics in Scotland, 1567-1707 / ed. by R. M. Brown, A. J. Mann. Edinburgh, 2005.* В этом томе опубликована содержательная статья Джона Янга о парламенте 1633 года (P. 101-138), в которой значительная часть материала посвящена именно этому сюжету.
4. RPCS. Vol. II. P. 393.
5. В состав комитета вошли, помимо самого Мара, графы Хантингдон, Лодердейл, глава Герольдмейстерской палаты и руководитель

- департамент Королевских работ; церковь представлял архиепископ Сент-Эндрюсский (RPCS. Vol. II. P. 381, 385, 387, 388-390, 490).
6. RPCS. Vol. II. P. 405.
7. RPCS. Vol. II. P. 391. В 1600 году старая отделявшая школу от основной части здания стена была разобрана; построенная заново, она еще глубже вторглась в основную часть так называемой «Большой церкви», отволевая часть центрального нефа вплоть до того места, где располагалась оставшаяся на своем месте епископская кафедра (Lee C. J. St. Giles. Edinburgh, 1968. P. 119-120).
8. RPCS. Vol. II. P. 404.
9. Более подробно этот вопрос исследован в статье Дугала Шоу: Shaw D. St. Giles' Church and Charles I's Coronation visit to Scotland // Historical Research. 2004. Vol. 77. No. 198. P. 481-502.
10. Дело в том, что члены Тайного совета изначально выражали опасения относительно целесообразности выбора Карла, полагая, что Холи-Кросс, где в свое время короновали Анну Датскую, место более подходящее для таких целей (RPCS. Vol. II. P. 389). О коронации Анны см.: Федоров С. Е. «И увидела царица Савская всю мудрость Соломона и дом, который он построил»: Анна Датская и финальный эпизод шотландских королевских свадеб // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2004. №7. С. 40-65.
11. Р. Лайолл подчеркивает, что уже в классическое Средневековье можно говорить о наличии двух литургических традиций или, как он пишет, «хореографий» — собственно шотландской и римской или континентальной: Lyall R. The Medieval Scottish Coronation // Innes Review. 1977. Vol. XXVIII. No. 1. P. 3-21.
12. The Earl of Stirling Register of Royal Letters, 1615 – 1633 / ed. by C. Rogers. 2 vols. Edinburgh, 1885. Vol. I. P. 292.
13. A Brief out of Rites of Coronation called Liber Regalis. National Library of Scotland. Wod. Qu. XX. Fol. 58-62. Я благодарен моему шотландскому коллеге Джону Дугалу Шоу за то, что он обратил мое внимание на этот документ и предоставил возможность ознакомиться с его содержанием.
14. Прямых доказательств участия Лода в работе по составлению окончательного регламента не сохранилось: все, что оказалось в моем распоряжении, лишь косвенно указывает на эту связь. Должно быть, уже на начальной стадии переговоров Лод рассчитывал, что симпатии Карла будут на стороне английского обычая, и Карл попросту прибегнет к коронационному порядку 1626 года. Об этом свидетельствует в своих

- комментариях Роджер Твисден, автор одного из немногих детальных описаний коронации: [Twysden Roger]. *Coronation of the Kings of Scotland: the Form of Coronation and Rights to Be Used Therein, Collected from Other Like Solemnities, Known to Have Been Used Either in This Kingdom or by Other Great Princes* (British Library. Stowe MS. 347. fol. 14-19).
15. Обзор, подготовленный Линдси, представляет собой унифицированный регламент, отражающий, по всей видимости, наиболее важные рубрики, порядок которых сложился к середине XVI века. Текст этого регламента опубликован: RPCS. Vol. II. P. 393-395. Сэр Джером Линдси, в 1621–1630 годах возглавлял Герольдмейстерскую палату Шотландии. Д. Бют, первым опубликовавший транскрипцию этого текста в своем исследовании, заблуждается, приписывая авторство сэру Джеймсу Бэдуфу (1590?–1657), сменившему Линдси на этом посту только после его смерти (*Stuart, John, Marquis of Bute. Scottish Coronation. London, 1902. P. 299.*).
 16. Судя по всему, Д. Купер и уже упоминавшийся Д. Бют также не нашли документальных свидетельств, проливающих свет на эту часть мероприятий, поскольку в их работах, помимо общих рассуждений относительно тщательной подготовительной работы, иные иллюстрации происходившего отсутствуют: Cooper Rev. *Four Scottish Coronations // Transactions of the Aberdeen Ecclesiological Society. Vol. MDCCCII (special issue). Aberdeen, 1902. P. 24-40. Bute J. Scottish Coronation. London, 1902. P. 63-70.*
 17. В пользу такого вывода говорит одна фраза, предваряющая основной текст регламента: Линдси пишет, что он использовал «очень старую книгу, написанную на латыни». Такие книги как рукописные, так и печатные были широко распространены в средневековой Европе. Как правило, коллекционеры объединяли в одно целое различные документы, имеющие отношение к всевозможным ритуалам.
 18. Тем не менее интерес к регламенту Линдси был достаточно велик и к настоящему времени сохранились несколько копий регламента, сделанных в 1630–1650-х годах. Речь идет о рукописях, хранящихся в Коллегии герольдов в Лондоне (College of Arms MS. W.Y. fols. 235r-238r), Британской (British Library. Additional MSS. 35844. fols. 191r-192v) и Бодлеанской библиотеках (Bodleian Library. Selden supra MS. 90. 38r-44r).
 19. National Library of Scotland. Wod. Qu. XX. Fol. 58, 61, 62. (Далее — NLS).

20. NLS. Adv. 33.2.26; 33.7.10. Первая версия была в начале XIX века опубликована в: *Balfour, sir James. Ancient Heraldic and Antiquarian Tracts. Edinburgh, Stevenson and Sons, 1837. P. 36-38.*
21. NLS. Adv. 33.2.26. fol. 36r-42v. Шотландский вариант опубликован: *Balfour James. Ancient Heraldic and Antiquarian Tracts. Edinburgh, MDCCCXXXVII. P. 36-42.*
22. NLS. Adv. 33.7.10.
23. *Lyall R. The Medieval Coronation Service: Some Seventeenth Century Evidence // Innes Review. Spring 1977. Vol. 28. №1. P. 3.*
24. *Johannis de Fordun Scotichronicon, cum Supplementis et Continuatione Walteri Boweri. 2 vols. Edinburgh, 1752. Vol. I. P. 293-295 (Фордун); Vol. II. P. 80-83 (Боуэр).*
25. Коронация Якова VI Шотландского была организована под очень сильным влиянием пресвитерианского духовенства. Описание коронации сохранилось в личных бумагах Бэлфура (*Balfour, sir James. Ancient Heraldic ... P. 43-48*). Фактически последней была коронация Анны Датской. Об этом подробнее: *Федоров С. Е. «И увидела царица Савская всю мудрость Соломона и дом, который он построил».*
26. *Johannis de Fordun Scotichronicon, cum Supplementis et Continuatione Walteri Boweri. Vol. II. P. 82.*
27. Томас Демпстер, упоминая в своем обзрении среди монастырских хроник *Liber Sconensis*, очевидно, имеет в виду хронику Маккулоха: *Dempster T. Historia Ecclesiastica Gentis Scotorum. 2 vols. Edinburgh, 1829. Vol. I. P. 56.*
28. Т.н. Бречинская рукопись сохранилась до наших дней и в настоящее время хранится в Государственном архиве Шотландии. *Nicholson W. The Scottish Historical Library. London, 1702. P. 90-92.*
29. *Logan G. The Finishing Stroke. 2 vols. Edinburgh, 1744. Vol. 2. P. 113.*
30. О том, что Бэлфур был прекрасно осведомлен о содержании хроники Фордуна-Боуэра, говорят многочисленные заимствования, характерные для первых томов его знаменитых анналов: *Historical Works of Sir James Balfour, published from the Original Manuscripts preserved in the Library of Advocates. 4 vols. London, 1825.*
31. *Bute J. marquess of. Scottish Coronations. Paisley, 1902. P. 67.* Бэлфур, остававшийся весьма почитаемым авторитетом в области шотландских древностей, был не всегда предельно аккуратен и честен

- в профессиональном отношении: *Duncan A. M. The Earldom of Atholl in the Thirteenth Century // Scottish Genealogist. 1960. Vol. II. No. 2. P. 2-10.*
32. Эту рукопись не следует путать с так называемой Холирудской хроникой, так же содержащей краткое описание коронации Роберта II. Оригинальное название хроники: *Chronicum Coenobii Sanctae Crucis Edinburgensis, iterum in lucem editum*. Хроника под таким названием была издана сначала в Эдинбурге в 1596 году, а затем Робертом Питкерном в Лондоне в 1691 году. Последнее английское издание: *Chronicle of Holyrood / trans. from Latin by J. Stevenson. London, 1858*; шотландское: *A Scottish Chronicle known as the Chronicle of Holyrood / ed. by M. O. Anderson. Edinburgh, 1938*. Состав хроники формировался постепенно: ее наиболее ранняя часть приходится на коней XI века и охватывает события 1065–1066 годов; в XII веке повествование было доведено до 1189 года, а в XIV–XV веках — до конца XIV века.
 33. *Lyall R. The Medieval Coronation Service. P. 13.*
 34. NLS. Acc. 6026.
 35. NLS. Acc. 6026. I. 537.
 36. NLS. Acc. 6026. I. 489.
 37. Лайолл, в частности, полагает, что рукопись могла исчезнуть из коллекции после 1719 года, когда после обвинения в измене, все имущество Маршалов было конфисковано: *Lyall R. The Medieval Coronation Service. P. 13-14.*
 38. Известно, что Примройз участвовал в качестве эксперта при оценке новых поступлений в библиотеку Леонард-колледжа в Сент-Эндрюзе. *Pringle R. An Early Humanity Class Library: the Gift of Sir John Scot and Friends to St. Leonard's College (1620) // Bibliothek. 1974-1975. Vol. VII. P. 34-54*. Кстати, не исключено, что именно там он познакомился с Линдси и Бэлфуром. *Ibid. P. 47.*
 39. *Johannis de Fordun Scotichronicon, cum Supplementis et Continuatione Walteri Boweri. Vol. I. P. 383.*
 40. *Historical Works of Sir James Balfour... Vol. I. P. 124-125.*
 41. *Pinkerton J. History of Scotland. London, 1797. Vol. I. P. 476-477*. Рукопись ныне хранится в рукописном собрании Британской библиотеки (BL. Harley MS. 4700).
 42. Речь идет о рукописи из собрания Адвокатской коллегии: NLS. ADV. 25.5.6, fol. 203r-205v. *Lyall R. The Medieval Coronation Service... P. 15.*

ПОСМЕРТНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ МОНАРХА В РАНИЕСТЮАРТОВСКОЙ АНГЛИИ

Благодаря успешным начинаниям Ральфа Гизи и Сары Ханли, развивавшим положения церемониальной школы Э. Канторовича, сложились два, перспективных с точки зрения исследовательских подходов, направления, изучавшие феномен так называемого «церемониального междуцарствия». Суть этого феномена сводилась к ритуальному, целостно оформленному преодолению известной паузы, которая возникала между официальной церемонией похорон усопшего монарха и коронацией его наследника или преемника. Речь идет о знаменитых королевских эффигиях, образно и телесно восполнявших такую паузу.

Закладывавшиеся во времена правления Тюдоров, а затем, как представляется, в особенности — ранних Стюартов, основы «династических сценариев» предполагали активное использование разработанной в XIV–XV веках практики скульптурных моделей для визуальной демонстрации непрерывающейся преемственности находящейся на троне династии. Скульптурные эффигии применялись для организации теперь уже хорошо известных церемоний таких, как презентация тела усопшего монарха в парадных одеждах и под государственными символами, а также ритуального исхода в собор-усыпальницу.

* Оригинальная публикация: Федоров С. Е. Посмертные изображения монарха в раннестюартовской Англии // Королевский двор в Англии XV–XVII веков / ред. и сост. С. Е. Федоров. СПб., 2011. С. 366–381.

Содержание этих двух церемоний, составлявших самостоятельное звено в погребальной процессии Якова I Стюарта, определяется, с одной стороны, наличием как французского, так и собственно английского влияний. При этом очередность и полнота заимствований, формирующих характер сценария этой части самой процессии, не всегда поддаются однозначной интерпретации. С другой, — обе церемонии, визуализируя, как представляется, династические концепты Стюартов, несли на себе самостоятельную нагрузку и были новационными. Однако и в этой части погребального «спектакля», при желании, можно обнаружить определенные параллели.

Переplotение традиции и новых решений в организации этих двух церемоний придает им особое значение для понимания того, как ранние Стюарты пытались интерпретировать легитимность собственной династии и при помощи каких средств они решали связанные с этой проблемой задачи¹.

Церемония презентации складывалась постепенно и, судя по всему, обрела окончательные черты не ранее середины XVI века. Именно тогда оформилась последовательность, определявшая сочетание двух ее основных элементов. После изготовления самой эффигии умершего государя, ее облачения в парадные одежды причем, как правило, оставшиеся после инаугурации, куклу с короной на голове и инсигниями в обеих руках укладывали на специально изготовленное ложе с балдахином, украшенным династической символикой, либо помещали поверх покрытого гроба, водруженного на специальный постамент. Дальнейшее действие разворачивалось таким образом, что с «эффигией государя обращались так, словно она воплощало его живое присутствие, словно почивший государь оставался живым, и будто не произошло никаких трагических событий»². Эффигии отдавали соответствующие королевскому сану почести, произносились адресованные ей речи. Словом, осуществля-

лось то, что традиционно связывалось в сознании современников с повседневной рутинной государственного церемониала. Однако помимо почестей, очевидно, составлявших подобие публичной части презентировавшего эффигию спектакля, соблюдались правила, лишь частично напоминавшие официальный протокол. Перед кукой с принятой регулярностью выставлялись еда и напитки, ей прислуживал необходимый при этом штат придворных, ей омывали руки так, как обычно поступали тогда, когда государь завершал трапезу, и каждый день меняли нижнюю рубашу. При этом покоившееся в гробу набальзамированное тело умершего государя, облаченное в скромные одежды, находилось в придворной часовне, и над ним совершались все необходимые в этом случае обряды и манипуляции.

Церемония презентации тела умершего государя опиралась на традицию. Наиболее ранней и, очевидно, реальной точкой отсчета в использовании королевской эффигии для подобных целей следует считать похороны Эдуарда II (1327), после чего такая практика стала более или менее регулярной для англичан. До этого времени подобный вариант никогда не применялся. Известно, что ненабальзамированные тела Эдуарда Исповедника (1065/1066), Вильгельма Завоевателя (1087) лежали покрытыми на специально изготовленных дрогах. При этом наблюдавшие за самой процессией могли *de facto* лицезреть проступающие из-под покрова контуры их тел. Похороны Генриха I (1135) протекали несколько по иному сценарию. Тем не менее теперь уже забальзамированное, опять-таки покрытое тело монарха также покоилось на носилках. Похоронная процессия Генриха II (1189), включавшая новый элемент — непокрытое лицо монарха, также была более или менее типичной для тех лет процедурой. Лишь только похороны Генриха III (1272) обнаруживают определенный сдвиг, произошедший в организации церемонии, когда наряду с закрытым гробом, где покоилось тело усопшего монарха, присутствовала восковая маска его лица, но при этом не было эффигии.

Во Франции эффигии стали применяться значительно позднее и под влиянием англичан. Первый, известный мне опыт относится

к погребальной церемонии Карла VI (1422), замысел которой повторял аналогичную процессию умершего почти одновременно с ним Генриха V³. Известно, что кости и плоть английского короля, согласно обычаю (*mos teutonicus*), были раздельно доставлены из Руана (возможно, из Сент-Дени) в Вестминстерское аббатство, а эффигия, заменявшая тело монарха, покоилась при этом на крышке гроба. В последующем практика использования эффигий во Франции, помимо ее активного применения, частично обновлялась (Карл VIII, 1498) и, как представляется, достигла новой стадии в похоронной процессии Франциска I (1547)⁴, повторенной, как известно, и в ходе погребения Карла IX (1574)⁵.

Именно тогда эффигия впервые была использована для церемонии презентации тела усопшего монарха в официальных одеждах и под государственными символами. До этого события в этих целях фигурировал только открытый гроб с телом покойного. Теперь же в течение одиннадцати дней эту функцию выполняла изготовленная по этому случаю эффигия, изображавшая Франциска I, облаченная в парадные одежды государя. Водруженной на специально сооруженный постамент, выставленный в *salle d'honneur*, ей прислуживали первые люди королевства, подававшие привычную еду монарха слуги⁶. На двенадцатый день эффигию заменил гроб с телом монарха⁷. При этом изготовленные для похоронной процессии Генриха VII и его сына Генриха VIII эффигии с этой целью не применялись. Относительно посмертных изображений Эдуарда VI и его сестры Марии Тюдор сохранившиеся сведения весьма противоречивы. Известно, что эффигия, изображавшая старшую дочь Генриха VIII, была все-таки изготовлена и представляла собой скульптурное изображение королевы во весь рост⁸, но, помимо того, что она была выставлена в Вестминстерском аббатстве для всеобщего обозрения вплоть до коронации Елизаветы Тюдор⁹, более ничего не известно.

Отсутствие сведений об использовании эффигий для презентации тела усопшего монарха в отношении Генриха VIII и Эдуарда VI объясняется влиянием англиканской традиции, негативно тракто-

вавшей любые попытки поклонения скульптурным изображениям человека. Допуская известный культ королевских инсигний, эта традиция считала все прочие формы посмертного воздаяния идолопоклонством, относя эффигии и подобные им пластические изображения монарха лишь к второстепенным атрибутам похоронной церемонии. В момент кончины Генриха VII практика использования эффигий для подобных презентаций еще не сложилась, а отсутствие этой церемонии при организации похорон Марии Тюдор подсказывает несомненное влияние протестантских симпатий ее преемницы Елизаветы.

Негативное отношение к таким церемониям не исключало интереса, который англичане питали к ритуальным нововведениям французов. Так, сэр Николас Трогмортон — посол английской королевы при французском дворе оставил любопытные записи относительно похорон Генриха II, описав в них со знанием дела церемонию презентации с использованием эффигии¹⁰. Участвовавший в процессии Уильям Сесил оценивал ее сценарий как «всею уже известный и не требующий пояснений»¹¹. Эдвард Стаффорд, присутствовавший на похоронах герцога Алансонского, писал Уолсингему, явно осведомленному в основных деталях процессии, о том, что она «была организована в соответствии с принятой при французском дворе традицией»¹².

Известно, что похороны Елизаветы Тюдор были организованы в соответствии с англиканским сценарием¹³, который исключал любую возможность использования эффигии для презентации тела усопшей государыни, но не отрицал допустимость самой церемонии. Присутствовавшие при этом современники отмечали, что открытый гроб с телом покоился на специально сооруженном постаменте и, что придворные и первые сановники королевства отдавали последние почести государыне так, «словно она оставалась еще живой и продолжала здравствовать»¹⁴. Изготовленная для церемонии исхода эффигия находилась в соседней комнате, и до начала траурной процессии в Вестминстерское аббатство ее никто не видел.

Приход к власти Якова I Стюарта повлек за собой определенные изменения в отношении традиций англиканской церкви, сказавшиеся на росте популярности так называемой Высокой церкви. Близкая по своей организации и обрядности к католицизму, она практиковала несколько иной, более терпимый вариант отношения к образам и к посмертным изображениям монарха.

Елизаветинское правление было также отмечено определенными попытками смягчить отношение церкви к этому щекотливому для монархии вопросу, но за исключением отдельных уступок, достичь значительного успеха в этом деле не удалось. Общество в целом оставалось нетерпимым: погромы кладбищенских надгробий и статуй оставались реальностью, а королевские эффигии, хранившиеся в восточном пределе часовни Генриха VII, были недоступны для публики.

При Якове ситуация меняется в противоположную сторону. Он активно продвигает в парламенте проект по созданию надгробного монумента самой Елизавете¹⁵, организует перезахоронение останков Марии Шотландской в Вестминстерском аббатстве и сооружает великолепное надгробие, украшенное многочисленными статуями и богато декорированное¹⁶; учреждает пост блюстителя королевских эффигий и активно финансирует связанные с их реставрацией работы. В 1611 году все сохранившиеся к тому времени скульптурные изображения английских монархов выставляются для публичного обозрения и доступа. Помимо этого издаются первые английские переводы регламентов похоронных процессий французских монархов, сочинений древних авторов, освещавших погребальные обряды римских императоров¹⁷.

Во всех этих изменениях угадывается неоднозначность конфессиональных исканий Якова, питавшего скрытую симпатию к религии его предков; увлеченность французской политической литературой, окрепшая еще в юные годы благодаря стараниям его дяди — герцога Леннокса, а также желание сделать несомненной легитимность его династических притязаний. Стремление монументально увекове-

чить память о Елизавете объяснялось тем, что он воспринимал ее как свою предшественницу, со смертью которой преемственность в наследовании английского трона не только не прерывалась, но и усиливалась. Перезахоронение останков его матери в Вестминстерском аббатстве подчеркивало необходимую, но в свое время оспоренную связь шотландского королевского дома с Тюдорами. Выставленные в соборе Вестминстерского аббатства для всеобщего обозрения королевские эффигии демонстрировали не столько внимание нового короля к его предшественникам на английском троне, сколько подчеркнутое отношение к ним как равным. Так или иначе все предпринятые Яковом начинания вырисовывали контуры отстаиваемой им династической программы.

Еще в «Истинном законе свободных монархий» (1598) он высказывался однозначно о том, что «незаконно смещать как того, кто наследует ее [корону], так и того, кто является его предшественником, так как непосредственно в момент прекращения одного правления ближайший и законный наследник почившего государя заступает на его место... поэтому отвергнуть его или навязать другого значит не только препятствовать его вступлению, но и исключить или изгнать законного короля»¹⁸. Адресуя эти слова и сам трактат, главным образом, шотландской аудитории, Яков имел все основания рассчитывать если не на одобрение, то на понимание со стороны подданных, но, написав его по-английски, он, должно быть, ожидал определенной реакции и со стороны своих южных соседей.

Англичане без должного восторга относились к перспективе появления шотландца на английском троне. Дело было даже не в том, что Елизавета медлила с окончательным решением, не назначала официального преемника и тем самым нагнетала и без того сложную обстановку. Практически каждый, кто был хотя бы отчасти знаком с династической программой Генриха VII, придерживался мнения о том, что первый Тюдор сознательно лишил шотландскую ветвь своих наследников всех прав на английский трон. Позиция Стюартов, даже после смерти Елизаветы, не была прочной.

Современники, писавшие о поведении Якова до коронации, почти единодушно отмечают его безупречность. Следуя традиции, он преднамеренно задерживал свой приезд в английскую столицу до окончания официального траура. Выдерживая паузу, Яков, поступаясь своими идеалами, как бы подчеркивал свое согласие и отдавал должное сложившимся стереотипам, когда выставленная в Вестминстерском соборе эффигия королевы, символизируя «церемониальный интеррегnum», визуализировала бессмертие сакрального тела монарха.

Приготовления и сама коронация показали, однако, истинные намерения монарха. Из первоначального регламента были вычеркнуты необходимые если не обязательные приготовления, предусматривавшие достаточно кропотливую работу по приглашению «лордов и других сословий» на официальную церемонию. В Вестминстере и самом соборе оказались только те, кого хотел видеть там Яков. За этим последовало сокращение процедуры аккламаций: она оказалась максимально формализованной: должно быть, так преемник Елизаветы протестовал против идеи избрания английских монархов. Яков отказался одеть необходимую для помазания традиционную красную рубаху и облачился в белую, какую обычно надевали шотландские короли и, чуть было, не испортил обряд причастия¹⁹.

Яков и потом будет не раз нарушать традиции придворных церемоний, пренебрегать обрядностью англиканской церкви, но в каждом отдельном случае подобные нарушения будут оправдываться его хорошо продуманными династическими амбициями. Так произойдет, когда он откажется присутствовать сначала на траурной церемонии по случаю погребения его старшего сына — принца Генри (1612)²⁰, а затем Анны Датской (1619),²¹ возложив соответствующие полномочия на Карла, который будет не только возлагать дары за умерших, но принимать их от присутствовавших.

Достаточно сложно оценивать роль самого Якова в разработке нового сценария похоронной процессии. Он, несомненно, следил за тем, как герольды и духовенство выстраивали общий план двух

предшествующих церемоний, отличавшихся, однако, известным своеобразием и колоритом.

Сравнивая идеологические концепты его полемических сочинений с идеями, положенными в основу погребального сценария, каждый может определить скорее их отличия, чем реальное сходство. Центральной идеей, на которой строилась вся композиция похорон, была концепция двух (возможно, трех) тел монарха — физического и сакрального²². Яков никогда не касался этой темы ни в своих трактатах, ни в своих письмах, ни в своих речах. Он, напротив, настаивая на сакральной (божественной) природе королевской власти, предпочитал не разделять не только сам институт и конкретного носителя монаршей власти, но и писал о том, что преемственность поколений реализуется в момент смерти предшественника, полагая, что даже коронация в этом плане играет второстепенную роль.

Очевидно, решающее влияние на формирование общего сценария похоронной церемонии оказал сам Карл и назначенная им специальная комиссия, в которой ощущалось влияние Эсме Стюарта, герцога Ричмонда, второго кузена умершего короля, Джорджа Вилльерса, герцога Бекингема и Генри Монтагю, графа Манчестера. Каждый из них был известен своими профранцузскими симпатиями. Возможно, какую-то роль играла и Мария-Генриетта.

Клэр Гиттингс, пожалуй, одна из самых авторитетных специалистов в этой области, полагает, ссылаясь на английский перевод сочинения Клод Мориллона, что в основу траурной церемонии 1625 года был, скорее всего, положен регламент похорон Генриха IV²³. Добавлю, что описание Мориллона было не единственным возможным источником, способным вдохновить англичан. Очевидно, определенную роль могло сыграть английское издание знаменитого трактата Андре Фавина, включавшего пространное описание похорон французского монарха, и, кстати, посвященное графу Манчестеру²⁴, а также сочинения Пьера Маттью²⁵.

Элементы, использованные в церемонии презентации тела усопшего монарха в ее яковитском варианте, вызывают неоднозначные

ассоциации. Вместо парадного зала все действие разворачивается в королевской спальне. Отсутствует традиционный балдахин, а его функцию выполняет искусно задрапированный потолок помещения. Нет величественной кровати или менее привычного поста-мента. Их заменяют менее традиционные дроги, а в качестве центральных элементов церемонии фигурируют закрытый гроб с телом монарха с наброшенным поверх него покровом, на котором покоится эффигия с открытыми глазами. Любопытно также облачение монарха и его изображения. На Якове — традиционные коронационные одежды шотландских королей, эффигия облачена в парадный костюм английских монархов. При этом на голове государя надета коронационная шапочка, а у эффигии — весь традиционный набор королевских инсигний включая корону Эдуарда Исповедника, которая покоится на ее груди.

Явная ритуальная перегруженность образа умершего короля может показаться слишком вычурной, но тем не менее каждый элемент презентации получает свое объяснение. Выбор спальни легко объясняется ее значением в рутинной жизни английского двора. Известно, что именно при Якове в нее перемещается политический центр придворной жизни. Она становится не только местом, где обычно собиралось ближайшее окружение монарха, заседал Тайный совет, но и местом, где принимались основные политические решения. Отсутствие балдахина, очевидно, подводило известную черту в споре между сторонниками двух основных направлений в англиканстве, оспаривавших допустимость этого атрибута для протестантски ориентированных государей, и вводился традиционный шотландский элемент убранства. Наличие эффигии подчеркивало заимствования, определявшиеся французской практикой. Одновременное использование гроба и изображения, очевидно, было новшеством, которое в рамках этой церемонии остается не совсем понятным, но приобретает вполне определенное значение в сочетании с процессией исхода. Одежды Якова и эффигии, как представляется, подчеркивали необходимую в данных условиях связь Англии и Шотландии,

объединенных Унией корон. Распределение инсигний было скорее традиционным. Появление короны Эдуарда Исповедника было необычным, но все-таки вполне объяснимым, если учесть убеждения Якова относительно преемственности и его патриархальных настроений. Наконец, открытые глаза эффигии возвращали присутствовавших к известному спору между сторонниками натурализма, с одной стороны, и функционализма подобных церемоний — с другой. Очевидно, окружавшая тело Якова атрибутика и символика в достаточной степени профилировала его индивидуальные черты, и поэтому сценарий церемонии был скорее функционалистским, чем натуралистическим.

Церемония исхода в собор-усыпальницу была достаточно типичной для похоронных процессий как французских, так и английских монархов, отличаясь лишь в отдельных деталях. Использование эффигий сопровождалось в этом случае достаточно схожей процедурой. Ее могли нести впереди траурного катафалка, специально отряженные для этого персиванты, или она могла покоиться поверх гроба на той же колеснице под балдахин. В этом смысле общий план яковитской церемонии, повторяя второй вариант, не отличался своеобразием и был традиционным. При этом две основные составляющие этой церемонии — собственно катафалк-колесница, определявшая практически все визуальные планы процессии исхода, и действие, разворачивавшееся в стенах Вестминстерского собора, были оригинальными и в совокупности не имели предшествующих аналогов.

Несмотря на то что эффигия, изображавшая Якова, играла одну из главных концептуальных ролей во всей похоронной процессии, взгляды окружающих были прикованы не только к ней, но и к самому катафалку, на котором она покоилась. Венецианский посланник Жуан Пизаро отмечал, что «катафалк поражал своей конструкцией

и украшавшими его деталями». Джон Чемберлен признавался, что он был «наиболее изысканным и великолепно украшенным среди всех, что я имел возможность видеть ранее»²⁶.

Оба современника события, записавшие свои впечатления от увиденного, действительно, столкнулись с необычным для Англии тех лет явлением. Дело было даже не столько в том, что господствовавшая англиканская церковь весьма отрицательно относилась к подобного рода сооружениям. Очевидно, присутствовавших на церемонии поражала архитектурная эклектика, кстати, весьма характерная для яковитского двора, и выделенные при проектировании катафалка идеологические концепты.

Иниго Джонс, по чертежам которого был сооружен монумент, определяя внешний план катафалка, заимствовал не только основные идеи архитектурной композиции капеллы Темплетто при церкви Сан-Пьетро ин Монторио в Риме, воздвигнутой на месте, где якобы был распят Святой Петр (рис. 1). Очевидной представлялась еще одна параллель, соединявшая в его проекте традиционные архитектурные решения Браманте с вертикальной перспективой не менее известных римских центрических храмов, в частности, известного круглого храма Сивиллы (Весты) в Тиволи (рис. 2). Джонс заимствовал также идею трехступенчатого основания для сферического греческого перипетра, рассчитанного на круговое обозрение.

Если общее решение архитектурной композиции катафалка почти безошибочно подсказывало вдохновлявшие Джонса источники, то детали, использованные при оформлении его отдельных элементов, оказывались менее различимыми, а стоявшие за их использованием авторитеты, куда менее определенными. Возникающие при их толковании параллели подчас разрушают, как полагал Джон Пикок, не только возможную связь проекта Джонса с Темплетто Браманте, но и наличие определенного единства с общей композицией храма Сивиллы в Тиволи²⁷. Речь идет о том, какое влияние оказал на Джонса Доминико Фонтана, как известно, спроектировавший траурный катафалк для Сикста V²⁸ (рис. 3). Пикок полагает, что основной

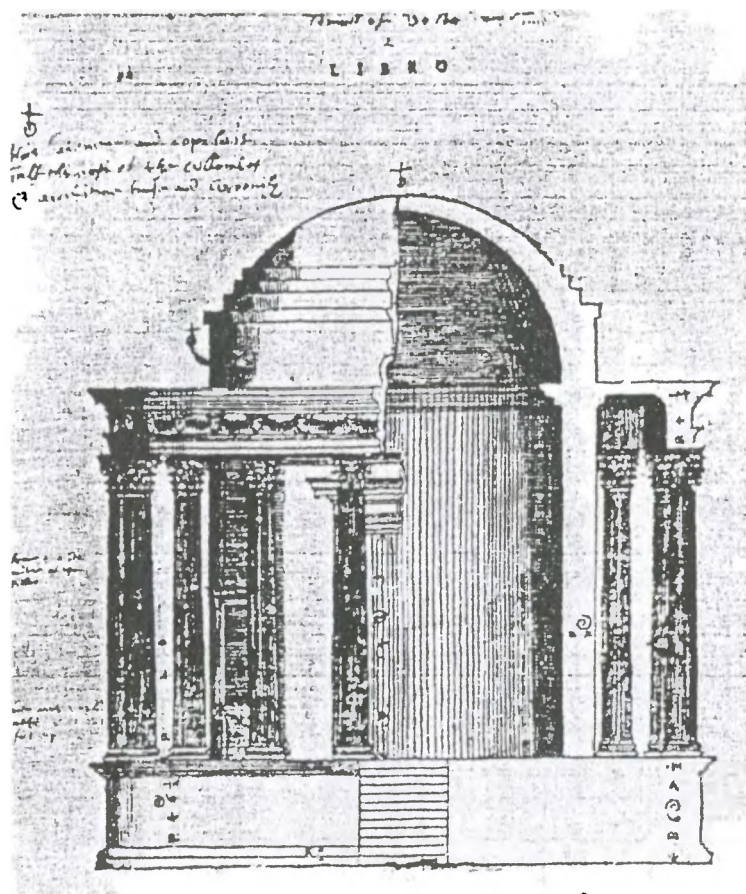

Рис. 2. Храм Весты. Тиволи. Рисунок из книги А. Палладио
«Четыре книги по архитектуре» (Quattro Libri dell'Architettura).
Личный экземпляр Иниго Джона

декор яковитского варианта был скопирован у Фонтана, и считает это обстоятельство главным источником архитектурной эклектики катафалка²⁹ (рис. 4). Тем не менее именно четыре скульптурных изображения (Религия, Справедливость, Война и Мир), украшавшие катафалк и в свое время олицетворявшие личные достоинства умершего папы, в контексте похорон Якова приобретали новое назначение, олицетворяя традиционные качества библейского царя Соломона.

Катафалк, таким образом, выполнял определенную познавательную функцию, раскрывавшую и, возможно, объясняющую для присутствующих существо происходившего в Вестминстерском соборе (рис. 5-6). Действо на самом деле было необычным, но средства, использовавшиеся для раскрытия его смысла, были вполне традиционными.

Эффигия и катафалк — основные элементы этой презентации, играли каждый свою роль. Эффигия визуализировала образ Якова как легендарного Соломона. Катафалк, буквально начиненный символическими и геральдическими средствами, дополнял визуализацию необходимыми атрибутами. Джон Уильямс, епископ Линколнский, читавший проповедь, увязывал два элемента церемонии в единое целое, снабжая все действо необходимыми пояснениями.

Центральной темой его проповеди был образ короля, запечатленный в церемониальной эффигии. Он настаивал на том, что в ней происходит своеобразная реинкарнация ветхозаветного Соломона. Для того же, как известно, древние иудеи не изваяли скульптурного изображения, которое, по мнению Уильямса, следовало нести перед колесницей с телом покойного царя и затем водрузить в храме для всеобщего обозрения. Продолжая рассуждать о справедливости воздаяния по заслугам, Уильямс утверждал, что в почившем Якове произошла еще при жизни полная реинкарнация соломоновых добродетелей, некогда не увековеченных иудеями, и попорченная справедливость была восстановлена³⁰.

Обращая внимание собравшихся на катафалк, он поочередно называл каждую из статуй, комментируя символизируемые ими ка-

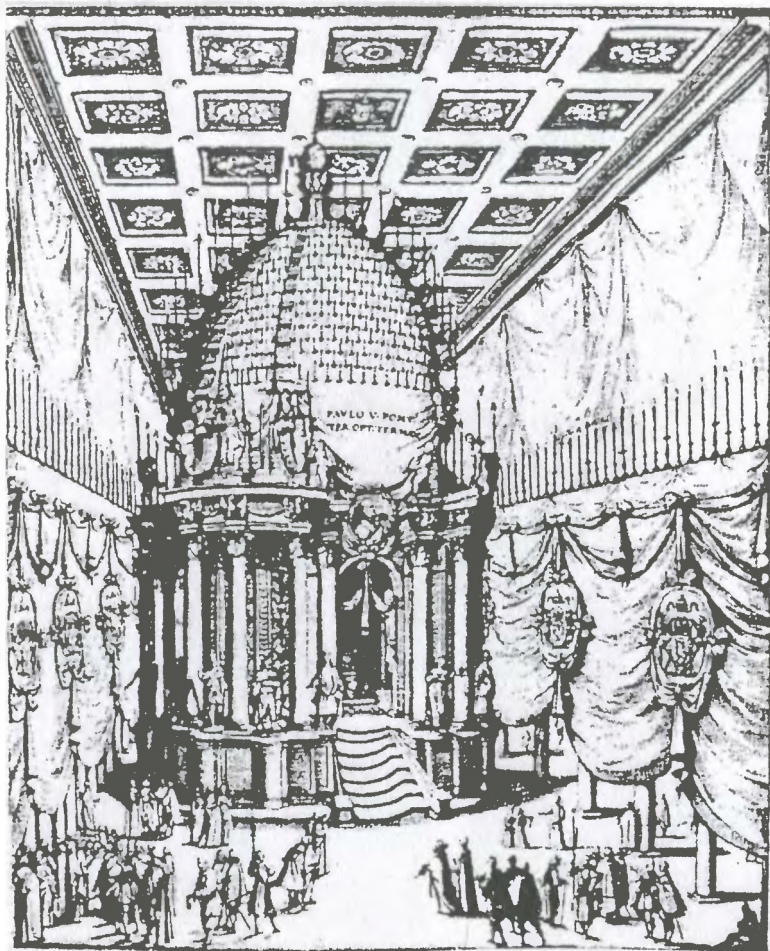

Рис. 4. Серджио Вентури. Катафалк Павла V.

Воспроизведено по: Guidiccion L. Breve Racconto della Transportatione del Papa Paolo

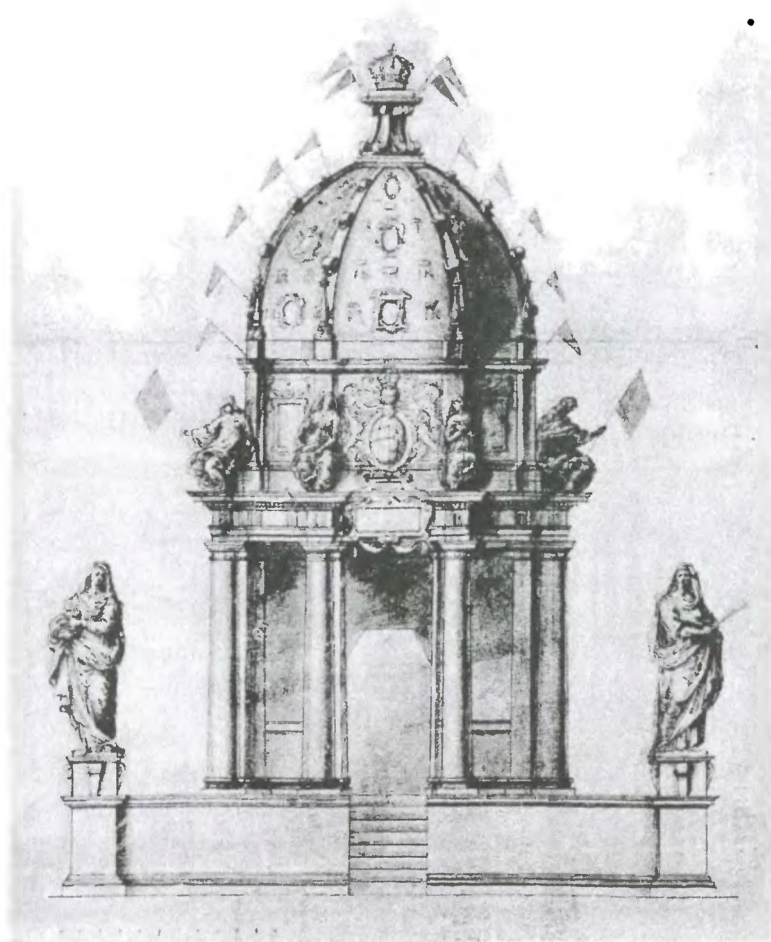

Рис. 5. Иниго Джонс. Эскиз траурного катафалка Якова I Стюарта, 1625

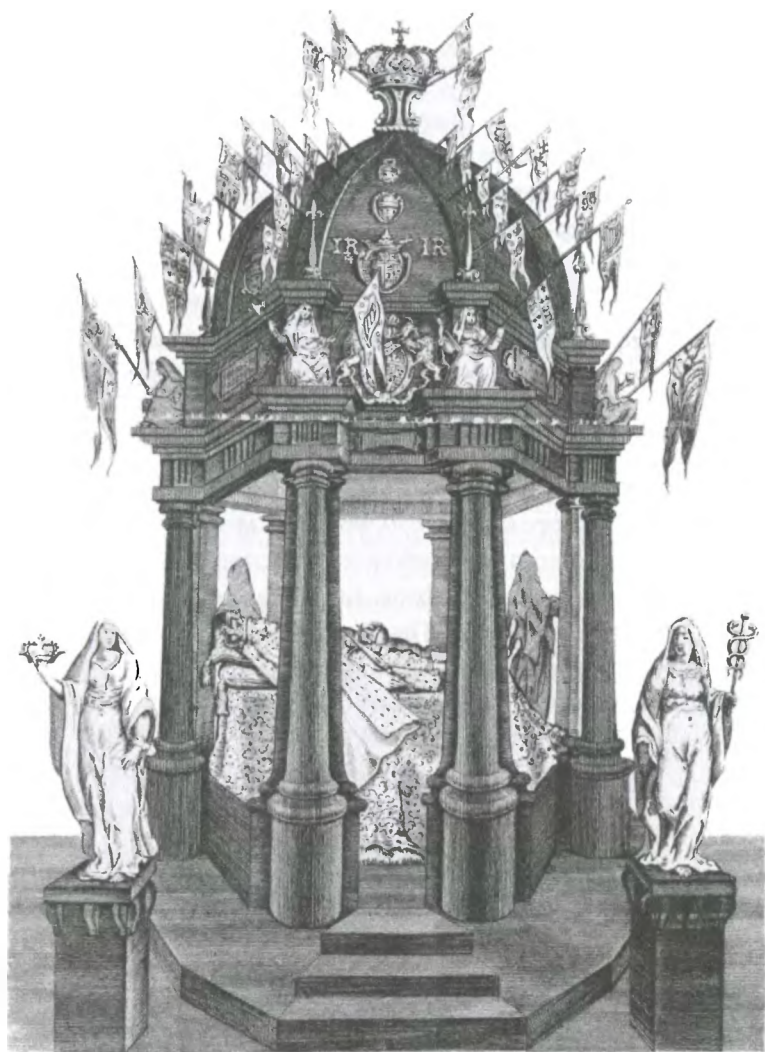

Рис. 6. Иниго Джонс. Траурный катафалк Якова I Стюарта

чества³¹, и только потом обращался к лежавшей на гробе эффигии. Складывалось впечатление, что он заставлял собравшихся вспомнить образ библейского царя с тем, чтобы отождествить его с Яковом.

Ассоциации, связанные с отождествлением Якова и Соломона, появляются сравнительно рано³². Среди англичан подобные аллюзии, очевидно, набирают свою силу позднее. Первое упоминание о легендарном иудейском царе в контексте династической перспективы было сделано Джоном Хэйвордом в проповеди, произнесенной в Пол Кросс 27 марта 1603 года. Скорбя по поводу кончины Елизаветы Тюдор, он призывал собравшихся признать в Якове ее достойного приемника, подобно тому, как в Соломоне иудеи признавали продолжателя Давида³³. Позднее за Яковом прочно закрепляется имя «Британский Соломон».

Скульптурное изображение Якова-Соломона, водруженное на гроб с останками усопшего монарха, таким образом, персонифицировало самого короля. Это был важный сдвиг в концепции королевских похорон, когда усопший монарх воспринимался или должен был восприниматься без каких бы то ни было соотношений с обобщенным образом правителя. При этом прежний дуализм тюдоровских эффигий исчезал.

1. College of Arms, London. Nayler (Press 20F/ Royal Funerals). 1618-1738. Westminster Abbey Library. London. Box: Royal Funeral Effigies. Наиболее обстоятельное описание похорон Якова I Стюарта: *Nichols J. The Progresses, Processions and Magnificent Festives of King James the First, His Royal Consort, Family and Court. 4 vols. London, 1828. Vol. III. College of Arms, London. Nayler (Press 20F/ Royal Funerals). 1618-1738*
2. *Du Tillet J. Recueils Des Roys de France: Leurs Couronne et Maison. Paris, 1567. P. 247.*

3. Описание церемонии: *Stow J. The Annales, or General Chronicle of England Begun First by Master John Stow and after Him Continued... by Edmond Howes. London, 1615. P. 362.* Более подробно об этом: *Hope W. On the Funeral Effigies of Kings and Queens of England, with Special Reference to those in the Abbey Church of Westminster // Archaeologia. 1907. Vol. 40. P. 517-570; The Funeral Effigies of Westminster Abbey / ed. by A. Harvey, R. Mortimer. Woodbridge, 1994.*
4. Церемония детально описана: *Du Tillet J. Recueils Des Roys de France... P. 247-248.*
5. Тогда срок презентации эффигии был несколько сокращен, но ее функция осталась прежней: *Hanley S. The «lit de Justice» of the Kings of France: Constitutional Ideology in Legend, Ritual and Discourse. Princeton, 1983. P. 154, 169-172.*
6. Эта церемония детально описана Дженнифер Вудуорд: *Woodward J. Funeral Rituals in French Renaissance // Renaissance Studies. 1995. Vol. IX. Part. IV. P. 385-384.* Р. Гизи, писавший также об этом, полагал, что источником для этой церемонии могла послужить известная к тому времени традиция сервирования стола перед пустым креслом усопшего монарха. *Giesey R. The Royal Funeral Ceremony in Renaissance France. Geneva, 1960. P. 159.* П. Шрамм приводит достаточно любопытные сведения о том, как после коронации германских государей, зная, следуя обряду, прислуживала за столом новому государю, желая подчеркнуть свою готовность быть кем-то вроде придворного стюарда или же его подопечных. *Schramm P. A History of the English Coronation. Oxford, 1937. P. 62-63, 70.*
7. *Du Tillet J. Recueils Des Roys de France... P. 247.*
8. *The Funeral Effigies of Westminster Abbey. P. 55.*
9. *Stanley A. Memorials of Westminster Abbey. London, 1885. P. XXXIX.*
10. *Calendar of State Papers. Foreign series. 1558-1559. P. 472-473.*
11. *Ibid. P. 493.*
12. *Calendar of the Manuscripts of the Most Hon. The Marquess of Salisbury, preserved at Hatfield House, Hertfordshire. 18 vols. London, 1883-1940. Vol. 3. P. 39.*
13. *Chettle H. The Order and Proceedings at the Funeral of ... Elizabeth Queen of England ... 28th April 1603 // A Third Collection of Scarce and Valuable Tracts. 3 vols. London, 1751. Vol. 1.*

14. *Clapman J.* Elizabeth of England: Certain Observations Concerning the Life and Reign of Queen Elizabeth / ed. by E. Read, C. Read. Philadelphia, 1951. P. 110-111.
15. *Llewellyn N.* The Royal Body: Monuments to the Dead, For the Living // Renaissance Bodies: the Human Figure in English Culture, c. 1540–1660 / ed. by L. Gent, N. Llewellyn London, 1991. P.224-225, 231, 233-238.
16. *Mercer E.* English Art, 1553–1625. Oxford, 1962. P. 220; *Harris J.* Medieval Theater in Context: an Introduction. London, 1992. P. 32.
17. The Funerall Pompe and Obsequies of the Most Mighty and Puissant Henry the Fourth, King of France and Navarre, Solemnized at Paris, and at St. Denis, the 29 and 30 Daies of June Last Past. London, 1610 (французское издание: Lyon: Claude Morillon, 1610); The History of Herodian, a Greeke Author, Treating of the Romyne Emperors. London, 1611.
18. The Trew Law of Free Monarchies: or, the Reciproock and Mutual Duetie betwixt a Free King, and His Naturall Subjects // The Political Works of James I / ed. by C. McIlwain. New York, 1965. P. 69.
19. Документальные свидетельства этих нарушений содержатся в постраничных комментариях, сделанных рукой Лода на коронационном регламенте Карла I. Cambridge University. St. John College Library. MS. L. 12.
20. Calendar of State Papers. Venetian. Vol. XII. 1610-1613. P. 468; *Nichols J.* The Progresses, Processions and Magnificent Festives of King James the First, His Royal Consort, Family and Court. 4 vols. London, 1828. Vol. II. P. 499; *Cornwallis C.* The Life and Death of Our Late Most Incorporable and Heroique Prince Henry, Prince of Wales. London, 1641. P. 85.
21. Более подробно об этом: *Федоров С. Е.* В поисках сценария: Анна Датская и ее последний путь // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2002. №3. С.43-68.
22. Наиболее обстоятельно эта тема была разработана в сочинениях Эдварда Форсета: *Forset E.* A Comparative Discourse of the Bodies Natural and Politique. London, 1606.
23. *Gittings C.* Death, Burial and the Individual in Early Modern England. London, 1984. P. 223.
24. *Favyn A.* The Theatre of Honour and Knighthood. London, 1623. P. 516.

25. *Matthieu P. Histoire de la Mort de Henri IV // Archives Curieuses de L'Histoire de France Depuis Louis Jusqu'à Louis XVIII / ed. par M. Cimper. 30 vols. Paris, 1834-1841. Vol. XIV. О значении сочинений этого автора для развития похоронных церемоний во Франции конца XVI — начала XVII века пишет Ральф Гизи: Giesey R. The Royal Funeral Ceremony in Renaissance France. Geneva, 1960. P. 179.*
26. *Calendar of State Papers. Venetian. 1625–1626. P. 55; The Letters of John Chamberlain. 2 vols. Philadelphia, 1939. Vol. II. P. 614.*
27. *Peacock J. Inigo Jone's Catafalque for James I // Architectural History. Vol. 25. 1982. P. 1-5.*
28. См. более подробно описание похорон Сикста V: *Catani B. La Pompa Funerale ... di Papa Sisto il Quinto. Rome, 1591.*
29. *Ibid. P. 2.*
30. «hee had reincarnated Solomon in all his wisdom»; «hee had no Statue at all carried before him ... that was peradventure scarce tolerable among the Jews»; «Solomon shall then arise in King James his virtues»: *Williams J. Great Britain's Solomon: A Sermon Preached at the Magnificent Funerall of the Most High and Mighty King, James. London, 1625. P. 6; 7; 8.*
31. *Ibid. P. 45-46.*
32. *Федоров С. Е. «И увидела царица Савская всю мудрость Соломона и дом, который он построил»: Анна Датская и финальный эпизод шотландских королевских свадеб // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2004. №7. С. 40-65.*
33. «... as Solomon succeeding David (unto which two in Israel I compare these two in England for wisdom, piety, and love to Gods house) we have and shall have ... the height and mighty, King James»: *Hayward J. God's Universal Right Proclaimed: A Sermon Preached at Paules Crosse, 27 March 1603. London, 1603. P. 133.*

